

Дмитрий Александрович Курьяев

КАК ДЕЛАЮТ АНТИСЕМИТОМ

Андрей Кураев

Как делают антисемитом

http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=fileinfo&id=7

Аннотация

В чрезвычайно жесткой полемике, которая последовала за первым изданием этой книги, как только не переименовывалось ее название – «Как я стал антисемитом», «Как стать антисемитом», «Почему и я антисемит»... Автор все же настаивает на своем варианте названия этого сборника статей. Если мы видим проявления русофобии среди жителей бывших союзных республик – то имеет смысл задуматься и над тем, есть ли эта русофобия только беда для «русских мигрантов» или же хотя бы отчасти еще и их вина? Точно такой же вопрос возникает и в связи с антисемитскими настроениями, которыми окружена немалая часть истории еврейского народа. Нет ли в полемических приемах, усвоенных некоторыми еврейскими проповедниками и журналистами чего-то, что способствует рождению антисемитизма? Автор этой книги считает, что антисемитизм – это болезнь. Но для лечения болезни надо знать ее происхождение. Ведь иногда болезненное состояние организма есть всего лишь нормальная реакция на отравленную пищу.

Содержание

Предисловие	4
Постановка проблемы	13
Забытый погром	46
Тайна Израиля	77
Фильм «Последнее искушение Христа» показан. Какие уроки?	141
Веселый праздник Пурим	196
Людей меньше, чем кажется?	231
Можно ли не праздновать 8 марта?	271
23 февраля: мираж победы	294
Забытые мученики Освенцима	302
«Шулхан-Арух» и «письмо пятисот»	320

Андрей Кураев

Как делают антисемитом

Предисловие

Прежде всего я просил бы обратить внимание на то, что на этой книге нет официального церковного благословения. Это значит, что за все, что в ней написано, отвечаю лишь я, а не Русская Православная Церковь. Поэтому тех людей, что сочтут необходимым критически отозваться о ней, я прошу всю критику адресовать мне, а не Церкви. Это частный проект, частное мнение. И потому я просил бы при ее рецензировании обойтись без фразы «перед нами еще одно доказательство антисемитизма, охватившего Русскую Православную Церковь».

Поскольку это уже второе издание, то и прошу об этом я уже не в первый раз. Хотя и знаю, что идеологически предвзятых людей просить, конечно, бесполезно. «Доктор сказал – в морг, значит – в морг!»[1]. После первого издания этой моей книги ее публикация светским издательством все равно была вменена в вину всей Церкви:

«Приведем только два примера распространенно-

сти антисемитских идей в православной среде. 1) При переносе и захоронении „екатеринбургских останков“ одним из вопросов, заданных Синодом РПЦ к специальной экспертной комиссии, был вопрос о том, носило ли убийство царя Николая II и его семьи ритуальный характер. В силу разработанности в околоцерковной литературе вопроса о цареубийстве, не возникает сомнений, что под „ритуальным“ характером имеется в виду именно иудейский 2) Другой пример – книгу дьякона Андрея Кураева „Как делают антисемитом“ (М., „Одигитрия“, 1998) – строго говоря, можно расценить как некорректный. Сам автор пишет: „На этой книге нет официального благословения. Это значит, что за все, что в ней написано, отвечаю лишь я, а не Русская Православная Церковь“. Однако А.Кураев – фигура знаковая; он практически единственный человек в Церкви, занятый озвучиванием ее позиции по злободневным вопросам, регулярно выступающий по телевидению и активно публикующий разъяснения по поводу разнообразных проблем. Внутри Церкви он воспринимается практически как официальный авторитет. Насколько нам известно, ни разу со стороны церковной иерархии не прозвучало ни осуждения, ни сомнения в верности его трудов»[2].

Что касается первого пункта – то официальный ответ Московской Духовной Академии Синоду был отрицательный: оснований видеть в расстреле Импера-

торской семьи ритуальное убийство нет. Но законы информационной войны ведь не разрешают говорить о том, чем завершаются «скандальные истории»: важна первоначальная смута.

По второму пункту прежде всего поблагодарю за доброе слово: мне действительно дорого терпимое отношение Патриархии к моей публицистической деятельности. Но опять же – честно ли это: я предупреждаю о том, что делаю нечто НЕ от имени Церкви, схожу с церковного амвона и говорю как подчеркнуто частное лицо, а эти мои слова все равно кладутся в досье на Русскую Церковь как таковую... А досье это ведут основательные господа: это ж «совместный проект Сайта sem40.ru и Антидиффамационной лиги». Последняя славится хорошей памятью, безапелляционностью своих приговоров и весьма влиятельными связями в Заокеании[3].

В этом сборнике собраны статьи разных лет, в том числе те, которые были написаны после выхода первого издания этой книги в 1998 году.

Тексты, собранные в этом сборнике – не плод систематического и всестороннего анализа проблемы. В этом сборнике (пока?) не хватает стержневой главы: отстраненного от публицистики и политики богословского разговора о том, как христианин должен осмысливать исторический путь еврейского народа и исходя из каких нравственных и религиозных принципов

он должен строить свои отношения с современными евреями. Но я и не видел необходимости от себя писать именно такой текст, поскольку евангельские принципы известны всем, а их приложение к «еврейскому вопросу», мне кажется, вполне удачно было исполнено в классической статье прот. Сергия Булгакова «Гонения на Израиль» и в целом в его сборнике «Христианство и еврейский вопрос».

Те же мои статьи, что собраны здесь, возникали довольно-таки реактивно, в качестве реакции на те уколы Церкви и России, которые попадались в деятельности еврейских журналистов. Ну вот, главное уже сказано: не будет уколов – не будет и реакции. Те, кто с этим согласен, могут не читать последующие сотни страниц: в них всего лишь иллюстрации этого тезиса.

В этой книге нет анализа «сложившейся ситуации». Скорее само ее появление есть факт, нуждающийся в анализе. Факт в том, что вот еще один человек, воспитанный в университетско-академической среде, с детства усвоивший нетерпимое отношение к «зоологическому антисемитизму», все же вышел за красные флажки «политкорректности». Почему?

На этих страницах я как раз и представляю тот материал, встреча с которым подвела меня не к пересмотру, нет, а к расширению представления на тему «русские и евреи». Я и поныне не отрекаюсь от своей статьи «Антисемитизм – это грех» (Еврейская газета. №1,

1992)[4]. Но кроме этого и еще нечто приходится сказать по заявленной теме.

Этот сборник – скорее исповедь, чем обвинение. Да, антисемитизм – грех, ибо греховна любая ненависть. А раздражение и возмущение есть первая ступенька к ненависти. Я не хочу, чтобы ненависть свила гнездо в моей душе. Но все же не могу не заметить, что чтение демпрессы провоцирует во мне незнакомые мне ранее реакции. Я почувствовал, что в моей душе вдруг начинают мелькать странные тени. Правила аскетики в таких случаях велят присмотреться: откуда это чувство духовно-нравственной нечистоты, что провоцирует эти приступы.

Христианин, конечно, должен быть готов в любом неприятном происшествии увидеть свою вину, свой грех. Но является ли грехом возмущение, которое рождается при слышании кощунств? Кто более виноват в этом случае – кощунник, или же христианин, в чьем присутствии это кощунство было произнесено и который, может, даже слишком вспыльчиво вступился за поруганную святыню?

Ну вот, для того, чтобы этой вспыльчивости не было, и нужно спокойно поговорить. Для начала нужно признать, что проблема есть. Есть проблема недопустимо пренебрежительного отношения некоторых еврейских публицистов к религиозно-национальным чувствам русских людей. И есть проблема недопусти-

мо резкой реакции некоторых из русских на эти оскорбления.

Понимаю, что прежде всего проблема в наших собственных немощах. Говорят, что Саладдин после беседы с Франциском Ассизским сказал, что если бы все христиане были такими, то он с радостью отдал бы им Святую Землю[5]... Будь во мне больше любви, молитвенности, духовности, я не раздражался бы при встрече с антирусскими и антицерковными выпадами, а лишь плакал бы с сердечным сокрушением о людях, которым Господь попустил впасть в такое помрачение, да о своих грехах, которые мешают другим людям, в том числе и нашим хулителям, увидеть подлинный свет Евангелия[6]... Но ведь не Серафимами Саровскими населена русская земля.

А задирать заведомо больного, несовершенного человека[7], подталкивать его к импульсивным реакциям – дело и нехорошее, и опасное. Даже святой и затворник может не выдержать – и сказать в сердцах: «Нынче все за евреев. Московский владыка и проповедь ляпнул. Так неприятно было читать ее. Жиды в тех местностях, где их колотили, кровь сосут из народа без всякой жалости. Видя, что правительство не заступает за них, они порешили сами рассчитаться с обидчиками. Толкуют, что народ дурно сделал; а на то не обратят внимание, что народ обижали. Тут нашли виновных – а жиды святы. Следовало этих наказать, то есть му-

жиков, а жидов строгому подвергнуть надзору, и за всякую проделку вешать. Тогда, может быть, они стали бы посмирнее»[8].

От проблем, которые ставит эта книга, не стоит блокироваться с помощью заранее заготовленного ругательства: "антисемитизм". Антисемитские тексты обращены к "единомышленникам", они призваны своим гневом зарядить читателей и помочь им увидеть врагов там, где их видит конструктор антисемитского текста. Я же обращаюсь не к казакам. По ходу своих рассуждений я прежде всего обращаюсь к самим же евреям. И я просто прошу понять их ту боль, которую доставляют мне и многим знакомым мне людям некоторые их высказывания. Я не призываю к погромам или ограничению прав евреев. Точнее – я призываю к тому, чтобы сами евреи ограничили себя в одном: чтобы они отказали самим себе в праве публично высказывать суждения, оскорбительные для других народов и культур.

Это тем более уместно, что за сто лет роли решительно поменялись – и то, что было простительно гонимым, не простительно власти имущим.

В отклике на первое издание этой моей книги Александр Нежный попробовал прочесть мои мысли: "Понятно, где выбрал место для своего окопа всечестной отец дьякон. Он счел бы свой труд не достигшим цели, коли бы читатель, перевернув его последнюю стра-

ницу, не исполнился ненависти к погубившим Россию
евреям. В сравнении с ним, профессором и дважды
кандидатом, генерал-сквернослов Макашов кажется
всего лишь заурядным хулиганом. Его боголюбие для
общественного сознания куда более страшен”[9].

Вынужден разочаровать сердцеведа и телепата: не
с того мозга ментальную волну Вы считали, Александр
Иосифович. В окопы я не собираюсь. Если уж и гово-
рить об окопных сидениях, то должен заметить, что
негативный отзыв на книгу “Как делают антисемитом”
раздался и из “антиэкуменического” лагеря[10].

Я “счел бы свой труд достигшим цели” совсем не в
случае начала погромов.

Мое желание, не прочитанное и не понятое Нежным,
состояло в том, чтобы начался спокойный разговор. А
для этого нужно, чтобы тема русско-еврейских отно-
шений не числилась в ряду сюжетов, запретных для
русских журналистов и разрешенных лишь для евреев.
Мне, как и ему, не хочется, чтобы в России были погро-
мы. Но у меня есть свои поводы для этого нежелания.
Один из них (помимо обычных гуманистических): я не
хочу, чтобы Россия и Русская Церковь были опозорены
таким страшным, неконтролируемым выплеском раз-
рушительно-злой энергии.

Еще мне бы хотелось, чтобы такие журналисты, как
Александр Нежный, сами осаживали не в меру нигили-
стических своих коллег – не дожидаясь, пока хамосе-

миты сделают окружающих антисемитами.

Мне бы хотелось, чтобы евреями были услышаны строки из поэмы еврейского поэта Наума Коржавина о еврейском революционере “Абраме Пружинере”:

Нет здесь выхода простого,
Только сложный – быть людьми.
Ощущать чужую муку,
Знать о собственной вине.

Наконец, мне бы хотелось, чтобы боль моего народа тоже принималась во внимание – наравне с болью народа еврейского.

Своими наблюдениями я делюсь не для того, чтобы вызвать какой-то погромный рефлекс. Я надеюсь быть услышанным прежде всего самими же еврейскими публицистами: ну, не хамите вы стране, в которой живете! Не топчитесь вы на ее святынях! Я не хочу, чтобы еврейская кровь вновь лилась в России – а в ответ слышу обвинения в «расизме». Я призываю к соблюдению элементарных правил вежливости (не поносить святыни народа, среди которого ты живешь), а меня обзывают антисемитом.

Господ из демизданий я просто прошу: не делайте меня антисемитом. Я не хочу им стать. Пока я не антисемит. А просто антихамит.

Постановка проблемы

В этой книге речь пойдет прежде всего о том, что происходит в мире прессы. С поразительной легкостью в ней мелькают высказывания, оскорбительные для тех, «кто все еще любит Россию». Вроде бы никакая логика статьи не побуждает от критики некоторого частного события или беззакония сразу возноситься к обобщениям культурологического захвата и к рассуждениям о коренных пороках русской истории и православного сознания. Но вдруг – натыкаешься:

«Одиозный пример Салтычихи, забившей в Подмосковье более 100 своих крестьян собственноручно, является уродливым национальным символом России»[14]

Какая же мера презрения к России, к ее истории и народу стоит за этими поминаниями Салтычихи. Ну кто по сю пору составляет учебники нашей национальной истории, если и сейчас ни журналисты, ни даже школьники не знают, что Салтычиха была арестована, судима, приговорена в пожизненному заключению?..

«Двум крестьянам, у которых она убила жен, удалось летом 1762 года подать просьбу императрице Екатерине Второй. Юстиц-коллегия произвела следствие, которое длилось 6 лет. В 1768 году юстиц-колле-

гия приговорила ее к смертной казни, но последняя по повелению императрицы была заменена следующим наказанием: лишенная дворянства и фамилии, Дарья Николаева дочь была возведена в Москве на эшафот, прикована к столбу, причем у нее на шее был привешен лист с надписью мучительница и душегубица, и после часового стояния заключена в подземную тюрьму в Ивановском московском девичьем монастыре, где и сидела до 1779 года под сводами церкви, а затем до самой смерти в застенке, пристроенном к стене храма. Ни разу она не обнаружила раскаяния»[12].

Выродком она была, а отнюдь не «национальным символом». Как верно вскрикнул однажды Бунин – «Какая вековая низость – шулерничать этой Салтычихой, самой обыкновенной сумасшедшей»[13].

Но все же: если бы какой-нибудь православный журналист посмел бы написать в этом стиле – «Одиозный пример Свердлова, инициировавшего кампанию „рассказывания“, является уродливым национальным символом Израиля» – ему совершенно справедливо дали бы по рукам.

Однако, о России так писать разрешается. Многие публикации «демократической прессы» причиняют боль православным жителям России. Люди, причиняющие эту боль, нередко знают, что их действие вызовет эту боль. И тем не менее идут на то, чтобы без всякой хирургической тонкости, наотмашь вторгаться

в весьма чувствительную область национально-религиозных чувств (как это сделало НТВ, предупрежденное о том, что христиане России воспримут показ «Последнего искушения» как оскорбление).

«Демократическое» сознание разрешает любую меру хамства при обращении к православной тематике, любую меру бездоказательности. «Разговоры о возрождении Русской православной церкви представляются бессмысленными. Это все равно, что надеяться на воскресение лежащей в Мавзолее куклы или, вернее, недолговременного ее (его) соседа, зарытого неподалеку. Надо избавляться от всего этого: и от мертвецов, и от Патриархии, как от затяжной болезни, которая непременно оставит следы на теле, но станет наконец вчерашним днем» (Лев Левинсон)[14].

А это: «Сколько зла причинила вся „наша“ водочно-христианская культура...»[15].

Или: «Темная жестокость, сопринродная русской жизни»[16].

Или: «зверства русской армии в Чечне свидетельствуют о безнравственности русского народа»[17].

Увы, лишь одно ограничение пока наложили на себя еврейские публицисты, говоря о России: не матюгаться. «Красиво сказано: “Умом Россию не понять” – и этим оправдывают тысячи заведомо алогичных рассуждений о России. Лишь через сто лет гипноз тютчевского “мо” развеял русский писатель Губерман (не вздрог-

нули? поздравляю) своим “давно пора, честная мать, умом Россию понимать”. “Честная” следует либо произносить на церковнославянский манер, с ударением на втором слоге, либо заменять тем словом, каковое Губерман и употребил, а мне непозволительно”[18].

Что ж, спасибо, что хоть не матом... А в остальном – «все позволено».

Излюбленное занятие хамосемитов – хамство в адрес Девы. Тут и открыто антихристианская экзегеза библейских слов: Оказывается, «Лествица Иакова» пророчествует не о схождении Бога к людям, а о будущих бедах Израиля: Иакова осаждали «мрачные видения грядущих веков»[19].

Тут и тексты в стиле – «Небольшие подтасовки дают знаменитое: „Се, Дева во чреве примет“ (Ис. 7,14). Правильно: „Смотрите, эта молодка беременна“»[20]

Тут и фотоколлажи типа того, что был опубликован в «Московском комсомольце» 18 июля 1999 (в Сергиев день) – фотография статуи Божией Матери с натянутым на нее презервативом...

Тут и просто запредельные размышлизмы Левинсона: «Необходимо сексуальное образование... сознательная сексуальная раскрепощенность, неотрывная от политической, экономической и идеологической свободы... И чему бы там ни учили аскеты от Патриархии и КПРФ, Мария, как гласит церковное предание, родила Иисуса в 15 лет»[21].

Скажет ли христианин, пусть даже принадлежащий «к отличной от Московской патриархии конфессии», что Мария родила в 15 лет в результате «сознательной сексуальной раскрепощенности, неотрывной от идеологической свободы»? Посмеет ли так сказать не-христианин, у которого есть хотя бы зачаточное чувство уважения к верованиям и святыням других людей? Хамство это, а не «демократия». И назвать трамвайного хама – хамом, даже если этот хам носит фамилию Левинсон, призвать его к прекращению потока оскорблений, является не антисемитизмом, а долгом любого воспитанного человека.

Еще прежде у классика советской литературы Исаака Бабеля, можно было прочесть о персонаже, который заходит в захваченный красными храм и видит икону Богородицы: «худая баба, с раздвинутыми коленями и волочащимися грудями, похожими на две лишние зеленые руки» («Закат»). Вполне светский литературовед замечает по этому поводу, что это не что иное как «словесный погром»: «Какой штатный атеист последующих десятилетий не позавидовал бы этому сочному отвращению, этому таланту ненависти и азарту «попрания святынь»?»[22].

Конечно, достается и другим чтимым в христианстве лицам: «Живи Павел сегодня, он бы, пожалуй, кончил свои дни в психиатрической лечебнице... Эрнест Ренан характеризует его как «отвратительного маленько-

го еврея”. Он был подвержен периодически приступам малярии. У него были повторяющиеся галлюцинации и, по мнению некоторых ученых, эпилептические припадки”[23]. Призывая евреев соблюдать обрезание, современные иудейские проповедники восклицают: «Кто поучает евреев не слушать слов Господа сегодня? Это все тот же самый Сатана. У него может быть множество обличей и имен. Две тысячи лет назад его звали Павлом. А сегодня как его зовут? Кто учит вас не делать обрезание крайней плоти своим сыновьям? Все тот же Сатана. Тот, кто повторяет слова Павла „Обрезание – ничто“, знайте, что имя его не Павел, имя его – сатана!»[24].

«Но, может быть, евреи воспринимают Иисуса если не как пророка, то, по крайней мере, как совершенного человека, как идеал, достойный всеобщего подражания? Нет, и это не так. Неприкрашенная правда состоит в том, что Иисус, хоть и является героем духа, отнюдь не совершенен. Так, Иисус не выказывает ни какого интереса к жизни разума и красоты, еще меньше – к философии, науке и искусству греко-римского мира его эпохи. Может быть, его взгляды и возвышенны, но узки».

Просто классическим, нормативным примером того, как разрабатывается антицерковная тема в современной журналистике, было передача В. Познера «Человек в маске». Сам жанр этой передачи – это идеаль-

ный способ обслуживать идеологические похоти ведущего и его работодателей. Полная анонимность «человека в маске» при желании позволяет посадить любого верного соратника в гостевое кресло и попросить его озвучить заранее написанный текст с любой клеветой в адрес того, кто по какой-либо причине оказался вне числа того «мы», с которым отождествляет себя Познер. И подать в суд на клевету нельзя – ибо неизвестно на кого подавать-то, а с журналиста и взятки гладки: это же не он сам говорил, а кто-то с улицы, который даже не представился. И вот в гостевом кресле появляется очередная маска, рассказывающая о безобразиях, творящихся в Православной Церкви. Оказывается, там есть некое боевое братство, которое, с одной стороны, помогает иерархам торговать водкой и сигаретами, а в свободное от разгрузки вагонов время сжигает книги еретиков и всяких там современных богословов-модернистов...

Не пробуя заглянуть под маску – сразу могу сказать: это ложь. Обычно в связи с «торговлей сигаретами» упоминают имя лишь одного церковного иерарха: митрополита Кирилла. Неужто его можно представить отдающим распоряжение сжигать книги Меня или Шмемана?

Одно с другим не совмещается в принципе. Если человек столь ревностен, что он готов сжигать неканонические книги, значит, он стремится к соблюдению цер-

ковных канонов, и в таком случае не позволит и себе столь очевидного «модернизма», как торговля сигаретами. Но Познер слил в одну лохань две разные истории (точнее – два разных газетных мифа), и представил стране итоговый продукт: вот она, изнаночная жизнь Русской Православной Церкви. Вот ее имидж. Таким ее и воспринимайте.

Спасибо Познеру за эту передачу. По крайней мере в ней была предельно обнажена технология современной антицерковной пропаганды. Реальность будет такой, какой «мы» ее сконструируем, какой имидж («маску») «мы» на нее навесим[26]. Даже странно, что сам Познер не спрятался за маской.

И вот, когда однажды все же примечаешь, из чьих уст исшел очередной плевок, то рано или поздно начинаешь понимать, что есть повод стать антисемитом. Или, по крайней мере – повод к тому, чтобы взять себя в руки и не поддаваться на эмоции. Как говорит в таких случаях один мой знакомый православный еврей: «Не делайте меня антисемитом!».

Я понимаю, что от иудея нельзя требовать согласия с христианством. Понятно, что в текстах, предназначенных для внутреннего пользования в иудейских общинах, содержатся уничижительные суждения о христианстве. Понятно, что иногда трудно удержаться и не выплеснуть какую-нибудь отрицательно-критическую мысль по поводу христианства и христианской

культуры в массовую прессу. Я не собираюсь отказывать иудеям в праве критиковать христианскую веру, историю, культуру. Но есть критика, а есть поносительство и издевательство. И если уж еврейские публицисты разрешают себе именно это, непонятым становится лишь одно: как после своих выходов они еще возмущаются тем, что в итоге в обществе, в том числе и в интеллигенции, начинают копиться ответные негативные же чувства.

Ну, казалось бы, давно известно: в любом межэтническом конфликте абсолютно правой стороны не бывает.

Если уж сегодня братья за покаянный “иудео-христианский диалог”, то надо говорить не только о европейских гетто, но и об иудейских доносах на христиан в первые века нашей эры; не только о еврейских погромах в Европе Нового времени, но и о проклятии христиан Синадриюном в Явне (город на юг от нынешнего Тель-Авива, ставший центром раввинизма после разрушения храма) около 80 г. И о том, что крест первых христианских мучеников слагался из ненависти как язычников, так и иудеев (“Толпы людей немедленно бросились собирать дрова и хворост из мастерских и терм, в чем с особенною ревностью помогали иудеи, по своему обыкновению. – Мученичество св. Поликарпа Смирнского, 13)[27]. И о погромах христиан евреями в начале 5 века в Александрии – включая распя-

тие христианского мальчика (Сократ Схоластик. Церковная история 7,13 и 7,16). И о том, как в 609 г. в Антиохии произошло восстание против греков, в котором приняли видное участие евреи, причем среди беспорядков неясно кем был зверски убит православный патриарх Афанасий[28]. И о том, как иудеи вырезали христианское население Иерусалима в 614 году (после взятия города персами). И о гонениях на христиан в иудейской Хазарии ококло 932 г.[29].

И возмущаться надо не только антисемитскими газетками, но и теми словесными погромами христианства и христианской культуры, которые нередки у еврейских публицистов. И то, и другое – подлость и преступление. Но осуждение этих низостей должно, очевидно, быть взаимным.

Однако, едва заходит речь о русско-еврейских отношениях, на одну из сторон допустимо примерять исключительно ангельски-белые ризы. Отгадайте – на какую?.. В хорошо простиранных политкорректностью головах красные флажки развешены на вполне понятных и приметных местах: «Я не хочу сказать, что евреи никогда не давали никаких поводов... Но все эти и иные ситуации, вины, ошибки и поводы не имеют отношения к глубинным корням антисемитизма»[30]. Не имеют отношения – и точка! Оппоненты превращаются в пациентов: рациональных оснований для их реакций у нех заведомо нет, они бессовестные сволочи или

безумцы.

Хотите лечить антисемитизм? Прекрасно. Но у этой болезни множество истоков. И по крайней мере один из них (не буду оценивать – наибольший или наименьший) – это то, как еврейская журналистика препарирует русскую историю, культуру, как профанирующе она прикасается к нашим религиозным и национальным святыням. И это происходит на страницах не только своей конфессиональной (иудейской) или национально-общинной прессы, а на страницах изданий, обращенных ко всем жителям России. Причем так было и в предреволюционные годы, и в советский период, и в годы нынешней “демократии”.

Мы уже знаем, что демократия – очень своенравная и капризная дама, у которой много совершенно неожиданных симпатий[31] и антипатий. Но для надежды всегда есть место, и потому я все равно дерзаю спросить: все же демократия предполагает только позволение демжурналистам оскорблять православных и русских, или же она еще позволяет и нам в ответ сказать: «Нам больно. Не хамите!»?[32]

И ведь не все обладают здравомыслием и юмором Максима Соколова, не все могут свое возмущение – как он – изливать в известинских статьях: "По мнению Е. Боннэр, интеллигенция проморгала, как Россия «из государства светского становится государством православным. И это тоже неостановимо». В чем заключает-

ся православная сущность сегодняшнего русского государства, не разъясняется. Вдова акад. Сахарова дает нашему государству неслыханно высокую и притом абсолютно им незаслуженную оценку. Устами одной либеральной газеты уже объявлено (в связи с воздвижением часовни Казанской Божьей Матери возле здания МВД), что Казанская икона всегда была не оборонительной, а нападающей (т-е. плохой) и что празднование осенней Казанской в память того, как в 1612 году с прекращением Смуты «очистилось Московское государство», свидетельствует о том, что «есть власти, для которых все подданные – грязь». Смута XVII века заключалась в том, что в течении ряда лет государства как такового не существовало, а разбойничьи шайки беспрепятственно хозяйничали по всей Руси. Относиться к этим ватагам шишей как к грязи – это еще очень мягкое отношение. Если благодарность Предстательнице перед Престолом Всевышнего за избавление России от страшной беды означает, что «есть власти, для которых все подданные – грязь», хочется спросить только одно: «Отчего при самомалейшем уповании на Божье заступничество за Россию вас так ужасно, неудержимо корежит? До сих пор существовала только одна категория существ, при словах „Да воскреснет Бог, и да расточатся враги Его“ испытывавшая нестерпимую боль, заставляющую забывать о всяком политесе»[33].

Не все могут ответить так блестяще. И тогда не-ответственная обида, проглоченная досада будет бродить внутри, распухать и порождать уже не иронию и не полемику, а ненависть. Оно вам это надо?

... Пишу я эти строки под впечатлением только что, в конце августа 1998 г. прошедшей педагогической конференции, на которой присутствовали чиновники из Министерства образования. Конференция проходила в провинциальном городе, а чиновники-“эксперты” приехали дружной группой из Москвы. Те из них, с кем мне довелось поближе познакомиться (человек пять), все оказались евреями (не по моим догадкам, а по их собственным словам). Все умнейшие люди. Все влюблены в Асмолова. Их докладами на конференции можно было заслушаться. Разговор шел в основном о необходимости воспитывать наших детей в духе “открытости”, “терпимости”, “диалога культур”. Но когда по вечерам местная администрация устраивала чествования приезжих гостей, происходило что-то странное. Мое присутствие за столом не мешало московским гостям громко, в порядке тостов рассказывать анекдоты “о попах”. И никто даже на утро не подошел для извинений. Так что их призывам к “диалогу культур” я почему-то не поверил.

Понимаю, что мне закричат: “Не обобщайте!”. Готов, с радостью готов не обобщать. Но лишь в том случае – если любители порассуждать о “православном анти-

семитизме” сами признают возмутительность тех высказываний, которые были (и будут ниже) приведены мною. Если бы еврейские организации опережали русских патриотов в декларациях, осуждающих выходки хамов с еврейскими фамилиями – вот тогда последующий призыв «Не обобщайте!» был бы честен, логичен и неотразим.

Сегодня «Закон о противодействии экстремистской деятельности» устанавливает, что если некий человек, связанный с общественной или религиозной организацией, допустил высказывания, разжигающие национальную или религиозную рознь, то эта организация должна в пятидневный срок публично отречься от этих заявлений[34]. Иначе к ней будет применен принцип именно коллективной ответственности.

Анти-антисемитские издания и центры активно поддержали этот закон. Но отчего же тогда они сами не осаживают «отдельно-взятых» хамов и расистов еврейской национальности? А раз сами еврейские общины не отделяют себя от таких публицистов, то что же удивляться тому, что и в наших глазах они смотрятся единой колонной? А потому я считаю допустимым, основываясь на «отдельных публикациях» говорить все же именно о позиции «еврейской публицистики» и о «еврейском взгляде на Россию и православие».

Александр Нежный верно сказал, что “порядочный человек тем и отличается от шпаны, что всегда найдет

в себе нравственные силы провести непреходимую грань между хамами, политическими авантюристами и палачами – и народом, которому по крови они принадлежат”.

Соглашаясь с этим, я никогда не скажу, будто еврейский народ состоит из хамов, политических авантюристов и палачей. И все же в иные моменты более общие имена вполне закономерно прилагаются для обозначения более частных групп людей. На Куликовом поле русские воины не говорили: “Вон, идут солдаты золотоордынского хана”, но – “вот татары идут”. Об Александре Невском говорили, что он “немцев побил” (хотя было бы наивным полагать, что сказавший так предполагает, будто все немцы, жившие в то время на планете, ходили с синяками под глазами). По правилам нашего языка допустимо сказать, что не бонапартисты, а французы были изгнаны Кутузовым из Москвы... Вот и в сегодняшней информационной войне при разговоре о русскоязычной прессе порой вполне уместно указать: “евреи пишут...”.

Сами-то “демократические” журналисты почему-то, категорически отрицая принцип “коллективной ответственности” в случаях, когда речь идет о недостойном поведении евреев, историю христианства описывают именно в категориях “коллективной вины”.

Человеческий, а не идеологически-инквизиционный разговор на эту тему может быть продолжен лишь в

том случае, если следующая статья, полемизирующая со мной, начнется с признания очевидного: да, к сожалению, действительно есть такие еврейские публицисты (причем самых разных религиозных взглядов), которые и в начале века, и в советские годы, и в годы “демократических перемен” совершенно недопустимым образом отзывались о России, ее истории и культуре, о православии и Евангелии, чем и вызвали появление антисемитских настроений... Вот после этого уже можно будет всерьез обсуждать – как же именно эти настроения гасить. Иное поведение будет проявлением двойного нравственного стандарта, то есть – попросту безнравственностью, которая исключает любой диалог.

Слишком многое станет странным, непонятым и в мировой истории, и в истории евреев, и в русской культуре, если подмечать лишь неприятные реплики в адрес евреев и не задумываться над тем, что же именно порождает эти реплики и жесты.

Вот очень показательный текст, из которого станет ясно, зачем именно я взялся за написание этого сборничка: «В мемуарном очерке „Вольный проезд“ Марина Цветаева рассказывала о том, как в сентябре голодного восемнадцатого года она отправилась в Тульскую губернию выменивать мыло и ситец на муку, пшено, сало. Она остановилась в доме, где жили красноармейцы-продотрядовцы, приехавшие из Петрограда.

Идут реквизиции. Продотрядовцы разбойничают, выжимают из людей последние соки, народ стонет. Реквизиторы – командир продотряда Иосиф Каплан („еврей, хам, коммунист с золотым слитком на шее“), его жена („наичернящая евреечка, обожающая золотые вещи и шелковые материи“), сотоварищи Левит, Рузман, какой-то „грузин в красной черкеске“ и др. Жена командира говорит: „Иося прав, не может народ больше томиться в оковах буржуазии. Иося мечтает сорвать колокола с сорока сороков московских церквей, чтобы перелить их в памятник Карлу Марксу“. Затем следует „мытье пола у хамки“ т. е. у „наичернящей евреечки“, которая все сделала, чтобы появилось „чувство, что я определенно обращена в рабство“. Излагаются разговоры о том, что ЧК возглавляет жид Урицкий... Конечно, рассуждает автор „Вольного проезда“, и евреи бывают разные... И скорбь об убиенном императоре, и проклятия его убийцам... Это далеко не полный перечень всего омерзительного, что, как сгусток грязи, собрано в очерке Марины Цветаевой относительно евреев... Не будем вдаваться в выяснение вопроса что же все-таки послужило поводом для появления такого антисемитского опуса»[35].

Так почему же не стоит «вдаваться в выяснение вопроса» о том, почему совестливейшая, интеллигентнейшая русская женщина вдруг написала «антисемитский опус»? Неужто это ее действие ну никак ничем не

спровоцированно? Неужто она все придумала – и не было ни Урицких, ни «Капланов»? Неужто на пустом месте родились горькие протесты против еврейских кощунств у Розанова, Блока, Бунина, Шульгина[36].

Если боль есть – то глушить надо боль и то, что ее порождает, а не разговоры о ней. Если не говорить о той боли, о том негативе, что копится в наших душах, если все таить в себе, то может быть взрыв, обвал. Демократия для того и предписывает свободу слова, чтобы, во-первых, уметь диагностировать настроения, формирующиеся у той или иной части общества, во-вторых, чтобы хотя бы порой некоторые негативные настроения выходили в пар, в свисток, в слова, а не в реальные дела разрушительного характера, в-третьих, для того, чтобы словесной борьбой, фехтованием ораторов и журналистов заменить ту борьбу, в которой нож или автомат являются главными аргументами. Нет, не стремится эта книжка к разжиганию межнациональной розни. Напротив, я был бы рад ее загасить и именно для этого попробовал выговорить то, что бродит уже в душах очень многих русских людей.

Я убежден, что антисемитизма в этой книге нет[37]. Я не считаю еврейский народ в чем-то хуже народа русского или любого другого. Я просто не считаю евреев лучше всех остальных народов. Но, кажется, сегодня даже это уже считается антисемитизмом. Но разве есть национализм в том, чтобы просить ко всем на-

родам и ко всем людям подходить с одними и теми же нравственными критериями? В этих статьях именно это и делаю. Я все время просто и скучно спрашиваю: «Господа! Я понимаю, что чужая боль плохо чувствуется. Но представьте, что точно такую же фразочку кто-то бросит в адрес вашего народа. Вам разве не будет больно? Так, может, и вы не будете бросаться булыжниками в нас?».

Не знаю – расслышат или нет это мое обращение еврейские журналисты. Если нет – тогда сама русская интеллигенция должна помочь остановить поток провокаций. Для начала – хотя бы осознать само наличие проблемы. Затем – осознать, что русский интеллигент совсем не обязан стесняться того, что он русский. Затем – понять, что звание интеллигента совсем не обязывает оправдывать любую гадость, учиненную еврейским журналистом (оправдывать только на том основании, что он еврей, а евреев, дескать, осуждать нельзя). Затем – попробовать пояснить хотя бы знакомым по носителям русской духовной культуры, что в многонациональной стране так себя вести недопустимо.

В сентябре 1998 г. в Воронеже была у меня встреча с преподавателями местного университета. Два часа разговор шел спокойный и серьезный. Затем мне задали вопрос: «Почему ваш патриарх поддержал войну в Чечне?». Поясняю: "Патриарх не менее пяти раз выступал с призывом остановить чеченскую войну. Он

делал такие заявления и от себя, и вместе с Синодом, и вместе с лидерами мусульман России[38]. Но эти его заявления почему-то оказались замолчаны прессой. Поэтому тут вопрос не в Патриархе. Вопрос в том – почему столь странный информационный тромб образовался на нашем телевидении? Не связано ли это с тем, что телевизионные каналы находятся на содержании у так называемых «олигархов», а эти олигархи – евреи? Может, им кажется выгодным, чтобы Россия рассорилась с мусульманским миром, и тем самым стала объективным союзником Израиля? Может, поэтому в средствах массовой информации желают придать этой нефтяной, мафиозной войне видимость войны религиозной, войны христиано-исламской?".

Аудитория возмутилась. Однако после того, как я привел несколько цитат, несколько фактов, атмосфера вновь стала спокойно-раздумчивой, эмоциональный накал спал. И тогда уже я обратился к людям со своим вопросом: «Коллеги! Вы – русская интеллигенция. За два часа нашего общения я сказал немало горьких слов о положении в Русской Церкви, о том, что вообще происходит с народом. И никто из вас при этом не счел нужным возмутиться. Но стоило только мне упомянуть одной лишь фразой о евреях – как вы сочли своим долгом воспрянуть и дать мне гневный отпор. Почему вы разрешили убедить себя, что в истории и верованиях любого народа, особенно русского, мож-

но вскрывать недостатки, но о евреях можно говорить лишь положительно? Так кто из нас националист? Кто превозносит один народ над другими? Почему вы не считаете своим нравственным долгом защищать русскую культуру и русских, но считаете своей неременнейшей обязанностью всякий раз грудью вставать на защиту евреев? Как же вы позволили так воспитать, так выдрессировать себя?».

Тот, кто останавливает хулигана, делает добро и себе и тому, кого он остановил, удержал от совершения большего греха[39]. Хулиганов же надо осаживать – даже в том случае, если его национальность отличается от национальности тех, кого он задирает.

Впрочем, речь идет не только о хулиганах. Диалог предполагает умение слышать и учитывать реакцию собеседника. Про ту же демократию говорят, что это – система с обратной связью. Демократия расставляет зеркала, в которых власть может увидеть собственное, порой нелюбезное отражение. А это бывает полезно и для власти, и для любого отдельного человека. Я стараюсь быть благодарным людям, которые указывают мне на мои неудачные и ошибочные шаги и высказывания. На этот раз я решил подставить зеркало некоторым своим коллегам-журналистам и просто засвидетельствовать им: от ваших действий людям бывает больно; будьте осторожней.

Если мы и дальше будем молчать – однажды мы об-

наружим, что дали надеть на себя такие путы, по сравнению с которыми идеологические шаблоны КПСС были еще очень даже широки[40]. Вот небольшое воспоминание о том будущем, которое мы сами готовим для себя своим молчанием.

Еще в 30-е годы XX века и в эмиграции А.Карташев (в неопубликованном предисловии к книге В. Бурцева) заметил: «Евреи все время выдвигают свою „угнетенную невинность“ и ждут от всех только сострадания и какого-то обязательного противоестественного юдофильства... Всякий волен быть англофилом или англофобом, германофилом или германофобом, славянофилом или славянофобом. Так же точно – и юдофилом и юдофобом. Право на „фильство“ и „фобство“ есть одна из великих свобод в международных отношениях. Водворению этой свободы мешают юдофобы невежественного и грязного цеха...»[41].

Либеральный оппонент В. Шульгина – В. Маклаков – вспоминал: «Но и в семитическом, в еврейском лагере есть тоже категория людей, которые меня раздражают и с которыми спорить я не могу; это все те люди, которые приходят в искреннее негодование при малейшем нападке на евреев, которые видят оскорбление их национальности и в предпочтении нами своей собственной, которые засчитывают в разряд антисемита всех тех, кто не разделяет их мнения о себе, а всякого антисемита считают погромщиком... Я никогда не забу-

ду одного интересного вечера в Петербурге, когда на квартире Винавера был ужин и собеседование выдающихся евреев и заведомых русских не антисемитов. Я помню эту нетерпимость и требовательность еврейства, чтобы мы, русские-христиане, не смели предпочитать свою культуру и себя им»[42].

Верно: юдофобы требуют «ненавидь как мы, иначе и сам станешь нам ненавистен!». Но и еврейские стандарты политкорректности настаивают: «люби нас как мы любим себя, иначе будешь лишен почетного звания порядочного, просвещенного, интеллигентного, современного человека!».

К примеру, израильский писатель С. Дудаков, подвергая идеологической цензуре и порке русскую классику, занес в антисемиты Пушкина и Гоголя. На каком основании? – «Досадно отсутствие положительного образа еврея в творчестве великих писателей»[43]. Вам это ничего не напоминает? Не забыли вы еще, как основным недостатком первого варианта фадеевской «Молодой гвардии» считалось отсутствие крупных положительных образов парработников?

Видя подобного рода обвинительный беспредел, соглашаешься с голосами неполиткорректных диссидентов: «антисемитом является не тот человек, который не любит евреев, а тот, кого сами евреи не любят. И по каким-то причинам гласно объявляют об этом»[44]. «Обвинение в антисемитизме смогло стать политиче-

ской дубинкой именно потому, что смысл его сделали неуловимым – и наложили строжайшее табу на выяснение смысла»[45].

Вот статья с устрашающим названием: «Интеллектуальные погромщики»[46]. Ее зачин: «Впору говорить о новом, крайне тревожном явлении – в Европе возрождается антисемитизм».

Что же за погромщики распоясались в Европе? – «Двое профессоров – биолог Стивен Роуз и его жена, социолог Хиллари Роуз, выступили с призывом бойкотировать израильские университеты. „Многие национальные и европейские организации, когда речь идет о выделении грантов и межуниверситетских контактах, относятся к Израилю как к европейскому государству. По этой причине вполне своевременно ввести мораторий на любое дальнейшее сотрудничество до тех пор, пока Израиль не выполнит резолюции ООН и не начнет серьезные переговоры с палестинцами“, – говорилось в письме Роузов. Под обращением подписались 123 ученых, подавляющее большинство их составляли европейцы. Родиной бойкота стала Великобритания, где критика Израиля в среде либеральных академиков и литераторов – признак хорошего тона. В апреле прошлого года она материализовалась. Словами дело не ограничилось».

Ну? Неужели профессора стали громить те комнаты общежитий, где жили студенты-евреи? Нет – по-

гром выразился в том, что «Национальная Ассоциация учителей проголосовала за то, чтобы „все британские учреждения высшего образования пересмотрели в сторону ужесточения свои связи с Израилем“. Месяцем позже Ассоциация преподавателей университетов приняла решение субсидировать бойкот израильской науки. Бойкот уже начал сказываться на научной жизни Израиля. Лишь по линии Группы академических исследований, которая субсидирует совместные проекты британских и израильских университетов, число выделенных израильтянам грантов сократилось на треть. Инициатива британских ученых уже подхвачена их континентальными коллегами. В начале января административный совет одного из подразделений Сорбонны – Париж VI – проголосовал за бойкот израильских университетов и потребовал от Евросоюза разрыва всех научных связей с Израилем».

Итак, оценка государства Израиль как государства, не соответствующего демократическим нормам, есть антисемитизм и погром...

Антисемитизм – не научный и не юридический термин. Это полемическая дубинка, которой долбят любого непонравившегося. стало идеологическим значком, используемым для идейной порки. А от идеологических кампаний лучше держаться в стороне. В конце концов слово антисемит стало означать лишь одно: тот, кто не нравится семитам.

Любое критическое замечание не-еврея о ком-либо из евреев объявляется криминальным. Вспомним, как и за что это обвинение было предъявлено Марине Цветаевой и Пушкину... Охотникам за антисемитизмом достаточно одной строчки, чтобы поставить клеймо на всю жизнь уличенного ими человека. Мое же опасение состоит в том, что именно по этим клеймам в весьма недалеком будущем будут ориентироваться авторы рецензий, школьных учебников, библиотечных каталогов и блюстители политкорректности.

Вот как работает новая цензура: “Алексей Лосев оказался заурядным антисемитом... Это текст, не просто компрометирующий Лосева, а выводящий его за пределы культуры”[47].

Теперь мы знаем новые критерии культурного пространства: оно, оказывается, вновь совпало с партийностью и идейной выдержанностью.

А, значит, может вернуться время, когда Достоевский, Бунин, Флоренский[48], Леонтьев, Розанов, Цветаева, Блок[49], Михаил Булгаков[50], Сергей Булгаков, Георгий Свиридов снова будут изъяты из культуры; положительные ссылки на их книги станут невозможны. Ведь они высказывались по еврейскому вопросу с “ошибочных” и “реакционных” позиций... Так можно ли будет в следующем поколении открыто симпатизировать этим авторам, переиздавать их, ссылаться на них как на авторитетные источники, доброжелательно,

с сочувствием и согласием их изучать?

Я-то не считаю антисемитами ни Цветаеву, ни Бунина, ни иных русских писателей, выступивших против хамского отношения некоторых евреев к культуре “страны проживания”. Мне неинтересно проводить градацию классиков русской культуры по критерию их еврейской ориентации: «антисемиты» они или «филосемиты». Но эту градацию проводят цензоры новой идеологии и именно по нему нам будут определять, кого считать классиком русской культуры, а кого надо упрятать назад в спецхран.

Долго русская интеллигенция отмахивалась от большевиков, не считая возможным вести с ними полемику. Тут, мол, дикие гримасы царизма надо обличать, так что не стоит отвлекаться на полемику с революционерами. Кроме того – царизм ведь преследует большевиков, а, значит, нравственно недопустимо критиковать тех, кто в оппозиции. А потом оказалось, что эта болезнь молчания перед лицом большевистских хамств стала уже неизлечимой. И если сегодня перед лицом духовных наследников большевизма русская интеллигенция будет столь же угодливо молчать – то и сама не заметит, что молчит-то она уже не по собственному выбору, а потому, что ей в рот уже умело воткнули очередной кляп.

Это всегдашнее поддакивание «борцам с антисемитизмом» ведь уже известно чем кончится.

Чего на самом деле ждет «новый мировой порядок» от христианства, видно из западных публикаций на модную тему «Богословие после Освенцима».

Из них мы узнаем, что “Евангелие от Луки пропитано мягким вежливым антисемитизмом”[51]. “Павел придерживался неприемлемой антисемитской позиции”[52]. “Несмотря на то, что Евангелие от Иоанна является наиболее любимым у верующих, Эпп считает его “пагубным” Евангелием, на котором лежит большая доля вины за разжигание антисемитских действий в последующие века”[53]. “Отцы церкви могут быть справедливо осуждены за антисемитизм”[54].

Чтобы Церковь окончательно сняла с себя подозрение в культивируемых ею антисемитизме и нетерпимости, ей понадобится не только отречься от своих «осужденных» Отцов. Придется идти до конца – до создания новой христологии.

По мнению Лёзова и реферируемых им западных авторов унижительную для евреев оценку христианами их нынешней исторической роли можно устранить только через пересмотр центрального «мифа» христианства: мифа о спасительности страданий Христа. «Самый важный аспект христианского антисемитизма – это представление о распятом Боге, спасающем мир от последствий греха»[55]. «Истолковав смерть Иисуса как искупительную жертву в космической борьбе между силами добра и зла, авторы евангелий отде-

лили Иисуса от всякой политической реальности и от подлинных обстоятельств его смерти. Передвинутое на мифологический уровень, это повествование мифологизировало и евреев»[56]. Итак, если мы хотим преодолеть «юдофобский потенциал Нового Завета», мы должны перейти к пересмотру «смыслового, догматического центра христианства»[57]. Надо отказаться от признания Иисуса Мессией и Богом, надо отринуть спасительность Его крестной жертвы, надо признать, что Иисус просто жил в мире ветхозаветных предписаний, отнюдь не оставив после себя ничего нового.

Языческая Римская империя готова была терпеть христиан при условии, что они не будут настаивать на единственности и правоте своего Бога. Если признаешь плюрализм на небесах, если будешь чтить и языческих богов – можешь поклоняться и своему распятому Иисусу. Этого требует от христиан и нынешняя империя – «новый мировой порядок». Новое общество готово признать христиан лишь в том случае, если «христианство релятивирует собственное притязание на причастность к абсолютной истине и изменит вытекающие отсюда миссионерские установки»[58].

По мнению наших просвещенных критиков, антисемитизм неотъемлем от христианства по той причине, что оно «узурпировало притязания Израиля» на исключительность его отношений с Богом[59]. Те права и обязанности избранного Богом народа, которые возве-

стил Израилью Ветхий Завет, христианство применило к себе – «некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Пет. 2, 10). В этой перспективе на долю Израиля в новозаветную эпоху уже не остается созидательной религиозной роли. «Апостол Павел придал христианству универсализм и при этом, противопоставив спасительное Евангелие неспасительному Закону, истолковал иудаизм как „пройденный этап“. Тем самым он положил начало теологическому принижению иудаизма»[60].

Значит, христиане должны перестать считать Евангелие выше древнееврейского закона.

Странно: Никто же ведь не будет возмущаться, если некая миссия призовет какое-нибудь африканское племя оставить его традиции человеческих жертвоприношений и перейти к иным способам выражения своих религиозных чувств. Но ведь переход от человеческих жертвоприношений к сожжению жертвенных животных есть не единственный шаг на пути духовного прогресса. Переход от ветхозаветного национализма к евангельскому универсализму также есть шаг на этом пути[61]. Противиться ему значит вставать именно на защиту национализма. Так почему же именно еврейский национализм считается сегодня единственным в демократическом мире, который позволительно не скрывать, который позволительно культивировать и даже более того – предписано возмущаться теми, кто не согласен с этим исключением?

При этом сам иудаизм не склонен пересматривать свое собственное полемическое наследие: «Ожесточенная дискуссия развернулась вокруг политических и теологических взглядов главного раввина Британии. Раввин Джонатан Сакс, доктор философии и бывший профессор Лондонского университета отклонился от „генеральной линии“, по крайней мере, по двум вопросам, важным для британской еврейской ортодоксии: безоговорочная поддержка израильской политики и превосходство иудейской религии. Консервативные раввины вычитали в его книге „Достоинства различия“ вещи, возмутившие их до глубины души. Например “Ни одна религия не имеет монополии на духовную истину. На небесах есть одна правда, а на земле – множество истин... Господь больше, чем религия. С помощью той или иной религии его можно познать лишь частично”. Ортодоксальные критики, особенно из числа ультрарелигиозных набожных, так называемых харейдим (богобоязненных) сочли слова главного раввина опасной ересью. Их раввины и назвали книгу „идушей на грани порицания основ“ (кфира бэ икар на иврите). Особенно возмутил их тезис о том, что иудаизм несовершенен и, что иудеям есть чему учиться у других религий. „Любой намек, что иудаизм не содержит абсолютной и окончательной истины, является несанкционированным и недозволенным отклонением от традиционного и пути иудаизма“, – написала группа раввинов в боль-

шом объявлении в „Джуиш кроникл“. Заявление также содержало требование „отказаться от этих идей и прекратить распространение книги“»[62].

Так что критика христианства за то, что христиане убеждены в истинности своей веры, выходит однобокой. «Светские гуманисты» (атеисты) разве откажутся от того, чтобы свое мировоззрение, которое они считают «научным») ставить выше «религиозных предрассудков»?

А иудейские проповедники разве перестали считать, что иудаизм выше религий других народов?[63]

Я-то, по правде сказать, против такого «всеобщего разоружения». Мне кажется, что человечнее было бы разрешить людям воспевать и превозносить предмет своей любви, равно как и допустить свободные дискуссии и критику мнений (в т.ч. религиозных мнений) других людей. Но если уж решили идти путем запретов на «проповедь превосходства» –то отчего же об этих запретах вспоминают, лишь когда надо сделать выговор христианам?

Радикальные же требования перемен, которые «богословы-после-Освенцима» обращают к христианам, означают, что по их критериям даже о. Александр Мень оказывается махровым антисемитом... В итоге, как ни странно, достигается обратный эффект: если критерий антисемитизма – вера в Иисуса как в Христа, то антисемитизм становится и интеллектуально, и нравствен-

но вполне респектабельным и извинительным убеждением.

Но если таков должен быть итог «борьбы с антисемитизмом», то должен ли христианин и просто думающий человек всегда охотно в ней участвовать, заведомо соглашаясь и с выбором мишени, и с ярлыками, и с методами полемики?[66]

Забывтый погром

При поисках причин болезни полезно отстранять фантомные, иллюзорные причины.

Например, нельзя объяснять антисемитизм ксенофобией, якобы присущей русским. Русская культура открыта к влиянию со стороны самых разных сограждан, соседей и не-соседей. Уж на что непросты были татарско-русские отношения, но есть ли сегодня татарофобия? Никогда непохожесть сама по себе не воспринималась в русской традиции как повод к ненависти.

Глупо объяснять антисемитизм и тем, что большие, мол, всегда злятся на маленьких (по переписи 2003 г. в России живет 230 тысяч евреев)[65]. Мол, «любая пришлая этническая группа подвергается преследованиям и притеснениям со стороны коренного населения. В Оттоманской империи за тридцать лет до Гитлера турки осуществили „окончательное решение“ армянского вопроса, когда за несколько дней по всей Турции были уничтожены все армяне»[66]. Я что-то не помню, чтобы египтяне или сирийцы устраивали погромы грекам – несомненно, пришлой этнической группе на Ближнем Востоке. А назвать армян на территории Турции «пришлыми» значит перевернуть все вверх ногами: при-

шлые в малой Азии как раз турки. Армяне же в Закавказье жили за многие столетия до появления турок в кругозоре западного мира...

Неумно также видеть причину антисемитизма в «интеллектуальном превосходстве евреев». Русские, например, считают немцев или англичан умнее себя – но из этого не рождается никакого антигерманизма.

И не в Евангелии находят православные христиане повод для «нетолерантных» эмоций. Проживя уже большую часть своей жизни в Церкви, я имею право засвидетельствовать: не христианское богословие порождает отчужденность от евреев. В Церкви (за исключением горстки маргиналов) нет религиозно мотивированного антисемитизма.

Но есть другое: есть горькая память о том, что в погроме русской православной жизни, растянувшемся на большую часть XX века, чрезвычайно активное участие приняли евреи.

Вот первые голоса. Это голоса очевидцев революции. Голоса членов Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917-1918 годов.

В феврале 1918 года в Москве был арестован епископ камчатский Нестор. Поместный собор отправил делегацию к новой советской власти для выяснения причин ареста члена Собора. Одного из первых в истории путешественников из России православной в Россию советскую, кажется, более всего поразило неожиданно.

данное для него измерение революции: оказалось, что это не только социальный, но и национальный переворот. «Вскоре явился молодой человек, одетый в военную форму, по виду интеллигент, по типу еврей, и стал обходить просителей... Кого мы видели в штабе Красной Армии, по видимому, были не русские люди. Человек в кожаной куртке разговаривал с другими на языке, которого я не знаю, но который, судя по языку, был латышский. Те, которые приходили, вели разговор не на русском языке... В помещении штаба военного округа лица производили также впечатление людей не русских. По крайней мере первый из них был брюнет с крючковатым носом и оттопыренными ушами. Он сначала внимательно рассмотрел наш документ, причем старался показать, что он – власть имеющий. Потом явился молодой человек, который тоже производил впечатление нерусского. Когда мы уходили из штаба, то также видели людей нерусских»[67].

Апрель 1918 года. Выступает председатель комиссии Собора о гонениях прот. П. Лахостский:

"Кто гонители? Вопрос важен и не так прост, как это может показаться с первого взгляда.

Большевики гонят Церковь – так принято теперь говорить. Но в этом заявлении очень мало ясности. Факты дают нам ее гораздо больше, чем теоретические рассуждения. Из рассмотрения фактов оказывается, что около большевиков и под их руководством сплоти-

лись и объединились и давнишние враги Церкви, которые давно хотели обрушиться на нее. Факты свидетельствуют, что нападения на церковное достояние и на лиц, служащих Церкви, особенно священнослужителей, производятся солдатами, красногвардейцами, матросами и, к сожалению, крестьянами – жителями окружающих монастыри и монастырские угодья селений, и русскими татарами, и даже был случай реквизиции единоверческого храма раскольничьим белокрыницким лже-протоиереем Гавриилом. Все эти расхитители Божьего достояния, эти истязатели и убийцы священнослужителей действуют если не от имени власти в каждом данном случае, то под несомненным ее покровительством и укрывательством, с вполне верным расчетом на полную безнаказанность, какое бы гнусное преступление они ни совершили.

Но вот, здесь-то и встает грозный и страшно трудный вопрос: а народ-то наш православный, верующий, богоносец, как этот народ очутился во многих местах среди самых ярых гонителей? Верим ли мы, имеем ли право и теперь, после того, что произошло и происходит, верить и утверждать, что православный народ наш верит в Бога?

Да, мы верим в народ и имеем право так утверждать. Народ наш во многих местах, начиная с Петроградской Александро-Невской Лавры, отстоял и отстаивает свои святыни, притом отстаивает против разбойников, во-

оруженных с ног до головы, отстаивает без всякого оружия, с голыми руками, принося из своей среды кровавые жертвы и выражая готовность и впредь приносить их.

Значит, народ является по местам грабителем потому, что он действует не сам по себе. Он действует в насильно напяленной на него духовной маске, которую нужно помочь ему с себя сорвать и бросить с отращением в сторону. Нужно всеми силами и способами разоблачать эту постыдную, скрывающую подлинный народный лик маску. Кем же напялена эта маска на наш народ? Ответ требует величайшей мудрости и осторожности. Здесь, боюсь, наши взгляды разойдутся. В столицах, да и в других городах уже ходил по рукам подлинный список (даже печатный) наших высших правителей, из коего видно было, что громадное большинство их – евреи. По официальным донесениям с мест видно, что в некоторых местах комиссары по духовным делам – евреи, а среди их помощников и сотрудников вы почти везде непременно усмотрите евреев. Правда не должна бояться света, ее не нужно скрывать. У нас принято стыдиться произносить ее, а мы должны бы стыдиться скрывать ее. Произнести нужно без злобы, но с любовью и скорбью о своем бедном народе, который сбит с толку руководителями гонений на Церковь. Ее нужно произнести и для предотвращения кровопролития самого страшного, но неизбежно-

го тогда, когда народ сам станет защищать свои святыни, что по местам уже начинается... Замечательно при этом, что нет известий о гонениях на другие религии и исповедания, кроме православной; ни еврейские раввины, ни татарские муфтии не преследуются... Я здесь свидетельствую, что ни у меня, ни у кого из других членов Собора, единомысленных со мною, не было и мысли о каком-нибудь гонении на евреев. Беда в том, что мы боимся сказать народу правду. А правда в том, что если мы ищем пружин гонений, то мы должны признать, что много важных пружин находится в руках евреев. Я имею об этом самые верные сведения и убежден в этом. Здесь говорят: «Ну, а что, если начнут расправу с евреями на местах?» Но ведь мы призываем к миру, к любви. Собор не имеет в виду призывать к гонениям[68]...

С. П. Руднев. Скорбная повесть выслушана. Откуда пошли гонения? Здесь, наконец, откровенно сказали, что они навеяны извне... Сказано слово, я повторю его. Власть сейчас в руках или фанатиков, порвавших связь с Россией, или евреев. Самая ужасная вещь – это анонимы в русской прессе. А засим стали с самого марта переменять имена... Я ношу имя Ивана и не стану переделывать на Абрама, а они стали переменять свои имена на русские, и русский народ думает, что он во власти русских правителей. Каменев, новый посол в Вене, – Розенфельд, Зиновьев...

Председательствующий (митр Арсений Стадницкий): Это всем известно "[69].

Отец Сергей Булгаков видел то же самое (а потому в скором будущем и он не избежит карающего меча новой цензуры): «Чувство исторической правды заставляет признать, что количественно доля этого участия (еврейства в Российской революции – А.К.) в личном составе правящего меньшинства ужасающа. Россия сделалась жертвой „комиссаров“, которые проникли во все поры и щупальцами своими охватили все отрасли жизни... Еврейская доля участия в русском большевизме – увы – непомерно и несоразмерно велика... Еврейство в своём низшем вырождении, хищничестве, властолюбии, самомнении и всяческом самоутверждении совершило... значительнейшее в своих последствиях насилие над Россией и особенно над св. Русью, которое было попыткой её духовного и физического удушения. По своему объективному смыслу это была попытка духовного убийства России...»[70].

И как совестный человек мог бы реагировать на такие свидетельства?

Вот реакция Марка Маркиша (ныне иеромонаха Макария): «Я вдруг вспомнил молчаливую пожилую женщину у нас в церкви, которой я действительно был неприятен своей национальностью. Знал я и причину: в восемнадцатом году у нее на глазах еврей-чекист из револьвера убил ее отца, православного священника.

Ей тогда было десять лет, как моему сыну (на которого ее неприязнь никогда не распространялась). Что же, неужели я настолько самовлюблен и туп, что стану требовать исправления ее „антисемитизма“? Может быть тогда устроим фестиваль немецкой патриотической песни в доме для престарелых узников Освенцима? Я подаю на поминовение ее имени за каждой проскомидией и благодарю Бога за горькую память об истории моего народа»[71].

Значит – может быть у еврея нормальная, совестная реакция на эту нашу болевую память! Но отчего же другие еврейские публицисты (в том числе и считающие себя христианами) лишь обвиняют тех, кто дерзает помнить?!

Я все же дерзну продолжить цитирование «неприличных» мемуаров.

Жаботинский (один из лидеров российского сионизма) после революции 1905 года: «Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Толпа была в состоянии неопределенного подъема, когда из нее можно сделать все, что угодно: и мятеж, и погром. Речистый молодец, с хорошим открытым лицом и широкими плечами мог бы ее повести за собою штурмом на город и повесить Дмитрия Нейдгардта на фонаре. И ораторов действительно слушали с захватывающим вниманием. Но речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше „знакомые все лица“ – с большими

круглыми глазами, с большими ушами и нечистым р. И в толпе всякий раз, со второго слова оратора, слышалось замечание: „А он жид?“ – Именно замечание, а не возглас, не окрик; в этом не чуялось никакой злобы – это просто, так сказать, принималось к сведению. Но ясно в то же время ощущалось, что подъем толпы гаснет. Ибо в такие минуты, как та, нужно, чтобы „толпа“ и ее „герой“ звучали в унисон, чтобы от голоса, от говора, от лица, от повадки веяло в нее родным – деревней, степью, Русью. Нужно тогда, чтобы ничто, ни одна нотка, ни один жест не покоробили, не оттолкнули стихийного чутья толпы. Выходили евреи и говорили о чем-то, и толпа слушала их без злобы, но без увлечения; чувствовалось, что с появлением первого оратора-еврея у этих русаков и хохлов мгновенно создалась мысль: жиды пошли – ну, значит, все это, видимо, их только, жидов и касается. Создалось впечатление чужого, а не своего дела, раз о нем главным образом радеют чужие. И больше ничего. Да и этого было довольно: расплылось и упало настроение, толпа стала разбредаться, и беспомощные агитаторы ушли в город, оставив порт и босячество на произвол судьбы»[72].

Жаботинский описывает мягкую реакцию «русаков и хохлов» на революционный энтузиазм «жидов». А ведь она бывала, увы, и более жесткой.

Слишком много оскорблений своему национальному и религиозному чувству услышали православные из

уст местечковых митинговщиков. Например, 18 октября 1905 г., накануне киевского погрома, в Киеве вполне обычны были сцены типа: “Манифестанты ворвались в Николаевский парк и здесь сорвали инициалы и надписи с памятника императора Николая I. При этом евреи, набросив на памятник аркан, старались стащить статую Императора с пьедестала. Некоторые же из толпы влезли на памятник и пытались укрепить в руке статуи красное знамя. Всех, проходивших мимо, манифестанты заставляли снимать шапки перед красными флагами. Был случай, когда на одной из улиц они, набросившись на проезжавшего священника, сбили с него шапку палками. На другой улице евреи, украшенные красными бантами, стали оскорблять четырех проходивших мимо толпы солдат, они на них плевали и вызывали этим негодование случайных свидетелей такого возмутительного поругания войска”[73]. Замечу, что сенатор приехал не для наказания революционеров, а для наказания лиц, виновных в ответных погромах. В его предложениях, завершающих его отчет, нет ни слова о мерах против евреев. Он предлагает только наказания в адрес руководителей полиции Киева за то, что они “не руководили действиями полиции по прекращению разгрома квартир и магазинов и расхищения имущества и не обращались к надлежащему содействию войск”.

В этом свидетельстве стоит заметить, что не нали-

чие в Киеве синагог и не тот факт, что часть киевлян не почитала Христа, послужили поводом к погрому. Поругание религиозных и национальных святынь, допускаемое сначала в прессе, а затем и в уличных выходках, привело к взрыву.

Глава Высшего Монархического Совета Н. Е. Марков уже в эмиграции провел анализ национально-го состава предреволюционного руководства ведущих петербургских газет («Речь», «Биржевые новости», «День», «Копейка», «Сатирикон») и издательств и пришел к выводу, что абсолютное большинство из них находилось в собственности либо финансово контролировались иудеями. Именно эти издания «хлестко, бойко и забористо чехвостили министров, губернаторов, полицию, генералов, великих Князей» – не в пример «бедным, скучным и серым» правым изданиям[74]. Неслучайна и шутка, именовавшая «чертой оседлости» ложу, отведенную в Думе для журналистов.

Ну, а по ходу революции «евреи были всецело на стороне большевиков, и большинство руководителей большевиков – евреи», – докладывал начальнику Операционного отделения германского Восточного фронта в марте 1918 года известный немецкий публицист Колин Росс[75].

Был ли протест еврейских революционеров только социальным, или же в нем были и национальные нотки и мотивы?

Послушаем Эдуарда Багрицкого («Февраль»):

Я появлялся, как ангел смерти,
С фонарем и револьвером, окруженный
Четырьмя матросами с броненосца...
Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...

«...Это – о палачах Революции. А что – жертвы? Во множестве расстреливаемые, и топимые целыми баржами, заложники и пленные: офицеры – были русские, дворяне – большей частью русские, священники – русские, земцы – русские, и пойманные в лесах крестьяне, не идущие в Красную армию, – русские. И та высоко духовная, анти-антисемитская русская интеллигенция – теперь и она нашла свои подвалы и смертную судьбу. И если бы можно было сейчас восставить, начиная с сентября 1918, именные списки расстрелянных и утопленных в первые годы советской власти и свести их в статистические таблицы – мы были бы поражены, насколько в этих таблицах Революция не проявила бы своего интернационального характера – но антиславянский. (Как, впрочем, и грезил Маркс с Энгельсом.) Вот это-то и вдавило жестокую печать в лик революции – в то, что больше всего и определяет революцию: кого она уничтожала»[76].

Вспомним также впечатление от «либераль-

но-еврейской прессы» предреволюционных лет, сложившееся у яростного защитника евреев Василия Розанова: «Они будут нашептывать нашим детям, еще гимназистам и гимназисткам, что мать их – воровка и потаскушка, что теперь, когда они по малолетству не в силах ей всадить нож, то по крайней мере должны понатыкать булавок в ее постель, в ее стулья и диваны; набить гвоздиков везде на полу... и пусть мамаша ходит и кровянится, ляжет и кровянится, сядет и кровянится. Эти гвоздочки они будут рассыпать по газеткам. Евреи сейчас им дадут “литературный заработок”, будут платить полным рублем за всякую клевету на родину и за всякую злобу против родины... “Революция” есть “погром России”, а эмигранты – “погромщики” всего русского, русского воспитания, русской семьи, русских деревень, русских сел и городов...»[77]. «Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси. Было как в Египте – “пришествие гиксосов”. Черт их знает, откуда-то “гиксосы” взялись, “народ пастырей”, пастухи. Историки не знают, откуда и кто такие. Они пришли и разрушили вполне уже сложившуюся египетскую цивилизацию, существовавшую в дельте Нила две тысячи лет; разрушили дотла, с религией, сословиями, благоустройством, законами, фараонами. Потом, через полтора века их прогнали. И начала из разорения она восстанавливаться;

с трудом, медленно, но восстановилась. “60-е годы у нас” – такое нашествие номадов. “Откуда-то взялись и все разрушили”. В сущности, разрушили веру, церковь, государство (в идеях), мораль, семью, сословия»[78]. «Было крепостное право. Вынесли его. Было татарское иго. И его вынесли. „Пришел еврей“. И его будем выносить. Что делать? что делать? что делать?»[79]. «Так к полному удовольствию нашей современной печати совершится последний фазис христианства и заключатся судьбы всемирной истории. Настанет „хилиазм“, „1000 лет“ блаженства, когда будут писаться только либеральные статьи, произноситься только либеральные речи, и гидра „национализма“ будет раздавлена... Скучновато. Ах, канальственно скучновато везде...»[80].

Вспомним впечатление Куприна от прессы предреволюционных лет: «Все мы, люди России, давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот избранный народ столь же страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что все мы сознаем это, но во сто раз ужасней то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно иносказательно обругать царя и даже Бога, а попробуй-ка еврея?!.. Каждый еврей родится на свет

Божий с предначертанной миссией быть русским писателем...»[81].

Вспомним и дневниковую запись Александра Блока: «Тоска, хоть вешайся. Опять либеральный сыск. – Жиды, жиды, жиды» (7 марта 1915). «История идет, что-то творится; а жидки – жидками: упористо и умело, неустанно нюхая воздух, они приспособливаются, чтобы НЕ творить (т.е. так – сами лишены творчества; творчество, вот грех для евреев). И я ХОРОШО ПОНИМАЮ ЛЮДЕЙ, по образцу которых сам никогда не сумею и не захочу поступить, и которые поступают так: слыша за спиной эти неотступные дробные шажки (и запах чесноку) – обернуться, размахнуться и дать в зубы, чтобы на минуту отстал со своими поползновениями, полувредным (= губительным) хватанием за фалды» (27 июля 1917)"[82].

Александр Галич, справедливо вступаясь за Пастернака, имел право пригрозить: “Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку!”. Ну, а за Россию, за Бунина, за Гумилева, за Есенина – можно вступиться?

Однако, едва только начинаешь “поименно” вспоминать тех, кто крушил русскую империю, русскую церковь и русскую культуру, как скоро становится скучно: уж очень однообразная картина...[83] Вот вполне символический эпизод: “Штеренберг, заведующий отделом искусств Наркомпроса, когда составлялись списки художников на получение карточек на краски и кисти, вы-

Черкнул из этого списка Нестерова”[84], в чьем творчестве слишком много было “Святой Руси”.

Бунин после революции 1917 года: «Рассказывают, что Фельдман говорил речь каким-то крестьянским „депутатам“: „Товарищи, скоро во все свете будет власть советов!“. И вдруг голос из толпы депутатов: „Сего не буде!“. Фельдман яростно: „Это почему?“. – „Жидив не хватте!“»[85].

...Александр Нежный в этой цитации увидел сугубое проявление моей “подлости”: “Недостойную игру ведет с нами дьякон Кураев. Великие русские тени призывает он для доказательства своей антисемитской теоремы. Ивану Алексеевичу Бунину его боголюбие со сновкой старого раввина делает, прости Господи, незаконное обрезание. В “Окаянных днях” Бунин передает речь некоего Фельдмана, пророчащего скорое наступление власти Советов во вселенском охвате. “И вдруг голос из толпы депутатов: “Сего не буде!” Фельдман яростно: “Это почему?” – “Жидив не хватте!”. Ну, раз уж Бунин, классик, нобелевский лауреат... Мощнейшая поддержка господину дьякону в его стремлении разъяснить нам, как он говорит, “этнический колорит” русской революции. Песню его боголюбию непоправимо портит венчающая эту сцену строка. Иван Алексеевич ее написал, а г-н Кураев обрезал. Вот она: “Ничего, не беспокойтесь: хватит Щепкиных”[86].

Но подождите так горячиться, Александр Иосифо-

вич! Для начала предположим, что Бунинская заметка ограничилась только тем, что я процитировал – разве из этого можно было бы сделать хоть какой-то вывод об антисемитизме Бунина?

Запись, сделанная Буниным, есть просто зарисовка с натуры. Были ли в годы революции люди, болезненно ощущавшие ее еврейский колорит? Были. Имел ли право Бунин записать в своем дневнике реплику одного из них? Имел. Фоторепортер сделал кадр. Сам кадр – это документ, свидетельство: так было. Если кадр содержит нечто негативное – то это лишь в последнюю очередь вина фоторепортера. Отношение же самого фоторепортера к этому событию – это уже совсем иная тема.

Если бы Бунин никак не прокомментировал ту реплику – и в этом случае он не стал бы антисемитом. Нежному почему-то представляется иначе – “Ну, раз уж Бунин, классик, нобелевский лауреат...”. Ну с какой стати человек, просто передавший реплику другого человека без всякого комментария, уже становится антисемитом? Александр Иосифович, предъявите, наконец, Ваше определение антисемитизма, Ваши критерии!

Поскольку никаких уточняющих деталей у Бунина нет – то почему бы не предположить, что такие же мысли были у того депутата, т.е. все же революционера, (опять говорю у депутата, а не у Бунина!), который вы-

крикнул, что для мировой революции “жидив не хватает!”. Может, он это выкрикнул с разочарованием – “увы, не хватает!”?

Что было в голове у того депутата на самом деле гадать, конечно, бесполезно. Но что творится в головах Нежного и Зорина, если их так возмутила эта бунинская цитация? Почему же они так легко прозревают антисемитизм там, где не было ни призыва к погромам, ни даже размышлизмов о том, что еврейский народ, дескать, хуже русского... Может, дело в том, что в них самих слишком глубоко укоренена установка на поиск врага? И еврейская подозрительность по отношению к гоим пересилила христианский (и, как говорят по иным поводам, даже демократический) императив, повелевающий сомнение истолковывать в лучшую сторону?

Я же бунинскую зарисовку использую просто в качестве фотодокумента того времени. Раскройте эту страничку в моей книге![87] Там нет ни слова о самом Бунине! Не Бунин-мыслитель, а Бунин – очевидец был интересен для меня. Мне были интересны не комментарии Бунина, а тот эпизод, которому он был свидетелем... Когда сегодня мы смотрим старые кинохроники “пятилеток” – мы ведь совсем не обязаны воспринимать их так же, как их переживали их создатели... Бунинский рассказ о реплике из толпы – “жидив не хватает!” – я приводил в качестве свидетельства о том, какие отклики в своих современниках порождала “великая рус-

ская революция”, но вовсе не для того, Чтобы сказать, как сам Бунин воспринимал ее. Но с точки зрения Нежного журналистика должна быть партийной: недостаточно просто отразить происшедшее, надо обязательно дать ему партийную принципиальную оценку. И воздержание от оценки есть уже идеологическое преступление...

Слова, цитированные мною, были выкрикнуты из толпы громко. Дополнение Бунина (якобы умышленно “обрезанное” мною – да еще, по компетентному сравнению Нежного, “со сноровкой старого раввина”) осталось тогда лишь в голове самого хрониста окаянных дней России. Бунин передал настроения людей. Как на свидетеля я на него сослался – и при этом не сделал никаких своих комментариев о том, разделял ли Бунин такое суждение. В чем же моя “подлость”? Неужели подлостью будет репродукция старой фотографии без сопровождавшей ее подписи?..

Да и реакция Бунина говорит о том, что у меня есть право говорить о еврейских специях на кухне русской революции. Ведь Бунин не возмутился: “При чем тут жида, это все Щепкины!”. Услышав про фельдманов, он просто напомнил, что есть еще и щепкины... И тут я совершенно согласен.

Более того, ситуация с этой сценкой становится весьма непростой, если вспомнить, о ком сказаны комментирующие слова Бунина: мол, даже если не хватит

фельдманов, – “ничего, не беспокойтесь: хватит Щепкиных”. Е. Н. Щепкин, о котором идет речь – совсем не “дядя Ваня” и не “голос России”. Речь идет о профессоре Одесского университета, депутате Государственной Думы (в которой он примыкал к лево-кадетскому крылу).

В 1905 году Щепкин отметил, что помог созданию в Одессе атмосферы, способствующей беспределу революционизирующих евреев, и тем самым (уже не желая этого) – народному гневу на означенных хулиганов. После объявления царского октябрьского манифеста о даровании гражданских свобод местная власть долго не получала никаких инструкций сверху и сама не везде могла сообразить – где же теперь проходят границы дозволенного и недозволенного. «После объявления Манифеста, с утра 18-го, командующий Одесским военным округом генерал Каульбарс, чтобы „дать населению возможность беспрепятственно использовать предоставляемую Манифестом свободу во всех видах“, – распорядился всем войскам не показываться на улицах – „дабы не нарушать среди населения радостного настроения“. Градоначальник же Одессы еще и снял с улиц городских – и вот это как раз по просьбе профессора Щепкина. Городской голова Крыжановский вместе с университетским профессором Щепкиным, вызванные Нейдгартом для совещания, вместо этого потребовали, чтобы Нейдгарт,

„разоружив немедленно полицию, спрята[л] её“, иначе, добавил Щепкин, „не обойдётся без жертв мщения и... полиция будет разоружена захватным правом“. (На следствии у сенатора он потом отрицал такую резкость своих выражений, но, видимо, они не были мягче, судя по тому, что он в тот же день передал студентам 150 револьверов, а на следствии отказался указать источник приобретения.) И Нейдгарт вслед за этим разговором распорядился: снять постовых городских со всех постов (даже не предупредив о том полицмейстера), — „таким образом, с этого времени весь город оставлен был Нейдгартом без наружной полицейской охраны“ — что ещё можно понять как спасение жизни постовых, но ведь при этом — и без всякой воинской охраны на улицах, что уже было вполне марзматическим распоряжением». [88]

В 1906 г. Щепкин в публичной речи заявил, что шлет Столыпину пожелание “неудач, поражения и гибели, шлет ему народное проклятие” [89]. Затем он становится левым эсером и, наконец, большевиком. В 1919 г., будучи одесским “комиссаром народного просвещения”, выгнал из университета 21 профессора (естественно, назвав их “черносотенцами”)... Вот в пору его “комиссарства” и встречается его Бунин: “Недавно встретил на улице проф. Щепкина... Двигается медленно, с идиотической тупостью глядя вперед. Грязнейший бумажный воротничок, подпирающий сзади целый вул-

кан, гнойный фурункул, и толстый старый галстук, выкрашенный красной масляной краской. Рассказывают, что Фельдман говорил речь каким-то крестьянским “депутатам”...”.

Верно – много было русских “либералов”, “с идиотической тупостью” требовавших разрушения своего государства (вспомним хотя бы их поздравительные телеграммы японскому императору в связи с победами японской армии над русской)... Но все же тот, кто подначивает человека ненавидеть свою страну, тот, кто подталкивает больного к пропасти, занимается нечистым делом. Фельдман, радикализирующий “идиотическую тупость” щепкина, – персонаж в любом случае малосимпатичный.

Но борцы с “антисемитизмом” не желают видеть фельдманов: “это все щепкины сами сделали! А теперь, чтобы не видеть своих грехов, валят все на евреев!”.

А наиболее продвинутые бойцы политического фронта вообще твердят, что марксизм и большевизм – порождение русского православия. Пусть дедушка Карла Маркса был раввином. Пусть в Ленине не было ни капли русской крови, а его прадеда звали Сруль Мойшевич[91]. Все равно нельзя говорить о еврейском факторе в катастрофе России.

Верно, не произошел бы обвал России, если бы не была больна она сама. Но представьте, что больной,

неуравновешенный человек решил совершить самоубийство. Он стоит на подоконнике, раздумывая, прыгнуть ему или еще подождать. И тут входит в комнату его приятель и начинает его подзуживать: «Ты знаешь, все великие люди кончали жизнь самоубийством. Даже великий античный философ Эмпедокл так поступил. А вспомни Ставрогина! Не позволяй себе жалости к себе и своим близким! Покажи им, что ты способен на поступок! Буревестник просит бури! Распахни окно, ощути романтику Революции!..». И несчастный сигает вниз.

Болезнь долго зрела в нем самом – это правда. Но так ли уж безвиновен тот, кто в сотни газет десятилетиями зудил ему «бросься! кинься! решишь! прокляни!»? И так ли уж бескорыстны эти подговорщики, если по итогам вышло, что “приятель” переехал в опустевшую квартиру из своего подвальчика (из “черты оседлости” – да прямо в “дети Арбата”).

Есть очень узнаваемая притча в предсмертной книге В. Солоухина: «Вот живет в крепком и светлом доме большая и благополучная семья. Пусть хоть крестьянская. Отец еще в силе, пятеро сыновей, у каждого сына по жене, свекровь, как полагается, дети. Попросился прохожий человек приютить его на несколько дней. Скромно попросился, где-нибудь около порога, чтобы его приютили. Лишь бы тепло и сухо. Сидит он около порога и за всем наблюдает. Как работают, как едят, как друг с другом разговаривают. Вот идет мимо него

один из сыновей. „Иван, а Иван, – говорит ему странник. – Это твоя жена Марья-то?“ – „Моя“. – „А что это на нее старик-то поглядывает? Отец-то твой? Он на нее поглядит, а она сразу и покраснеет. И улыбается как-то странно“. – „Ты смотри у меня, – замахивается Иван в сердцах. – Расшибу!“ – „Да я что? Я ведь ничего. Я только так. И нет ничего у них, сам знаю. Сдуру это я сболтнул, сдуру“. „Степан, а Степан!“ – „Ну что?“ – „Отец-то твой Ивана-то больше любит, я замечаю. Разговор слышал. Сперва, говорит, Ивана отдаю и лучшее поле ему отдам, а Степан подождет“. Тут мимо странника проходит жена Ивана: „Марья! Степанова-то жена поглядывает на твоего Ивана. Завидует она тебе. Оно и понятно. Степан-то вон какой хилый, слабый, и Иван у тебя – кремень. А вот она к нему и льнет. А ты остерегайся. Пелагея-то вчера за каким-то зельем к старухе Матрене ходила“. Степановой жене. Пелагее другое скажет: „У Марьи-то платьев больше, чем у тебя. Видно, больше ее муж любит. А ты чем плоха...“. Всем в отдельности нашепчет и наскажет: „Обирает вас отец-то. Вы работаете, работаете, а денежки он в кубышку кладет. А вы имеете такое же право...“. Ну, короче, схема ясна. Через неделю в доме ни мира, ни семьи. Драки, кровопролития и убийства. Кого в больницу везут, кого на каторгу. После убитого мужа осталась Марья одна. Странник женился на ней и стал в доме хозяином. А может, и ее прогнал, беззащитную.

А себе со стороны другую бабу привел. А, между прочим, по этой простенькой схеме происходили на земле все революции»[91].

Композитор Георгий Свиридов, повидавший и советские и послесоветские годы, в одном не заметил различия: «Все убытки и потери в области искусства списаны на Сталина и Жданова, на Государство. Но дело в миллион раз сложнее. Государство давало лишь сигнал к атаке: „Можно травить! Ату их!“ Травлю же и все злодейства по истреблению культуры творила, главным образом, сама творческая среда, критики, философы, хранители марксистских заветов, окололитературные, околomuзыкальные, околхудожественные деятели и т. д. Вот эти „полуобразованные“ держат в своих руках всю художественную, всю интеллектуальную жизнь, всю культуру и, что самое страшное, всю машину ежедневного, ежечасного воздействия на совершенно беззащитные головы подданных, обитателей государства. Нет ничего, что можно было бы противопоставить ежедневному присутствию в каждой семье, в каждом доме всех этих пропагандистов, использующих эту пропагандную машину для ломки, оболванивания человека, для систематического внушения ему чувства полного своего ничтожества, невежества, тупости, извечной бездарности России и нашего народа... Мысль, лежащая в основе этого искусства, такова: с Христианством как идеей покончено навсегда,

оно изжило себя, не питает более душу и т. д. Такая философия нужна тем людям, которые несут в себе иную веру, иное ощущение мира, иную мысль о нем. Это мысль о неравенстве человекoв, о неравенстве рас, об избранности для Власти, а не избранности для Жертвы, не избранности для Божественной истины, как ее понимает Христианство... Хозяева Мира, а они – есть, и не надо кричать о „демократических свободах“ Всеми миру... Они посадили его, этот народ, на железную цепь, бесконечно унижая его, третируя, истребляя его святыни, его веру православную, его культуру, а главное – сам этот народ, который служил своей безликой массой своим палачам и тиранам, кровью своею питая их чудовищную, беспощадную власть... Несомненно – в основе геноцида, истребления христианских (главным образом) народов лежали мотивы Религиозного подвига, завоевания земли, истребления иных, иноверных племен, борьба с иноверцами-христианами. Никакими классовыми признаками нельзя объяснить неслыханные за последние 2000 лет казни: дворян, купечества, фабрикантов, помещиков, высокого духовенства и простых монахов, рабочих и десятков миллионов крестьян, солдат и матросов, генералов и офицерского корпуса, армии и флота. Истреблялись не сословия, а народы. И если бы не нужен был рабский слой для рабского труда, были бы истреблены все русские до единого человека, за исключением не-

многих, связанных семейным родством с ними, и то – строго по выбору. Коммунизм – дымовая завеса антихристианства, нарисованный на тюле макет якобы будущего общества процветания и всеобщего равенства. На деле же было установлено рабовладельческое общество библейского образца. Всенации, кроме одной, были в равном – абсолютно рабском положении»[92].

Эту тему нельзя замалчивать – потому что слишком уж всё повторяется. Так же, как и в пору «первой русской революции», в годы перестройки «все, в ком только было достаточно задору, все побежали на шумную площадь творить еврейскими руками русскую историю»[93]. И все та же удасть в словесном поругании святынь той земли, на которой живут русские евреи, характерна для многих нынешних еврейских публицистов.

Всё действительно повторяется с поразительной неизменчивостью. Как «демократы» предреволюционной поры требовали поражения России и прекращения войны на любых условиях – в том числе условиях капитуляции – так и сегодня те же лозунги встречаются в радикально-демократической печати. Я человек совершенно непартийный – но, скажите, от кого и куда я должен отшатнуться, прочитав такое высказывание главного редактора «Литературной газеты»: «Грязная чеченская война... „ЛГ“ сразу заняла позицию на ее прекращение в любое время и на любых

условиях» (Литературная газета. 26.8.98)[94]? Любые условия? Так, на условиях полной капитуляции Россия должна выходить из любых конфликтов?

И еще круче: «В марте 1998 года секретарь совета безопасности Андрей Кокошин объяснял на Российском телевидении ведущему телепрограммы „Подробности“: „Самое главное – сохранить научно-техническую базу, сохранить кадры судостроителей, разработчиков, моряков“. Зачем?»[95].

Вот это «зачем?» парижской «Русской мысли» чудо как хорошо! Ну, в самом деле, с «демократической»-то точки зрения – зачем России сохранять «научно-техническую базу»? Зачем наука и техника России, которая, по мнению авторов сего издания, есть «страна, которая обычно пользовалась репутацией страны анти-семитской»[96].

Вглядывание в лики современной власти (даже не столько банковской или политической, сколько журналистской) порождает недоумение: ну почему каждый раз, когда России ломают хребет – в этом событии принимают активнейшее участие и более всего им восторгаются именно евреи?

Тут стоит напомнить и о том зеркале, которое журналист Эдуард Тополь подставил уже не журналистам, а их хозяевам. Вот выдержки из его «Письма олигархам»: «Есть российское правительство – Ельцин, Кириенко, Федоров, Степашин. Но главный кукловод

имеет длинную еврейскую фамилию – Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский и так далее. То есть впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране. Я хочу спросить вас в упор: как вы собираетесь употребить ее? Что вы собираетесь делать с этой страной? Уронить ее в хаос нищеты и войн или поднять из грязи? И чувствуете ли вы свою ответственность перед нашим народом за свои действия? – Знаете, затруднился с ответом Б. Березовский, – Мы, конечно, видим что финансовая власть оказалась в еврейских руках, но с точки зрения исторической ответственности мы на это никогда не смотрели... – Но раз уж так случилось, что у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полуевреев Кириенко и Чубайса, вы ощущаете всю меру риска, которому вы подвергаете наш народ в случае обвала России в пропасть? Антисемитские погромы могут обратиться в новый Холокост... Россия таки ухнула в финансовую пропасть. А вы – я имею в виду и лично вас и всех остальных евреев-олигархов – так и не осознали это как еврейскую трагедию... Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о приумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер. Новые же русские чернорубашечники и фашисты всходят при вас, сегодня, на тучной ниве российской беды...»[97].

В этой статье сказаны вещи столь замолчанные и

столь же очевидные, что Мстислав Ростропович счел нужным публично отреагировать: «Дорогой друг, дорогой Эдуард! Сегодня Галина дала мне прочитать “Аргументы и факты” с Вашим открытым письмом. Я расплакался, как ребенок... Я потрясен Вашей смелостью»[98].

Кому принадлежат деньги и пресса, тот осуществляет и реальную политическую власть – как публичную, так и тайную[99]. Как гражданину, мне было больно, что в мае 1999 года какие-то люди вбили клин между президентом и премьером, понудив Ельцина отправить Примакова в совершенно немотивированную отставку (речь идет о премьере, который пользовался безусловным доверием российского общества)[100]... Но, как русскому, мне вдвойне неприятно, что премьер-министра России в отставку отправили по требованию Бориса Абрамовича и еще некоего просто Абрамовича из “Сибнефти”[101].

В многонациональных странах порой устанавливается пропорциональное распределение власти между национальными общинами (вспомним Ливан). Так имеют ли право русские испытывать обеспокоенность по поводу того, что любые здравые соотношения были попорчены, и важнейшие решения принимал не Совет Федерации, а еврейские банкиры? Можем ли мы в России требовать для себя таких же возможностей и прав, которыми обладают евреи? Например – если есть свой

телеканал у Российского Еврейского Конгресса (НТВ) [102], то почему хотя бы один телеканал (со столь же легко, бесплатно и обширно принимаемой частотой вещания) не сделать русским и православным?

А без этого в 90-е годы получился странный перекокс: все жители России должны были смотреть на свою жизнь, историю и будущее глазами одного меньшинства. В частности – тот, кто хочет казаться «современным», должен научиться клеймить «патриотизм» [103].

Вот это неумение просто «жить рядом» и порождает в самых разных обществах антисемитские настроения, порождает рано или поздно крик души (или – что хуже – толпы): да оставьте же вы нас в покое, не учите жить, не контролируйте нашу жизнь ни финансово, ни идеологически, не навязывайте нам ваше толкование нашей истории, нашей культуры и наших святынь [104].

Тайна Израиля

Сегодня легче понять тайну Израиля, нежели сто лет назад, потому что для ее понимания надо представить себе мир, в котором живут только язычники. Надо вообразить мир, в котором Евангелие еще не проповедано, а вокруг кишьяма кишат маги, колдуны, шаманы, духи и боги. Сегодня это сделать проще. Снова обыватели пугают друг друга порчами и сглазами, снова бродячие шаманы предлагают свои услуги по «привороту» и «отвороту». Снова вокруг ярмарочное изобилие имен и масок различных духов и божеств, оккультных словечек, обозначающих всевозможные «планы», «зоны» и «энергии». Люди забыли, что можно просто встать перед Богом и без всяких сложных ритуалов, заклинаний и велеречивых именовании сказать: «Господи!».

И сколь редко на книжных развалах, заставляющих городские перекрестки и подземные переходы, сегодня можно встретить книгу о православии, столь же редко три тысячи лет назад можно было на земле услышать слово о Едином Боге.

Израиль появился на арене мировой истории поздно и на очень ограниченном участке земли. Уже не одно тысячелетие культурной истории человечества было за спиной. Уже были построены египетские пирами-

ды. Уже были сложены шумерские сказания. Уже финикийские корабли бороздили Средиземное море... На Крите уже был построен лабиринт...

Уже много раз в самых разных странах и племенах были рассказаны странные мифы о том, что Бог был свергнут или убит. А на Его место воссели нынешние небесные «владыки» – ваалы. Так верили родственники евреев – жители Ханаана. Они были убеждены, что высший Бог был свергнут своим правнуком по имени Ваал. Этот миф из ближневосточных, скорее всего, хеттских, преданий перешел к грекам[105] (с переменной имен он теперь рассказывался о Зевсе и Кроносе). В Шумере верили, что нынешний их владыка – Мардук – пришел к власти, убив первичную богиню по имени Тиамат...

Люди кланялись духам, о которых и сами знали, что те не являются Богом, т. е. Изначальным творческим Бытием. Религия была неотрывна от магии и колдовства. И не только слабость человеческого духа была причиной забвения о Боге в религиях народов Земли. Те духи, к которым они разноименно взывали, были достаточно реальны. Они могли оказывать некоторую помощь – но при условии, что человеческое почитание будет замыкаться на них и не искать Бога.

У человечества была уже долгая и не слишком успешная религиозная история ко времени Моисея (время его жизни датируют обычно XIII в. до Р. Хр.).

То, что произошло с Моисеем, не понять, если смотреть на него лишь из нашего времени и по нашим меркам. Когда светит Солнце – лучинка кажется ненужной и производящей скорее копоть, нежели свет. Но представим, что Солнце еще не взошло. И тогда найдется повод сказать доброе слово и о лучинке.

Жестокости Ветхого Завета кажутся ужасающими. Но, во-первых, если у нас создается о нем именно такое впечатление – значит, он все-таки привел к той цели, ради которой был некогда дан. Мы и наш мир действительно стали лучше. Нравственное чувство обострилось. Мы стали способны возмущаться тем, что в иные времена казалось само собой разумеющимся.

Ненависть Израиля к жителям Ханаана станет хотя бы понятной, если мы осознаем, с чем именно евреи там встретились. В Ханаане, Финикии и Карфагене (Карфаген – «Новгород» – был североафриканской провинцией Финикии) почитался бог по имени Ваал (отсюда – известные всем имена: Ганнибал «милостив ко мне Ваал» и Гасдрубал (Азрубаал) «Ваал помогает»)[106]. Это был бог солнца (Ваал-Хаммон – «владыка жара») и одновременно плодородия. Но жертвы этому солнечному божеству приносились по ночам. Эти жертвы сжигались в т.н. тофетах (букв. «место сожжения людей»; см. 2 Цар. 23,10, Иерем. 7,31). Останки хоронили в этом же дворе в специальных урнах, над которыми ставились стелы... Какие жертвы? – Дети...

«Антропологические исследования останков таких жертв показали, что 85% жертвы были моложе шести месяцев... Правда, жертву не сжигали живой; ребенка сначала умертвляли, а уже мертвого сжигали на бронзовых руках статуи бога, причем совершалось это ночью при звуках флейт, тамбуринов и лир. Такое жертвоприношение называлось молк или молек. Неправильно понятое, оно послужило поводом для сконструирования у финикийцев бога Молоха, пожирающего человеческие жизни... В жертву приносили главным образом детей аристократов. Это совпадало со старинными представлениями о долге тех, кто возглавлял общину, перед богами... При осаде города Агафоклом было сожжено более 500 детей – из них 200 были определены властями, а 300 пожертвованы добровольно... Детские жертвоприношения совершались ежегодно»[107].

Божий Промысл привел евреев в землю, обладатели которой (и их ближайшие родственники!) практиковали религию, наиболее контрастную, по отношению к их собственной. Даже язычники возмущались религией Ханаана. Персидский Царь Дарий, привлекая финикийцев стать его союзниками в походе на Грецию, ставил им в качестве условия союза – отказ от человеческих жертвоприношений[108]. Не вызывала пуническая «духовность» восторга и у греко-римских авторов.

Как справедливо заметил Г. К. Честертон, «очень разные, несовместимые вещи любили консулы Ри-

ма и пророки Израиля. Но ненавидели они одно и то же»[109]. Пунические войны Рима, призыв Катона Старшего «Карфаген должен быть разрушен», заклятие, наложенное римлянами на само место города, до основания разрушенного армией Сципиона[110], имеют общие нравственные корни с приказами Иисуса Навина, выжигавшего землю Ханаана[111] от людей, чей религиозный разум помутился настолько, что они в жертву своему богу приносили своих же первенцев, а свою богиню чтили священной проституцией (предоставляя иностранцам права входа в свои храмы – ради того, чтобы те смогли там лишиться невинности ханаанских девиц)...

Бывает нужно очистить зараженную среду, чтобы сохранить здоровье. Фанатизм в Библии попускается – перед лицом языческих крайностей он бывает меньшим злом, чем равнодушие. Армагеддон – слово ставшее синонимом священной войны, происходит от имени ханаанского местечка Мегиддо, при раскопках которого «нашли в фундаменте стены сосуд с останками ребенка, очевидно, жертвы, принесенной при закладке»[112]...

Совсем не светлый фон предшествует появлению Израиля и окружает его в ходе его странствий. Мир заражен язычеством и смертью. Вот люди строят Вавилонскую башню. Зачем? Не для того, чтобы припасть к коленям Божиим[113], а для того, чтобы похвастать-

ся и перед Небом, и перед другим людьми достижениями своей “передовой технологии”[114] и “сделать себе имя”.

В этом проблема: если Бог потерян, найти Его человеку уже не под силу. Как однажды сказал св. Иоанн Златоуст: как кто-либо сможет исправить то, что разрушил Сам Бог?[115] Если Бог отвернул Свое лицо – никак человек не сможет обежать Бога “вокруг”, чтобы снова заглянуть ему глаза. Греческие писатели вообще нередко полагали, что слово слово «бог» (θεος) происходит от глагола φεειν – бежать. Но если Бог убегает – под силу ли человеку Его догнать?

Впрочем, человек не так уж и гнался за потерянным Богом. Очень важный символ встречает нас на пороге библейской истории: Адам, согрешив, прячется от Бога под кустом. Но Бог выходит на поиски человека и зовет: «Адам, где ты?». Вот главное отличие библейской религии от языческих традиций. Обычные человеческие религии рассказывают нам о том, как люди искали Бога[116]. Библия говорит о том, как Бог искал человека. От этого первого зова в книге Бытия – до заключительного призыва в Апокалипсисе: «Се, стою у двери и стучу, и к отворяющему Мне войду и вечерять с ним буду».

И еще один очень важный урок встречает нас на первых страницах библейской истории. Библейский рассказ о создании мира в шесть дней характеризует пре-

жде всего Бога Библии, и характеризует Его очень важной чертой: оказывается, это Бог терпения. Бог умеет терпеть несовершенство мира. То, что земля первого дня оказывается «безвидной и пустой», Бог не использует как повод для уничтожения как будто неудавшегося первого творческого акта. Уже упомянутый нами шумерский бог Апсу хотел уничтожить свои первые порождения. По Гесиоду также «дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном, были ужасны и стали отцу своему ненавистны с первого взгляда» (Теогония, 155). Но хотя Бог Библии не творит мир в одно мгновение сразу совершенным и наполненным благодарными созданиями, Он любит и таким, несовершенным миром: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1,12). Он разворачивает Свой замысел во времени. И благословляет даже промежуточные дни, то есть состояния Вселенной.

И затем, после первой ошибки людей, Бог терпения не отвернулся от них. Он стал дальше (люди отставили Его подальше от своей частной жизни) – но не отвернулся, не «разочаровался». Однажды, впрочем, по мере накопления человеческих мерзостей, и библейскому писателю представляется, что чаша терпения Бога оказалась переполнена, и он записывает: «и раскаялся Господь, что создал человека на земле» (Быт. 6,6). Но все же Бог верен Своим неверным детям: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не за-

буду тебя» (Ис. 49,15).

Библия – это откровение Божия терпения. Св. Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Бог, столь скорый в созидании, Бог, создавший весь мир всего за шесть дней, говорит воинам Израиля: «Семь дней обходите Иерихон». Как – восклицает Златоуст – «Ты создаешь мир в шесть дней, и один город разрушаешь в семь дней?»[117]

Еще у Златоуста есть сравнение Бога с земледельцем. «Что скажет незнающий человек, увидев земледельца, бросающего зерна на землю? Он бросает готовые вещи, с таким трудом собранные, да еще и молится, чтобы пошел дождь и все это быстрее сгнило!»[118]. Когда сеятель раздаст зерна – он может лишь терпеливо ждать урожая. Христос запрещает апостолам прежде времени производить жатву. Даже ереси нельзя выпалывать серпом.

Труд земледельца учит терпению. «Не получали ли мы иногда детьми семян, чтобы их посеять? Не бежали ли мы потом через каждый час посмотреть, не показались ли из земли ростки? В конце концов мы часто раскапывали землю, чтобы убедиться в том, что семена прорастают, и добивались того, что семена не всходили. Не случалось ли нам жать или даже раскрывать руками бутон, чтобы он скорее расцвел и не бывали ли мы очень огорчены, когда он потом увядал, испорченный нами. Мы не знали, как нужно обходиться с жи-

вым. У нас не было терпения. То, что Бог хотел создать жизнь на земле – это откровение Его терпения» (Гвардини)[119].

Бог – земледелец, а не тиран. «Что сделали бы мы, если бы мы строили мир, вызвали к жизни великое бытие и увидели, что здесь что-то не удалось, там только наполовину в порядке, а тут тот и другое стоит не на своем месте? Сейчас же вмешались бы, вырвали, уничтожили, не так ли? Мы бы не заметили ценности, заключающейся даже в несовершенном, искры истинного света в неудавшемся – мы бы забыли, как важно оно для всего прекрасного» (Гвардини)[120].

Итак, Бог не отворачивается от мира – даже от мира, забывшего Его, от мира, отрезанного от Творца всевозможными духовными самозванцами. Бог выходит на поиски человека.

Но – попробуйте почитать Евангелие закоренелому оккультисту. Он найдет в нем лишь подтверждение своим языческим взглядам. Его новизны он даже не заметит, всё перетолкует по своим привычкам в плоско-"эзотерическом" духе. Слово Божие не нашло себе собеседника среди народов земли...

Да, еще одно обстоятельство важно помнить: это было в те времена, когда люди еще не вполне осознали свою самостоятельность и личностную уникальность. Человек мыслил себя только частью какого-то целого. Субъектом мысли, веры, исторического дей-

ствия, был не отдельный человек, а народ или город – полис. В ту пору религия еще не была личным делом, делом совести. Она воспринималась как дело публичное, общественное, государственное. Поэтому невозможно было находить отдельных людей среди разных народов и через них возвещать Истину. Чтобы люди могли расслышать Слово Бога, принять Его закон и действительно их исполнять – нужно было обратиться не к одному отдельному человеку, но к целостной общине таких людей, то есть – к народу. Поэтому Слово Божие ищет Своего собеседника среди народов. И не находит. Все народы уже привыкли слушать ночные шорохи. И тогда Слово решает создать Себе собеседника.

Мы привыкли к выражению «Израиль – богоизбранный народ». Но у этого выражения есть один оттенок и небиблейский и просто неприятный. Сразу возникает ассоциация с магазином: Бог присматривается к представленным пред Его ликом народам и из множества лиц выбирает еврейское – чем-то именно евреи Ему понравились больше. За некие предшествующие заслуги евреям даруется теперь привилегия считаться народом Богоизбранным...

Но при внимательном чтении Библии история получается совсем иная: Израиль не богоизбранный народ, а богосозданный. «Этот народ Я образовал для Себя» (Ис. 43,21). У Израиля не было истории, которая

бы предшествовала его вступлению в завет с Богом. У Авраама, родоначальника еврейского народа, не было детей. Бог пожелал вступить в завет с потомством бездетного старика – и для этого дал ему это потомство. Более того – чтобы Израиль навсегда понял, что нет у него естественного «права на жизнь», что всё его существование есть Божий дар, что он держится в бытии на волоске милости Божией, а не на граните «естественного права», Аврааму повелевается принести в жертву своего единственного сына – Исаака. Принести в жертву означает – отказаться от владения, отречься от прав собственности. Пожертвованное уже не мое. Исаак, приносимый в жертву – это разрыв естественного преемства от отца к сыну. Исаак оказывается уже не столько сыном Авраама, сколько сыном Божиим, Его «первенцем».

Это народ, созданный для слышания, для отклика на Слово Божие. Народ, который своим возникновением обязан Завету. Однако то, что он расслышит, он должен будет рассказать остальным. Израиль создан для того, чтобы то, чем он живет, постепенно смогло вобрать в себя весь мир, очистив его от язычества.

Несколько отойдя от богословской темы, отмечу, что богосозданность Израиля парадоксальным образом есть одна из причин, породивших тот кризис, анализу которого и посвящена данная книга.

Дело в том, что, когда Господь создавал Израиль,

Он сотворил его таким, чтобы тот смог выжить среди более старших и более мощных (как культурно, так и политически более мощных народов и империй). Израилю был дан поразительный талант сопротивляемости, талант революционерства. Чтобы Израиль смог выжить в Империях – в египетской и вавилонской, греческой и римской – ему была дана пробивная сила, которой обладает травинка, взламывающая асфальт.

Этот дар остался у Израиля и тогда, когда дары пророческие и духовные были у него отняты.

Но теперь этот талант начал работать уже против христианских империй и культур. И уж если в христианском мире свершается революция, направленная на разрушение канонов и традиций, национальных форм бытия и сознания, слишком часто евреи не могут остаться в стороне, но принимают в ней активнейшее участие – если и не прямо ее создавая, то по крайней мере провоцируя постоянным брюзжанием по поводу “этой страны” и “этих догм”, или же организуя ей информационно-рекламную, а порой и финансовую, поддержку[121] (естественно, что как у и всех жителей и граждан страны, у евреев есть право выражать свое недовольство и учатсвовать в общегражданских процессах. Но вот мотивы их участия в революциях только ли социальные, только ли те, что и у их немецких или русских соратников, или же к ним прибавляются и свои, национально-религиозные поводы к раздраже-

нию, ненависти и ниспровержению?).

У каждого народа вырабатывается свой национальный идеал. Этим может быть идеал благородного рыцаря, мудрого шута, трудолюбивого пахаря, удачливого купца... Идеал Израиля – это Пророк. Пророк обличает пороки и язычников и своего народа. Он бунтует ради поруганной или запыленно-подзабытой Правды. Секулярный вариант Пророка – «оппозиционный журналист». Этот еврейский идеал удачнее всего выражен в призыве Галича: «Сможешь выйти на площадь в тот назначенный час?!».

Плохо это или хорошо? Выбор оценки зависит от того, с кем отождествляет себя тот, кто считает возможным ставить такие нравственные оценки «национальным духам». В конце концов, что русскому здорово, то немцу смерть. Но верно и обратное: не всегда то, что хорошо для «диаспоры», хорошо для «коренного населения». В модных (и очень качественно снятых) фильмах BBC про Animal Planet постоянно говорится, что не надо скорбеть о смерти оленёнка: ведь теперь у задравшей его львицы есть молоко для своих котят... Ну, а мне все же жалко олененка. И пока львица просто играет со своими котятками – это дивно. Но когда она задирает мою страну, веру моего народа – позвольте уж моим симпатиям быть с «нашими».

Православно-русский идеал был совершенно иным. Это был идеал тихого праведника. Добрый человек

Древней Руси – это молитвенник, человек, неслышно и нерекламно созидающий добро в себе и раздающий его окружающим. Не пожар, а свечка: огонек, тянущийся к небу и светящий окружающим.

Но в России к началу XX века произошла смена национального идеала. Сначала она захватила интеллигенцию, а затем даже церковные люди забыли о своем идеале и стали смотреть на церковную же жизнь еврейскими глазами, оценивая служение церковных пастырей по меркам совершенно нецерковным. «Всякую борьбу, всякий подвиг со стороны Церкви эмиграция мыслила лишь как политический заговор, призыв к восстанию, к свержению внешнего владычества советов. Делу духовного очищения народа, пробуждения в нем лучших человеческих свойств – делу, для которого так много потрудились при татарах и св. Алексий, и преподобный Сергий – беженское сознание не придавало почти никакого значения... Когда угроза казни нависла над головой Святейшего, некоторые круги эмиграции, не причастные ни умом ни сердцем к великому делу Церкви и личному подвигу Первосвятителя, страшно сказать – тайно желали, чтобы казнь совершилась, ибо они надеялись, что после такого удара волна народного негодования сметет советские твердыни»[122].

Сегодня в «православно-патриотической» печати раздаются упреки Патриарху за то, что он не воюет

со светской властью. Церковных иерархов, пастырей и проповедников оценивают по тому, насколько громко, гневно, решительно и радикально они осуждают то, что считается принятым осуждать в современном православном истеблишменте. Человека лишают права на молчание. «А почему это ваш Патриарх промолчал тогда-то?»; «Как посмел Солженицын промолчать тогда?»; «А почему Вы не пишете на эту тему?». Так что спрос на статьи митр. Иоанна есть симптом болезни, поразившей нашу Церковь – признак ее иудаизации.[123] Ищут протеста, ищут обличителя, “вождя”. Ищут не старца и не келейной тишины, а бунта и митинговщины. В обществе, даже церковном – спрос на бунтаря, а не на тихого строителя... Я сам болен этой болезнью – и потому понужден о ней говорить...

И так силен в евреях революционный пафос, пророческий пафос, твердящий «мы в ответе за все», что даже в крещеных евреях, в евреях, принявших священство и даже монашество, он продолжает вспыхивать. Весьма часто приходится замечать, что этнический еврей, ставший православным священником, становится человеком «партии» и крайности. Он не может ограничить себя просто кругом своих приходских или монашеских обязанностей. Ему нужно «спасать Православие». И он или уходит в эксперименты, модернизм и экуменизм, требуя «обновления». Или же проводит «консервативную революцию», вполне по фариси-

сейски требуя непреклонного исполнения всех предписаний Типикона и древних канонов и возмущаясь тем, что современная церковная жизнь не совсем им соответствует. И, конечно, во втором случае он и сам не замечает, что стал модернистом. Ибо это модернизм – студенту семинарии или академии писать донос на профессора, якобы уклонившегося в ересь. Ибо это модернизм – когда начинающий преподаватель-монах обходит классы и спальни семинаристов, настраивая их против старших профессоров. Ибо это модернизм – обращаться к Патриарху не с «прошениями», а с «заявлениями», в которых «смирненные иноки» «присоединяются к требованиям».

Для еврея почти невозможно не считать себя мерилом истины и православия. Все, что отличается хоть на йоту – это непременно угроза демократии, или угроза человечеству, или угроза православию. Рано или поздно еврей, поначалу робко-смиранный, все же ощутит себя цензором[124]. Прадед Ленина, Давид Бланк, приняв православие, в 1846 г. направил императору Николаю I послание, в котором призывал создать российским евреям такие условия, при которых все они отказались бы от своей национальной религии. Тогдашний министр внутренних дел Л. А. Перовский счел необходимым сообщить Николаю I о предложениях этого ленинского прадеда, который, по словам министра, «ревнуя к христианству, излагает некоторые меры, мо-

гущие, по его мнению, служить побуждением к обращению евреев»[125]. Да и «Великий Инквизитор» всех времен и народов – Торквемада – был крещеным евреем[126] как и его преемник Диего Деса[127].

Но вновь скажу: у этого неизбывного революционно-максималистского энтузиазма евреев есть религиозные корни.

Теперь снова вернемся к той поре, когда Господь создавал еврейский народ.

Прежде всего новорожденный сам не должен превратиться в очередного поставщика языческих мифов. Что такое язычество?

Языческий – значит народный. Язычество – религия «языков», народов. Это плод человеческого религиозного творчества. Христианское богословие признает те механизмы мифотворчества, которые описывает современное научное религиоведение, философия и психология религии. Мы только говорим: эти человеческие механизмы действуют вполне и исчерпывающе в языческих религиях, но они недостаточны для объяснения христианства. Помимо механизмов «архетипов», «проекции», «сублимации», «вытеснения» и т. п. для объяснения христианства нужен прежде всего сам Христос. Может быть, поражение Спартака и в самом деле облегчило победу Христа. Но для этой победы все-таки необходим был Сам Христос.

С точки зрения библейского богословия язычество –

это плод религиозных исканий людей, а Завет – это результат того, что Бог Сам открыл Себя людям. Библейская религия не есть религия Израиля. Это не есть некая система верований, выработанная еврейским народом в древности. Библия навязана Израилю, а не создана им[128].

Моисей силой уводит свой народ из Египта («Моисей сказал Господу: Ты силою Твоею вывел народ сей» – Числ. 14,13), и цель его сорока-летнего странствия – ... смерть его же собственного народа: «все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли, которую Я с клятвою обещаю отцам их; только детям их, которые здесь со Мною, которые не знают, что добро, что зло, всем малолетним, ничего не смыслящим, им дам землю, а все, раздражавшие Меня, не увидят ее» (Числ. 14,20-23). Те, кто родились в рабстве, те, кто слишком пропитан египетским магизмом и язычеством[129], не могут войти в Святую Землю (даже сам Моисей лишь издали видит ее, но не прикасается к Обетованной Земле). Эти сорок лет – непрерывная череда бунтов Израиля против Моисея и его Бога.

Евреям не нравится их новая религия («доколе злому обществу сему роптать на Меня?» – Числ. 14,27). И Моисей не в восторге от своего народа. Вот – его горькая исповедь: «И сказал Моисей Господу: для чего

Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его? откуда мне взять мяса, чтобы дать всему народу сему? Ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня; когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня» (Числ. 11,11-15).

После Моисея уже судьи и пророки вступают в борьбу с языческими влечениями своего народа. Изготовление идолов и спиритизм, магия и астрология, увлечение языческими доктринами и практиками соседних племен – вот то, к чему при малейшем попусчении уклоняется народ, и откуда его вновь и вновь оттаскивают посланные Богом фанатики[130]. Пророки и судьи и силой Божией и мечом убивают бунтовщиков; бунтари (выражающие народные чаяния, то есть мечту о магии, приносящей богатство) убивают и изгоняют пророков... Иные же замучены были, не приняв освобождения; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке... умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин,

скитались по пустыням, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11, 35–38).

Народ приказывал пророкам: «не пророчествуй о имени Господа, а если нет, то умрешь в руках наших» (Иер. 11,21). Пророки же умоляли Господа: «Боже, вступишь в тяжбу мою с народом недобрым» (Пс. 42,1). И Бог откликнулся на их призыв. Вот как в Его глазах выглядела история Израиля: При рождении твоём... пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта, и пеленами не повита. Ничей глаз не сжалился над тобою... но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего. И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на поправление в кровях твоих, и сказал тебе: «живи!»... Ты выросла и стала большая... И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было время твое, время любви; и простер Я воскрилия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою, и ты стала Моею. Омыл Я тебя водою и смыл с тебя кровь твою и помазал тебя елеем... И нарядил тебя в наряды... украшалась ты золотом и серебром, и была чрезвычайно красива... Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славою твоею, стала блудить и расточала блудодействие твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему... позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего... Как истомлено должно быть сердце твое... когда ты все это делала, как необузданная блудница!... Всем блудницам

дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим и подкупала их... Посему выслушай, блудница, слово Господне! Я соберу всех любовников твоих... предам тебя в руки их и они разорят блудилища твои, и разрубят... тебя мечами своими... Я поступлю с тобою, как поступила ты, презрев клятву нарушением союза. Но Я вспомню союз Мой с тобою... и восстановлю с тобою вечный союз. И ты вспомнишь о путях твоих, и будет стыдно тебе... Я прощу тебе все, что ты делала... Я не хочу смерти умирающего... но обратитесь, и живите! (Иез. 16,4 –18,32).

Можно вспомнить и слова Христа, обращенные к Израилю: Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько захотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст (Мф. 23, 37). Повзрослевший и обнаглевший подкидыш разрывает с Тем, Кто его взрастил...

Итак, религия Завета навязывается Израилю, а не творится им. Это видно не только из того, что говорят те или иные библейские тексты. Еще более это заметно из их умолчаний. Для народно-языческой религии две темы важнее всего: рассказы о звездах и повествования о посмертии. Но на месте этих сюжетов в Библии – зияющие лакуны...

«Об астрономии так мало говорится в Библии, что

даже ни разу не названы все планеты», – подметил еще Галилей[131]. Совершенно сознательно в Шестоднев Моисея солнце и луна не именуются. Зная языческую традицию («боги – это те самые Солнце и луна и планеты и неподвижные звезды» Цицерон. О природе богов 2,80), Моисей просто говорит «светило большое» и «светило малое», избегая слов «солнце» и «луна». Тем самым он профанирует языческие святыни. Солнце отныне просто солнце, а не Ра, и луна есть просто луна, а не Астарта-Селена-Танит-Иштар-Инанна-Сома[132]. На современном языке он мог бы сказать: «А еще Бог создал две системы освещения: одну основную, а вторую аварийную». И результат был бы тот же: кланяться лампочкам, подвешенным над нашими головами, как гласит инструкция, ради помощи нам – уже нет желания.

Светила уже не планетарные боги. Они поставлены на службу земле. – «Дабы ты, взглянув на небо, и увидев солнце, луну и звезды, и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им» (Втор. 4,19). Оттого в Библии отсутствуют звездные мифы.

Библия расколдовывает мир, освобождает человека от астролатрии, пленения звездами. «Ахуру чтим и Мазду, луне и звездам молимся» – бормотали язычники[133]. А пророки возражали: «Солнце и луна, и звезды, будучи светлы и посылаемы ради потребности,

благопослушны... Почему же можно подумать или сказать, что они боги, когда они не сильны ни суда рассудить, ни добра сделать людям? Итак, зная, что они не боги, не бойтесь их» (Послание Иеремии, 59-64)[134].

Еще более разительна вторая библейская лакуна.

Повсюду развитые религии, религии, которые обрели нравственное измерение (а к числу таковых даже с самой что ни на есть «объективно-религиоведческой» точки зрения принадлежит и религия Древнего Израиля, религия Пророков), говорят о том, что человека за пределами этой жизни ждет воздаяние: злом за содеянное им зло и добром за сотворенное благо. Религии весьма по-разному определяют, что благо и что худо для последующей судьбы души. У разных религий вполне разные ответы на вопрос, что именно в человеке может войти в будущее. Весьма различны и представления о том, какой будет эта грядущая, подлинная реальность. Религии могут по-разному представлять себе вообще эту будущую жизнь (растворение в Абсолюте, вхождение в Нирвану, лучшее перевоплощение, жизнь в мире богов и предков, телесное воскрешение и т. п.). Но все они говорят: то, что ты начал на земле, продолжится в будущем.

Так говорят все развитые религии, но не религия Ветхого Завета. Эта религия ничего не говорит своим адептам о выживании человека (его души, «атмана» и т. п.) после смерти тела.

Ветхозаветные книги не содержат обещания по- смертной награды, не ожидают рая. Вспомни, что жизнь моя дуновение, что око мое не возвратится видеть доброе. Не увидит меня око видевшего меня; очи Твои на меня, – и нет меня. Редает облако, и уходит; так нисшедший в преисподнюю не выйдет, не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его. Не буду же я удерживать уст моих; буду говорить в стеснении духа моего; буду жаловаться в горести души моей (Иов. 7, 7–11). Смерть в восприятии ветхозаветных авторов – не освобождение от тела и не шаг к воссоединению с Божественным Духом. Здесь, на земле, можно говорить с Богом. Смерть же есть та бездна, в которую даже взгляд Бога не опускается, и то пространство, которое не охватывается Божией памятью и Божиим Промыслом. Бог не может заботиться о том, чего нет...

Человеческое религиозное мышление естественно творит свои представления о грядущей судьбе человека. Цель любой религии – преодоление смерти. Именно это, а не вопрос о происхождении мироздания – главное, что интересуется более всего любого человека в религии: «Господи, как мне умирать будет?».

Здесь же – средоточие египетской мудрости. Таинство погребения и мистерия «отвержения уст» усопшему, секреты бальзамирования и пирамид, советы по оправданию на загробных судах и преодолению мы-

тарств – вот где билось сердце египетской религии. Израиль в минуту своего исторического рождения выходит из Египта, выносит оттуда египетские богатства... Сам Моисей был научен «всей мудрости Египетской» (Деян. 7,22). Но именно из этой, танатологической[135] египетской сокровищницы евреи не взяли ничего. Ни одного погребального обряда, ни одной заупокойной молитвы нет на страницах Ветхого Завета. Только очень жесткая цензура могла порвать вековое влияние Египта на мысль и верования евреев. Этот разрыв несомненно состоялся. Значит, и цензура была жесткой, а перевоспитание суровым и систематическим. Народу не позволили создать свою мифологию.

Интерес к «космографии» и к посмертию, столь естественный и столь страстный у оккультистов всех времен, не был поощрен Библией. Естественные, слишком естественные порывы мифотворчества сдерживаются уздой Закона и огнем пророческих речей.

Молчание Слова Божия о посмертии страшит людей Ветхого Завета. Им хотелось бы иначе думать о смерти – но Откровение, получаемое ими, не согласно с чаяниями человеческого сердца и молчит о том, что хотелось бы услышать человеку[136]...

Я не случайно упомянул об Откровении. В том религиозноведческом факте, что Ветхий Завет не отвечает на самые естественные вопросы человеческого разума и сердца, я вижу подтверждение его нечеловече-

ского, сверхъестественного происхождения.

Наконец, третий аргумент в пользу не-естественного происхождения религии Израиля дает история этого народа. Слишком уж поразительная разница между тем, во что и как верили евреи во времена пророков, и тем, во что превратился иудаизм после отвержения им Нового Завета. Все то, что было запрещено Ветхим Заветом, есть в Каббале – магия и оккультизм, астрология и отрицание Единого Личного Бога Творца[137]. Даже языческая доктрина переселения душ в опустевшем доме Израиля прописалась одна из первых. Когда Израиль не принял Новый Завет, и остался в пустом доме, когда «старшие ушли» (ушли пророки и ушла Благодать Божия) – он наконец вполне предался желаниям своего сердца и создал себе ту религию, которую мешали ему сотворить пророки. Он создал религию самообожествления[138]. Он создал Каббалу.

В том, что Израиль увлекся магией – в этом нет ничего странного. «Побыстрее, покрупнее и подешевле» – с этими привычными базарными требованиями любой народ переступает границу мира духов. С точки зрения истории религии странно было, что в истории Израиля это увлечение проявилось так поздно, а до того более тысячи лет Древний Израиль смог прожить с религией, которая – в отличие от язычествующих соседей – ничего не знала о «божественных браках»[139], не слала мифов о происхождении созвездий и планет[140],

не поклонялась звездам и духам, не свершала культ предков, не молилась богине богатства и божествам загробного мира. Но «ставши на широкий путь ничем не стесняемого творчества, еврейский народ в своей старости взялся за сказки, которые другие народы любили слушать в своей молодости»[141].

В общем, пока Промысл Божий хранил и направлял религиозную жизнь Израиля, она была полна странностей.

Но было бы наивно ожидать, что народы, не слышавшие прямого гласа Божия, вдруг воспримут эту странную религию недавно невесть откуда взявшихся кочевников-евреев. Нет, не к миссионерству призван Израиль. Да и сам он еще не вполне понимает, кто он, и зачем Бог так требовательно разговаривает с ним. Он еще не знает того будущего, ради которого он создан, того будущего, ниточки которого рукой Промысла ткуются в истории еврейских патриархов. «Первенцу» еще надо расти. И ему самому еще не вполне ясно – что именно он должен подарить миру. Так что сначала Израиль должен просто выжить.

А чтобы болезней роста у него было поменьше – ему дается строгий «дядька». Апостол Павел говорит, что еврейский ветхозаветный закон – это “детоводитель ко Христу” (Гал.3,24). Это странное слово, присутствующее далеко не в каждом словаре русского языка, становится понятнее, если вспомнить его греческую осно-

ву. В греческом тексте апостола Павла стоит слово *paedagogov*. Но было бы ошибочно перевести его современным русским словом «педагог». Если в современном русском языке педагог означает учитель, то в античном мире это было не совсем так. Педагогом назывался раб, служение которого состояло в том, чтобы отвести мальчика от дома до гимназии, следя при этом, чтобы тот не шалил, не тратил силы и внимание попусту. Педагог смотрит за тем, чтобы ребенок дошел до класса в таком состоянии, чтобы смог слушать и слышать рассказ учителя. Сам же педагог – не учитель. Он – поводырь, именно дядька, смотрящий за мальцом и замолкающий, когда в классную комнату наконец-то входит господин учитель.

Так вот, еврейский закон – не столько учит, сколько предостерегает. Не случайно среди 613 заповедей Пятикнижия (Торы) 365 запретов и 248 повелений. Число негативных повелений, предостережений, гораздо больше, чем число позитивных заповедей, предписаний. Учитель придет потом. Учитель уже знает по горькому опыту, что яркая мишура колдовства и магии отвлекает детей, прельщает их и не позволяет им собрать свое внимание и сосредоточиться на том, что говорится Учителем. Знает Учитель и о том, что дети доверительнее слушают рассказы детей же. Поэтому Он берет одного ребенка на воспитание. Берет подкидыша, найденыша (Иез. 16).

Израиль, некогда созданный Богом чрез Авраама, оказавшись затем в египетском рабстве, забыл себя, забыл о своем назначении, и о Боге. Но Бог снова находит его. И через Моисея поясняет, что делает это уже не в первый раз. Впервые Бог вышел на поиски человека еще тогда, когда человек был только один, и звали его – Адам (Быт. 3,9).

Но – педагогом быть опасно. Ведь желания воспитанника и задачи, поставленные перед педагогом, могут расходиться. А, значит, педагог вынужден бывать строгим: «мы заключены были под стражею закона до того времени, как надлежало открыться вере... по пришествии веры мы уже не под руководством детоводителя» (Гал. 3, 23-25). «Педагоги, по свидетельству одного современника, – заботились обо всем, что касается жизненных нужд воспитанника, но они пеклись и о деле еще более важном – о целомудрии; педагоги, стражи и охранители, стена цветущего возраста, они охраняли питомцев от злых искусителей, как лающие собаки от волков». Педагоги следили за приготовлением уроков учениками с вечера и чуть свет поднимали их с постели. Преподанное от учителя репетировалось при помощи педагога, причем он, поощряя ученика, «кричал на него, показывая розгу, и свистал ремнем и чрез эту работу приводил на память забытое учеником»[142].

Дети подрастают, наполняются силами и начинают

бунтовать против тех, перед кем смирялись еще вчера. «Должность педагога сопряжена была с неприятностями. Иногда ученики самые злые шутки проделывали над бедным педагогом. Если педагог возбуждал ненависть в своих молодых питомцах, горе ему. Случалось, что дерзкие шалуны сажали бедного педагога на ковер, какой обыкновенно постилался на полу, подбрасывали ковер с сидящим на нем кверху, как можно выше, сами же отскакивали, так что педагог низвергался наземь; иногда он больно ушибался, причем сама жизнь его подвергалась опасности. Но педагоги должны были прощать ученикам, потому что они были рабочего состояния...»[143].

Так и отношения Бога с Израилем складывались не просто. Само слово Израиль может быть переведено двояко: «видящий Бога» и «борющийся с Богом». Боговидец и – Богоборец[144]. «Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню... Какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и не сказали: “где Господь, который вывел нас из земли Египетской?”. Я ввел вас в землю плодоносную, а вы вошли и осквернили землю Мою. Пастыри отпали от Меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала и ходили во след тех, которые не помогают. Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? Мой народ променял славу свою на то,

что не помогает. Два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды. Издавна Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои, и ты говорил: “не буду служить идолам”, а между тем на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудодействовал. Я насадил тебя как благородную лозу, – как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы? Ты сказал: “люблю чужих и буду ходить во след их”. Со многими любовниками блудодействовала, – и однако же возвратись ко Мне. Возвратитесь, дети-отступники. Возвратитесь, мятежные дети: Я исцелю вашу непокорность” (Иер. 2,2 – 3,23).

Понятен поэтому инцидент, произошедший в 1997 г. в Израиле: Б. Нетаньяху, израильский премьер, выступая перед выпускниками одной из еврейских школ Иерусалима, позволил себе пошутить и сказать, что он, мол, не во всем согласен с Моисеем: "Моисей назвал еврейский народ «жестоковым»[145], а мы-то с вами знаем, что на самом деле мы с вами народ очень даже радушный". Раввинатский суд Израиля выступил с протестом. Премьер вынужден был принести извинения. Но конфликт, разгоревшийся в его душе, вполне понятен: это столкновение национального чувства и религиозного долга. Как иудей, он обязан признавать Боговдохновенность книг Моисея, но как еврею ему не всегда приятно то, что эти книги говорят о его народе.

И все же, как ни много было бунтов Израиля против посылаемых ему педагогов, в конце концов Израиль искренне полюбил своего «дядьку». В индуистской мифологии есть представления об «аватарах», посылаемых на землю в те эпохи, когда люди забывают духовные основы своей жизни. По индийским представлениям, Бог приходит к людям в эпохи кризисов и духовного омертвения – чтобы разбудить людей от спячки. Да и многие христианские книги, равно как и светские, говорят о том, что Новый Завет пришел тогда, когда изнемог Завет Ветхий, когда люди разочаровались в нем... Но это не так. Именно евангельские времена – это та пора, когда наконец-то сбывается мечта древних пророков Израиля. Народ действительно едва ли не впервые за всю свою историю стал благочестив. Заигрывания с языческими богами были отставлены. Жажда жить по заповедям стала общенародной.

Вспомним знаменитую евангельскую сцену с блудницей (Ин. 8). Вспомним, как толпа, только что готовая «по закону» казнить грешницу, реагирует на слова Христа: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Толпа тихо разошлась. Какое дивное, мгновенное и массовое совестное преобразование. И это были те самые «книжники и фарисеи» (Ин. 8,3), которых мы привыкли осуждать за их гордыню и беспокояемость... Да ведь если сегодня, через двадцать веков после тех событий, митинговщикам у Красной площади предло-

жить: «Пусть первым камень в Ельцина кинет тот, кто сам без греха!» – то брусчатка будет разобрана в одно мгновение...

Те самые «книжники и фарисеи», которых мы так часто встречаем на евангельских страницах – это невиданный ранее факт поразительного духовного пробуждения в народе. Ведь «книжники и фарисеи» – это не профессиональные священнослужители. Это люди из народа, миряне. Но, оказывается, для этих мирян вопросы духовной жинзи, вопросы правильного исполнения норм Закона стали вопросами близкими, жизненно важными. Книжники и фарисеи эпохи рубежа Заветов сродни украинским «братствам», в эпоху насаждения униатства отстаивавшим Православие по велению сердца[146]. Во времена Иисуса фарисейская община насчитывала уже около 6000 членов (правда, при этом нам известны лишь два человека, которые сами себя называли фарисеями: это Иосиф Флавий и ап.Павел)[147].

Народ полюбил Закон. Но эта влюбленность оказалась как раз неуместной, запоздалой. Если ребенок начинает капризничать на пороге школы, до которой он был долго и небеспроблемно веден педагогом, если он не отпускает сего «проводжатога», не желает остаться один на один с учителем, то он рискует остаться неучем. Всем нам знакомы детские слезы на пороге школы, когда родители уходят, оставляя малыша наеди-

не с учителями. Если эти слезы воспринять слишком всерьез, если уступить минутному детскому капризу, то мы лишь повредим ребенку, лишим его будущего.

Бывает также, что рассказы «дядьки» отличаются от тех азов «научности», что преподаются в школе. И тогда тоже в ребенке может возникнуть конфликт, и он может отвергнуть рассказ малознакомого ему учителя, предпочтя остаться при рассказах любимого им педагога. Педагог сам признается: пора оставить меня, не все рассказанное мною нужно понимать буквально: «Дах им заповеди не добры» (Иез. 20,25; слав. перевод)[148]. Но влюбленный ребенок стоит на своем и запрещает исправлять даже очевидные помарки и опечатки в хранимых «педагогических» записках.

В общем, однажды бунт Израиля против воли Бога оказался успешным. Так неожиданно и так разительно разошлись замыслы Бога Израиля, что тот не поверил, что воля Бога может быть такой. И с тех пор уже много столетий иудеи говорят: «Последователи Иешу были людьми не искушенными в законе, а потому легковерными и падкими на чудеса. Ведь с точки зрения иудаизма мессия не обязан обладать сверхестественными способностями. Он должен происходить из царской династии Давида и принести еврейскому народу освобождение от чужеземного ига. Вовсе не дело мессии заботиться о спасении душ своей паствы»[149]. "Невозможно поверить в его мессианство, потому что про-

рок говорит о мессии, что «он будет владеть от моря до моря и от реки до концов земли» (Пс. 71,8). У Иешу же не было вообще никакой власти, ибо при жизни он сам был гоним врагами и скрывался от них... А в агаде говорится: «Скажут мессии-властителю: „Такое-то государство взбунтовалось против тебя“, а он скажет: „да погубит его нашествие саранчи“. Скажут ему: „Такая-то область не подчиняется тебе“. А он скажет: „Нашествие диких зверей истребит ее“»[150].

Вот изложение иудейской «христологии»

"а) Мессия является человеком в том же смысле, в котором был человеком царь Давид (Давид был помазан на царство и тем самым был Помазанником – Мессией). Мы помним, что он воевал, грешил, составлял Псалмы. Как чудотворец нигде ни разу не отмечен. При этом возможность того, что он может оказаться чудотворцем, никем не отвергается.

б) Как и царь Давид Мессия будет вести победоносные войны и спасет Израиль от его внешних врагов.

в) Как и царь Давид, Мессия заложит основы Храма (или построит его), в данном случае Третьего Храма.

г) Мессия соберет народ Израиля из Изгнания. Прием все евреи соберутся в стране Израиля.

д) Единственным доказательством того, что данный человек является настоящим Мессией может быть удача в указанных делах. Если такой человек объявится, и ему будет сопутствовать удача, то его следует при-

знать Мессией. Если же в какой то момент удача от него отвернется, то значит произошла ошибка и такой человек не был истинным Мессией и следует ждать и надеяться дальше.

е) Мессия будет признан всеми народами. Спор ведется по вопросу когда? По одним мнениям после побед и завоевания Страны Израиля (Рамбам, Рамбан), по другим – до того, как шаг к завоеванию Земли Израиля (Абарбанель).

ж) Требование ожидать Мессию является догматом веры: «Я верую полной верой в приход Мессии, и не смотря на то, что он медлит, я все же каждый день ожидаю, что он придет» (Догмат 12 по Маймониду).

з) В соответствии с пророчеством Захарии, принято считать, что пришествию Мессии будет предшествовать явление пророка Ильи (который, как известно, был живым взят на небо), который объявит о наступлении долгожданного времени. С этим представлением связан обычай ставить специальный бокал на стол во время празднования праздника Песах (еврейской Пасхи). Точно по этой же причине во время этого праздника в установленный момент широко открывают двери дома и приглашают войти в дом пророка Илью". (<http://www.sem40.ru/forum/viewtopic.php?t=832&start=0>).

Тот учитель, которого они ждали, должен был дать власть над внешним миром, а не над внутренним. Он должен был спасти не от духовной смерти, а от

политического притеснения. Он должен был не распространить уникальные привилегии Израиля на все остальные народы, а неизмеримо возвысить евреев над остальными людьми...

Ради такого Мессии, такого учителя казалось ненужным расставаться с педагогом. Большая часть Израиля так и осталась в подготовительном классе. «Образ Мессии двоился у еврейского народа, ожидание Христа смешивалось с ожиданием Его врага, и потому Христос по человечеству был еврей, и еврей до глубины своего существа был предавший Христа Иуда» (Бердяев Н. А. Национализм и антисемитизм пред судом христианского сознания)[151]. И по сию пору выискиваются оправдания для Иуды: оказывается, «Иисус был арестован евреями для того, чтобы защитить его от римлян»[152]...

Что ж, если кто-то переходит в следующий класс, а кто-то задерживается «на второй год», в этом большой беды нет, если дело происходит в обычной школе. Но та школа, в которой воспитывался Израиль, необычна. В ней педагог строг не только по отношению к своему непосредственному воспитаннику. Еще более он строг, вплоть до жестокости, по отношению к тем его «старшим товарищам», которые зазывают его принять участие в их играх.

Любой человек, раскрывавший исторические книги Ветхого Завета, знает, сколько там крови, сколько бла-

гословений на убийства и разграбление языческих городов: «а в городах сих не оставляй в живых ни одной души, дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом, Богом вашим» (Втор. 20,16-18).

Жестокость ветхозаветного мира столь поражала, что позднее люди «гуманистического» склада задались вопросом: полноте, действительно ли Бог Моисея – это благой Бог творец? Действительно ли это Творец Жизни? Или это некий дух смерти, сеющий смерть вокруг себя и вокруг своего Израиля?

Уже первым христианским апологетами (в т. ч. Клименту Александрийскому и Оригену) пришлось выступить с защитой священных книг Израиля. Для гностиков и язычников под именем Иеговы к людям обращался некий жестокий и неумный бог, носитель зла. Христиане же просили тех, кто хотел отождествить Бога и сатану: вслушайтесь в Библию. Посмотрите хотя бы на эти заповеди библейского Бога: “Когда будешь жать на поле твоём, и забудешь сноп на поле, то не возвращайся взять его; пусть он остается пришельцу, нищему, сироте и вдове. Когда будешь обивать маслину твою, то не пересматривай за собою ветвей; пусть остается пришельцу, сироте и вдове. Когда будешь снимать плоды в винограднике твоём, не собирай без остатков за собою; пусть остается пришельцу, сироте и вдово-

ве” (Втор. 24,19-21). “Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих. В тот же день отдавай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет ее душа его; чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха” (Втор. 24,14-15). “Когда же приступаете к сражению, надзиратели пусть объявят народу, говоря: “Кто построил новый дом и не обновил его, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не обновил его; и кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им; и кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не взял ее”. И еще объявят надзиратели народу, и скажут: “кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце” (Втор. 20,2-8).

Разве могут такие повеления исходить из уст духа неумного и злобного? Но почему же тогда Тот, кто велит заботиться о нищих и пришельцах, повелевает избивать целые города?

И вновь мы должны вернуться к той ситуации, которая была исходной для всей истории Израиля. Бог стал одинок на земле. «Нет человека праведного на земле» (Еккл. 7,20). Радиация греха и смерти разлете-

лась по всей земле после серии первых катастроф (от событий в Эдеме до Вавилонского столпотворения).

Представим, что на Земле произошла ядерная война. Некоторое количество людей выжило. Но они оказались в мире, в котором и бомбоубежища уже не могут спасти их от смерти. Вся земля, вода, воздух пронизаны смертоносной радиацией. Маленький шанс на спасение хотя бы горстки из будущих поколений есть в одном: Во время войны на орбите работала космическая станция. На ней проводились эксперименты по выращиванию растений в условиях невесомости. Поскольку она была вне Земли – бури ядерной войны ее не затронули. На ней и только на ней остались здоровые семена, горстка незараженной земли и емкость с чистой водой. И вот эту станцию приземляют, чтобы воспользоваться её теперь уже уникальными ресурсами. Если те зернышки, что на ней есть, просто раздать – это никому не поможет.

Правительство, возглавляющее остатки человечества, принимает жесткое решение. Выбирается один небольшой участок земли («шесть соток»). С него срезается верхний зараженный слой почвы. Обнажившаяся глубина земли выжигается и прокаливается огнем – чтобы никаких спор мутировавшей дури не осталось в этой земле.

На очищенное место высыпается здоровая земля с космической станции. В нее засеваются здоровые же

семена. Они скупо поливаются здоровой водой. А по периметру ставится охрана – чтобы никто из людей или из зверей не ворвался и не растоптал эту уникальную делянку. Чтобы даже пыльца от мутантов не залетала сюда и чтобы ветры не приносили радиационную пыль – делянка обносится прозрачным шатром.

И все же с подпочвенными водами, через прорехи в куполе, с заходящими людьми, с фоновым излучением от соседних участков радиация проникает и сюда. Растения здесь болеют меньше, чем в незащищенных областях, но все же болеют. И здесь время от времени появляются мутанты. Когда тот или иной побег растения надежды проявляет склонность ко все тем же печальным мутациям – садовник безжалостно отрезает его и сжигает засохшие или мутировавшие колоски и ветви. Первый собранный урожай не раздается людям. Он весь высевается снова (вспомните, как создавал свой огородик Робинзон Крузо). Кто-то умирает от голода – но и ему не дается ни горстки этих драгоценных зерен. И так много поколений подряд. Пока, наконец, не будет создано семечко настолько устойчивое к радиации, из которого можно будет сделать противоядие и исцелить все растения – и под шатром, и за его пределами – на всей земле. В конце концов среди этих первоначально многотысячных побегов одна веточка принесла тот плод, ради которого и существовало это странное земледелие. Этот плод можно выне-

сти за пределы опытной станции и раздать всем желающим, чтобы в них, больных уже во многих поколениях, прозошла новая, теперь уже добрая мутация.

Так и все жестокости в истории Израиля обусловлены не столько жестокостью народа Израиля и их Бога, сколько глобальностью того Дара, который должен войти в мир через Израиль. Чтобы «новое поколение Израиля не выбрало пепси-колу» – вокруг него создается стена изоляции. Каждый человек и каждый народ носит язычество в себе. Если предоставить религиозному чувству людей развиваться самостоятельно – оно создаст именно «язычество» – уютную религию духообщения. Если же есть еще и внешнее влияние, исходящее от языческой культуры быта – это станет вообще неизбежно. Значит –строгий карантин.

И все ради того, чтобы на древе Иессеовом появилась одна единственная ветвь, одна единственная отрасль. Чтобы появилась на земле душа такой чистоты, такой распахнутости перед Богом, что, когда она скажет «Се, раба Господня. Да будет мне по слову Твоему», – в ней Слово Бога станет человеческой плотью. На земле появится тот Небесный Хлеб, который теперь уже можно раздавать всем людям, всем эпохам[153].

Вот фундаментальная разница в христианском понимании истории Израиля и в иудейском. С точки зрения христиан, история Израиля имеет цель. Это тяж-

кий, но необходимый путь, который однажды должен кончиться. И то, что будет обретено в конце пути, будет дано не только Израилю и не ради лишь Израиля. Через Израиль оно будет дано для всех и ради всех. Значит – Израиль убивает язычников не только ради благополучия своих детей, но и ради спасения потомков тех, кто сейчас противостоит ему и его миссии.

Христианство более высоко оценивает историческую миссию Израиля, чем сам Израиль. Не ради себя существует Израиль, а ради всего человечества. Та мера близости с Богом, которая есть у него, дана ему не для того, чтобы навсегда противопоставить его иным народам, но для того, чтобы со временем уникальные привилегии Израиля распространились на всех. Вот только старший сын из притчи о блудном сыне не захотел, чтобы Отец принял его младшего брата...

Израиль не заметил тот момент в своей истории, когда он должен был раскрыться перед миром. Он дал миру Христа – но сам не заметил этого. Сам не осознал того – Кто именно проповедовал на его священной земле. А в итоге, по верному слову католического богослова, «Когда по завершении своей провиденциальной миссии Израиль возжелал сохранить свои привилегии, он стал узурпатором»[154].

С той поры слово «иудаизм» стало ловушкой, обозначающей два весьма различных религиозных фено-

мена: религию пророков древнего Израиля и религию после-голгофских раввинов.

По четырем критериям религиоведческий анализ не может не заметить здесь серьезнейших различий:

1. Представление о посмертной судьбе человека. Тексты Танаха (Ветхого Завета) молчат о посмертии, изредка разрешая надежду на воскресение плоти. В каббалистическом иудаизме появляется вера в «гильгуль нешамот – реинкарнация. После смерти тела души возвращаются к своему Источнику и переходят в другие тела, чтобы исправить то, что испортили в прошлом воплощении. Переселение душ – одно из основных положений иудаизма. Сказано в книге “Шаар га-гильгулим” р. Хаима Виталя (1542-1620): “Душа входит в тело, когда ребенок рождается. Если человек в течение своей жизни не исправил ее, она должна снова вернуться в этот мир и будет возвращаться в него, пока не очистится совершенно”. Каббалистам известно, что души почти всех живущих сейчас людей находятся в этом мире не первый раз»[155].

Согласно талмудической мудрости, «Души язычников и демонов как не предназначенные для будущей жизни, не переходят в другие тела... Женская душа за свои грехи никогда не переходит в другие тела, но терпит наказание в шеоле... Если в женское тело душа посылается только в наказание, то в тело чистого животного входят, напротив, только души праведные. Так

как чистые животные таким образом носят в себе души праведников, то этим и объясняется, почему закон предписывает особенный уход за ними и почему были приятны Иегове жертвы, состоявшие в кровопролитии чистых животных. Кто приносил в жертву животное, тот должен был представлять себе, что он приносит душу человеческую. Посему-то и при всякого рода заклании животного, нужно употребить нож без рубцов, чтобы сделать смерть животного как можно легче, и тем облегчить страдания праведной души. А кто ест член животного, оторванный от живого тела с кровью, тот ест плоть своего брата; потому-то и сказано: души с телом не ешьте (Втор. 13, 21). Кто имел преступные связи с своею тещею, тот по талмуду превращается в аиста и в этом виде постоянно преследуется другими аистами; кто – с сестрою отца, тот превращается в дикого осла, как сказано: „пустой человек мудрствует, хотя человек рождается подобно дикому осленку“ (Иов 11, 12). Кто – с чужой женой, тот превращается в обыкновенного осла – в чем состоит таинственное значение слов „если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его“ (Исх. 23, 5), потому что этот осел может быть твоим единокровным братом. Кто имеет связи с своею снохою, тот обращается в кобылу, кто с женою отца своего, но не матерью – в верблюда, а кто с своею матерью, тот переходит в ослицу. Подобные же наказания назначаются безбожникам и гордым.

Так пострадали строители вавилонской башни: только лучшие между ними наказаны смешением языков, а остальные, безбожники, обращены в обезьян, кошек, мышей и пр. Кто накормил еврея нечистой пищей, тот в наказание перейдет в листья древесные и будет кружиться между небом и землей при каждом дуновении ветра... Говоря о раввинском переселении душ, мы разумеем полное переселение, когда душа по смерти тела связывается неразрывно с другим телом и оживляет его до смерти. Такое переселение души называется гильгуль. Но есть еще другое, неполное переселение, когда душа случайно присоединяется к какому-нибудь телу, уже имеющему свою собственную душу; это переселение – иббур. Последнего рода переселение часто принимают на себя кроме скитающихся грешников и души древних праведников, витающих постоянно в обществе евреев... Некоторые считают, что душа переходит из тела в тело три или четыре раза: „Вот все это делает Бог трижды, четырежды с человеком“ (Иов. 33,29)... В конце все еврейские души будут очищены и все без исключения причастны вечной жизни... Покой в могиле для умерших евреев составляет удел только немногих счастливых душ; ангел мститель немедленно после погребения еврея разрывает могилу и выгоняет душу на новую скитальческую жизнь; опять пройдет жизнь, ляжет человек в могилу, и опять выгоняется из нее в новое странствование»[443].

Идея реинкарнации не вырастает из глубин религии древнего Израиля. Скорее она заимствуется из общей для поздней античности моды на пряности восточного производства. Еще Вавилонский Талмуд (составленный около 600 г. н.э) приводит 300 аргументов в пользу воскресения мертвых[444]. «До viii века христианской эры – эпохи возникновения еврейских сект – эта доктрина оставалась чуждой еврейству, но под влиянием мусульманской мистики иракских и иранских сект она была воспринята караимами и другими еврейскими сектантами. По новейшим данным основатель караимской секты Анан заимствовал учение о переселении душ у мусульманской секты равендитов, появившейся в Багдаде в 758 г. по Р. Хр... Впервые в еврейской литературе о переселении душ упоминает Саадия Гаон, протестовавший против этого верования, которое в его время разделяли приверженцы „секты иудганитов“... Вера в переселение душ нашла в первое время мало приверженцев среди евреев, и никто из средневековых еврейских религиозных философов, за исключением рабби Авраама ибн-Дауда не нашел нужным бороться с нею вплоть до рабби Хасдаи Крескаса. Только с тех пор, как каббала стала пролагать себе путь в иудаизм, вера в переселение душ начала приобретать себе последователей. „Люди не знают, что люди возвращаются, подобно камню, брошенному пращей“ (Зогар 2,99б). Однако, несмотря на то, что каба-

ла возвела веру в переселение душ в догму, эта доктрина часто вызывала возражение со стороны представителей еврейской философии в XIV и XV вв... Однако с течением времени голос противников ослабел, и вера в переселение душ овладела даже последователями Аристотеля.... (С точки зрения каббалистов) если у человека добрых поступков больше, чем злых, душа его переселяется в человеческое тело, в противном случае в тело животного»[445]. «Идея реинкарнации оставалась чуждой иудаизму приблизительно до VIII века»[446]. «В начале III века идея предсуществования душ впервые проникает в раввинистический иудаизм... По мнению Е. Е. Урбаха, концепция презэкзистенции души может быть засвидетельствована впервые лишь в речениях палестинских амораим во второй половине III в. н.э.»[447].

2. Второе отличие современного иудаизма от религии Пророков – в отношении к магии. За гадания и вызывания духов закон Моисея предписывал самые жесткие санкции. Но в каббалистической традиции труды по созданию терафимов и големов вполне приветствуются.

Астрология также не одобрялась в библейских текстах и апокрифах эпохи рубежа Заветов. «Вера в астрологию противоречила некоторым основополагающим представлениям иудаизма (во всяком случае иудаизма фарисеев – раввинистического). Уже во време-

на Второго Храма автор 3-й Книги Сивилл с уважением писал о народе, который не втянулся в астрологические пророчества. И автор 1-й Книги Еноха считает, что „исполины“ не к добру научили мир колдовству и гаданию по звездам»[156]. Но талмудические мудрецы сочли возможными астрологические штудии.

3. Появление языческих мифов внутри иудаизма в новозаветное время. Вот два примера позднейшей звездной мифологии: «Когда создал Бог два светила великие, Луна сказала: Господи, невозможно двум царям один венец носить. – Иди, – сказал Всевышний, и сама умали себя. – За то ли, Господи, что правдивое слово я молвила, Ты умалить себя повелеваешь мне? – взмолилась луна. Отвечал Всемилосердный: Звезды да будут спутниками тебе». Второй пример связан с толкованием действительно загадочного стиха книги Бытия, повествующего об исполинах, родившихся от общения Сынов Божиих с дочерьми человеческими. Когда один из ангелов пленился женщиной, – говорится в Мидраше, – та оказалась мудрее его. «Я соглашусь на твою любовь, – ответила Истеарь, – если ты откроешь мне „Шем-Гамфорш“ (полную транскрипцию имени Божия), произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь. Ангел исполнил ее требование. Тогда Истеарь произнесла Святое Имя и вознеслась на небо, сохранив беспорочность свою. В воздаяние за ее добродетель Все-

вышний обратил Истеарь в звезду и поместил ее в плееде»¹⁵⁷.

В Библии поражает полное отсутствие астральных мифов. Но когда Израиль получил возможность (через расторжение Завета), строить свою религиозную жизнь по влечениям своего сердца – он немедленно создал нормальную языческую («народную») религию со всем арсеналом астрологии и магизма. Но тем самым было дано неоспоримое свидетельство исторической достоверности и чудесности Пятикнижия. Оказалось, что в отличие от иных законодательств закон Израилев не был сделан в соответствии с духом народа, он явно извне навязывается ему, смиряет его жесткой уздой, а не вырастает из него как плод из дерева. Израиль ли сотворил Библию или Библия создала Израиль? После возникновения Каббалы ответ на этот вопрос уже очевиден: Библия создала Израиль, а Израиль создал всего лишь Каббалу. Говорю это с горечью и не испытывая ни малейшего антисемитского зуда. И русский народ, забыв советы Церкви, вырвался в лабиринты язычества, и там от всей души предался все тому же темному мифотворчеству, радостно впитывая «Агни-йогу» и «Диагностику кармы»...

И все же – пока иудейские полемисты обвиняли почитателей Троицы в языческом многобожии, языче-

---

¹⁵⁷ Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. М., 1993. с.10 и 18-19.

ская мифология вполне успешно проникла в их собственные вероучительные тексты.

4. Наконец, важная перемена произошла и в переживании Божества. На смену понимания Ягве как Высшего и при этом личного Бога-ревнителя пришло представление о Ягве как силе, подчиненной более высокой инстанции: безличностному Абсолюту по имени Эйн-Соф. Если Ягве пророков говорит о своем народе как о «зенице ока», если Его взгляд пророки всюду ощущали на себе, то в каббалистическом пантеизме Божество становится незрячим: «Существует ли сотворенное? Если смотреть „со стороны Бога“, то ничто не существует, кроме Него (верхнее мнение на языке хасидизма)»[158]. Но и обратно: при смене острого персонализма пророков на пантеизм и Бог перестал замечаться, если смотреть со стороны словесной эквилибристики: в каббалистике «Эн-соф имеет свою подлинную оригинальность как абсолютизация социального, безлично-социального бытия. трансцендентность здесь не пустое становление Индии, не числовое оформление неоплатоников, не абсолютная личность Ареопагитик и Николая Кузанского, не мистическое Я Экгарта и не трансцедентальное Я Канта и Фихте и не индивидуальное безличие Фихте, Шеллинга и Гегеля. Это есть апофеоз социального безличия, абсолютность человечества, взятого в виде вне-личного состояния. Да и самое наименование Эн-Соф, „Не-не-

что“, говорить о некоем активном нигилизме в отношении личности, в то время как прочие апофатики говорят или просто о Ничто, или, как, например, Николай Кузанский, о „Неином“. „Неиное“ Кузанского хочет именно спасти и утвердить индивидуальность, „Не-ничто“ же Каббалы как раз хочет ее уничтожить»[159].

Это мнение Лосева мне казалось слишком преувеличенным – пока я не встретил слова Штайнзальца: «Самоотречение перед лицом Бога, отказ от своей отдельности – не теоретическая концепция, а практический принцип в хасидизме, особенно в направлении хаббад. В шутку рассказывают историю об одном хасиде. После вдохновенного урока по хасидизму он задумчиво бродил недалеко от замка польского аристократа. Часовой окликнул его : “Кто идет?”. Все еще под впечатлением выученного, хасид ответил: “Я иду”. Когда же часовой захотел узнать, кто это “я”, хасид сказал: “Пустота и ничто идет”. “Кто-Кто?!” – переспросил озадаченный солдат. По этому поводу хасид подумал: “Похоже, этот парень признает, что что-то или кто-то остается; мое самоотрицание не было еще полным”. И он ответил: “Никто не идет. О ничто и пустоте нельзя сказать, что оно идет”»[160].

Пророки перед лицом Бога древнего Израиля ощущали себя иначе: «Вот я, пошли меня» (Ис. 6,8).

Другая получилась религия...[161] А, значит, и с точки зрения христианства современный иудаизм – не

наш отец, учитель или старший брат, а религиозный мутант (конечно, и мы с иудейской точки зрения тоже – мутанты)[162].

Христианство разомкнуло отношения Израиля и Бога, включив в них остальные народы. И потому одной из первых тем христианского богословия стала... защита Израиля. «Церковь Божия, избегая крайностей и тех и других (иудеев и гностиков) идет средним путем – и не соглашается подчиниться игу закона, и не допускает хулить его и по прекращении его за то, что он был полезен в свое время» (свт. Иоанн Златоуст)[163]. Достаточно вспомнить издевки Цельса и Юлиана, дикие эскапады гностиков в адрес ветхозаветной истории и религии – и вновь станет ясно, что именно Церковь отвела угрозу от Израиля.

Для Церкви было богословски необходимо защищать Ветхий Завет. Если бы она его отвергла – она поставила бы под сомнение самый драгоценный из своих догматов: «Бог есть любовь». Если бы у Евангелия не было предыстории – то евангельская история выглядела бы случайной импровизацией. Бог, некогда создавший мир, забыл о нем. Его земные дети росли без пригляда. Но, когда все же они хоть малость похорошели – Небесный Отец вдруг вспомнил о нас и заглянул в гости. В таком случае неправ евангелист Иоанн, сказавший о Христе: «пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1,11). Нет, не к своим, а к чужим пришел

Он – если Он не посещал их прежде. И, тогда, кстати, нет ничего странного и трагического в том, что чужие не приняли чужака. Но вся трагедия Евангелия в том, что свои не приняли Своего...

Если отвергнуть Ветхозаветную прелюдию к Евангелию – у нас не будет уверенности в самом главном: Любовь – она всегда в Боге, или это было случайное чувство? Может, однажды на Него «накатило». И как Он не заботился о Своих земных детях до евангельских времен, также Он может забыть о них и после. Вопрос об Израиле в конце концов вопрос о нас самих. Можем ли мы быть уверены в том, что Бог и ныне с нами и будет впредь? Или же Тот, кто после первых же грехов людей отвернулся от них и на тысячелетия их забросил, также реагирует и на наши беззакония? Есть ли в Боге, в Его любви и в Его терпении постоянство? Человеческое сердце требует надежды. Надежда требует вывода: Да, Бог – Тот же. «Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13,8). «И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить вас; Я создал, и буду носить, поддерживать и охранять вас» (Ис. 46, 4).

Защищая Евангелие, Церковь должна была защищать и мир Пророков. Не только из этических, но и из богословских соображений Церковь взяла под свою интеллектуальную защиту историю Израиля и его книги: не жесток Бог Израиля. Боль, причиняемая им – это

боль, которую причиняет врач тому, кого он хочет излечить. Тот, кто, увидев первую кровь, с возмущением остановит хирургическую операцию на середине, не зная о ее цели, тот погубит больного. Цель тех надрезов, которые Бог совершал в ветхозаветной истории – явление Евангелия. Дурен ли этот плод? Нет? Но тогда незачем осуждать и те прививки, через которые Садовник возвращивал этот Плод.

Но сейчас еврейская публицистика твердит, что христианство в сути своей антисемитично... Наверно, из-за этого сущностного и изначального своего антисемитизма смысл страстного поста древняя Церковь видела в усиленной молитве за Израиль: «В пятницу за иудеев поститесь, потому что они пригвоздили Меня. Вы же поститесь, особенно которые из дома язычников, чтобы отпущено было им все, что они сделали на Меня. Посему знайте, братья, что пост наш, которым мы постимся на пасху, вы будете поститься за упорство наших братьев. Нужно поститься за них... Особенно строго вам надлежит поститься в пятницу и умолять за тех, которые согрешили» (Сирийская дидаскалия, 3 век).

Но борцы с «христианским антисемитизмом» требуют, чтобы христианские народы, в порядке покаяния за преступления языческого германского нацизма, усвоили взгляд на Израиль как на народ, по прежнему в абсолютной уникальности хранящий свою Богоизбранность. Станный, однако, способ бороться с на-

ционализмом – через насаждение другого национализма. Христиан обвиняют в том, что они посмели те слова, которыми Израиль превозносится над другими народами («род избранный, род священный»), отнести к себе. Корни антисемитизма, оказывается, в том, что не-евреи посмели посмотреть на себя также, как на себя смотрят евреи. Казалось бы, если уж ты пришел к выводу, что национально-превознесенный взгляд привел к крови, то борись за то, чтобы никто (в том числе и евреи) не смотрел ни на себя, ни на других такими глазами. Но вместо этого либеральная пресса требует признать непреходящую уникальность Израиля.

Христиане, кстати, видят возможность светлого и творческого будущего для Израиля как народа. Если Израиль однажды примет своего Христа – он вновь станет первенцем Божией любви[164]. Если Израиль переступит через древние установления, которые предписывают ему двойной стандарт по отношению к иным народам[165] – он совершит великую революцию в своей истории.

При нынешней моде на разговоры о христианском антисемитизме не стоит упускать их виду два фундаментальных факта.

Первый: именно христианство сделало национальную историю древнего Израиля святыней не только еврейского народа, но и общечеловеческой.

Второй: иудейская диаспора в течение столетий жи-

ла почему-то лишь в христианском и мусульманском мирах. Почему евреи не шли от “христианского гнета” под покровительство “веротерпимого” язычества? Если христиане пышут антисемитизмом – то отчего бы не уйти от них не на Запад от Палестины, а на Восток, в Индию, в Китай? Никакие мелкие стычки не могут заслонить огромного факта: христиане помогли евреям выжить.

Надо иметь изрядно помраченную совесть и рассудок, чтобы обвинять христиан в том, что они, дескать, украли у евреев Библию и пророков. Не украли, а сохранили. Потому что, если бы Библия осталась лишь в руках евреев, если бы она не была заново прочитана христианами (и отчасти мусульманами) – то давно уже не было бы на свете ни евреев, ни их национальных книг. Христиане спасли Библию и Израиль тем, что дали им интерпретацию более возвышенную, нежели ей давали сами евреи. Христиане спасли евреев тем, что внушили «гоям» пиетет к еврейской Библии и придали небуквальное, некроважное значение многим ее стихам[166].

Возьмем самую первую строчку Библии. «В начале Бог создал небо и землю». Вот иудейский комментарий к этому месту: по авторитетнейшему в иудаизме толкованию Раши, "Всевышний поведал своему народу историю сотворения мира для того, чтобы евреи знали, как отвечать, если народы мира будут оспаривать

право народа Израиля на его страну, говоря: мол, вы захватчики, присвоившие себе чужую страну! Евреи им ответят: «Вся земля принадлежит всевышнему. Он ее сотворил и отдал тем, кому пожелал. А затем Он отнял ее у них, когда счел нужным, и – по желанию Своему – отдал нам»[167]. Смысл Шестоднева (как его понимает средневековый иудейский наставник) оказывается удивительно созвучен с современной политической коллизией: «Палестина – для евреев, а не для палестинцев». Впрочем, эта формула может быть приложена не только к Палестине, но и к любой земле, которую такие мудрецы пожелают счесть своей

Так как же язычник, то есть человек, для которого в Библии нет ничего святого, должен относиться к агрессивному национализму Израиля? Для него евреи, поселившиеся на его земле – это бомба замедленного действия. Если бы евреи остались одни со своим буквальным пониманием Писания – они были бы окружены ничем не умеряемой и естественной ненавистью всех народов. Ибо как же еще можно относиться к народу, который всех почитает своими потенциальными рабами (хотя бы в чаемую им мессианскую эпоху).

Без Христа Ветхий Завет – едва ли не самая страшная книга в религиозной истории человечества. Лишь один пример – как мужи из колена Данова ищут для себя землю: «И пошли те пять мужей, и пришли в Лавис, и увидели народ, который в нем, что он живет по-

койно, по обычаю Сидонян, тих и беспечен, и что не было в земле той, кто обижал бы в чем, или имел бы власть: от Сидонян они жили далеко, и ни с кем не было у них никакого дела. И возвратились (оные пять человек) к братьям своим и сказали им братья их: „с чем вы?“. Они сказали: „встанем и пойдем на них; мы видели землю, она весьма хороша. А вы задумались: не медлите пойти и взять в наследие ту землю; когда пойдете вы, придете к народу беспечному, и земля та обширна; Бог предает ее в руки ваши“... И пошли в Лаис против народа спокойного и беспечного, и побили его мечом, а город сожгли огнем. Некому было помочь, потому что он был отдален от Сидона» (Суд. 18,7-10).

Есть непроходимая грань между двумя пониманиями национального мессианизма: существует ли избранный народ для того, чтобы послужить всему человечеству, или же для того, чтобы всё человечество, опомнившись, послужило ему... И понять эту двусмысленность истории Израиля можно только, если согласиться с глубоким замечанием Оскара Кульмана: «В действительности существует две истории Израиля: собственная история Израиля и история Израиля к его спасению и спасению других»[168].

Христианская мысль более высоко оценивает миссию Израиля чем сам Израиль. Христиане более возвышенно видят историю Израиля, чем сами иудеи, так как, видят в ней не самослужение Израиля, но его слу-

жение человечеству, Новому всеобщему Завету. Израиль существует не для себя, и не для своего узконационального торжества, а для всех: придет чаемый всеми народами. Без Евангелия, без наднационального замысла исторические книги Ветхого Завета – это самые душные книги человечества. Нет оправдания той крови, тем судорожным прижиганиям. Или это – нас ради всех человек, или это всего лишь националистическая похоть.

Не украли христиане Библию, а сохранили. Христиане не разожгли антисемитизм, а пригасили его.

Вспомним античность:

Древнегреческий историк Диодор Сицилийский (1 в. до Р. Хр.) передает, что «Друзья царя Антиоха советовали полностью уничтожить племя иудеев потому что они, мол, одни из всех народов высокомерно избегают всякого смешения своего народа с другими и всех считают своими врагами.. Они стали из рода в род передавать ненависть к людям. Поэтому то и к обычаям они приучают самым странным: не делить трапезы ни с кем из иноплеменников и ни в коем случае не испытывать к ним расположения»[169].

В начале первого века александрийский писатель Апион полагает, евреи клянутся Богом «не питать добрых чувств ни к кому из иноплеменников, и в особенности к эллинам» (Иосиф Флавий. Против Апиона 2,121).

Римский историк Корнелий Тацит (конец первого века) полагал, что: “среди своих верность их неколебима и готовность к состраданию неизменна, всех же остальных они ненавидят как врагов” (История. 5,5,1).

“Рассказывают, что когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, испытывая отвращение к вонючим и нередко производившим смуты иудеям, скорбно воскликнул: “О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел людей хуже вас” (Аммиан Марцеллин. Римская история. 22,5,5). А ведь Марк Аврелий – это «философ на троне», человек образованный и терпимый...

Враг христиан император Юлиан Отступник и о евреях невысокого мнения: «А у евреев-то какое славится подражание богу? Гнев и ярость и зверская ревность... Даже самые гнусные и порочные из (наших) военачальников обходились со злейшими своими обидчиками куда как мягкосердечнее, чем Моисес – с теми, кто ни в чем не провинился... Закон (евреев) суровый и жестокий и много содержащий дикого и варварского» (Против галилеян, 171, 184, 202)[170].

На рубеже 4-5 веков н.э. неоплатонический философ Синезий (фигура весьма интересная: он был другом знаменитой ученой Ипатии; на епископское служение в христианской Церкви он был избран народом за свою праведность, когда сам он еще не был даже крещен; главному «инквизитору» той эпохи – св Феофи-

лу Александрийскому он писал о своих несогласиях с христианской верой и в ответ принимал разъяснения, увещевания принять епископство и даже разрешение не разводиться ради этого со своей женой) в языческую пору своей жизни писал, что «иудеи – пропащее племя, чтущее долгом благочестия уморить возможно больше эллинов» (К брату)[171].

«Антиох Эпифан был действительно сумасбродом, но все, что творил над евреями, вовсе не воспринималось как чудовищное зверство окружающим его обществом и „народом“ – он опирался, очевидно, на укorenившееся традиционное мнение. Антисемитизм уже числил за собой почтенный возраст»[172]. В конце концов, не христиане разрушили Иерусалим, но армия ничего еще не слышавших о Евангелии римских полководцев Тита и Веспасиана.

О том, что нет сущностной связи между антисемитизмом и христианством, говорит и аргумент от современности: именно в современных языческих книжках, воспевающих «удар русских богов» и хулящих христианство как «жидовскую порчу», погромная риторика достигает своего максимума. «Если цифрами обозначить монорелигии по времени их возникновения (1 – иудаизм; 2 – христианство; 3 – ислам), то цели истребления будут расположены в следующем порядке: 2-1-3. Это будет происходить потому, что на сегодняшний день нетрадиционными религиями и мировым ра-

ционализмом уже накоплен огромный опыт по борьбе с христианством, да и само оно за последние двести лет уже успело порядком привыкнуть к гонениям... Настало время повалить макеты картонных кумиров и вернуться к состоянию исходного первоизданного благоденствия, а космическая эра Водолея поможет нам в этом... Не беспокойтесь, речь не может идти не только о прощении, но даже о пощаде"[173].

Вообще стоит прежде размышления над всплесками антисемитизма в христианском мире ознакомиться с исследованием С. Я. Лурье «Антисемитизм в древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины» (Петроград, 1922). По его выводу, «причина антисемитизма лежит в самих евреях... Антисемитизм – явление не случайное, он коренится в разнице между духовным обликом еврея и не-еврея»[174].

С. Лурье полагает, что нет ни одного народа, который был бы сам по себе антисемитски настроен. Сначала на его земле поселялись евреи – а затем вспыхивала национальная рознь[175]. Причем нередко этот же народ спокойно относился к колониям других племен, живущих на его территориях. Показательно также, что каждый раз погромы следуют за волной ассимиляции евреев к местной культуре. Значит, не само по себе ощущение отчужденности евреев было причиной антисемитизма. Скорее напротив, когда народ лучше узнавал склад мировоззрения евреев – он устраивал

антиеврейские бунты.

Античный антисемитизм не мог иметь экономические причины. Если александрийские купцы боялись еврейской конкуренции – то ведь для того, чтобы этот свой страх использовать для подъема народа на еврейский погром, в народе уже должна была существовать антиеврейская настроенность, – полагает Лурье. Также «нельзя видеть причины антисемитизма в реакционности правительств: правительство может только тогда играть на антисемитизме, когда он уже существует как нечто вполне сформировавшееся в народе. Римские императоры охотно посвящали себя в культы всевозможных варварских богов; они гордо носили титул *Dacius*, *Sarmaticus* и т.д. Но когда Веспасиану и Титу после победы над евреями войско по обычаю предложило титул *Judaicus*, с каким негодованием они отвергли его!»[176].

В общем – антисемитизм был и в античности. У очень разных народов на земле в самых разных веках возникала одна и та же реакция на евреев, когда те поселялись среди них в достаточно большом количестве. Эту реакцию христианство сдерживало и смягчало. Когда же (увы, не без помощи еврейских «либералов») в Германии христианство было раскатолено и сброшено, язычество вновь показало – какова будет участь евреев, если на них посмотреть не в евангельской перспективе.

Фильм «Последнее искушение Христа» показан. Какие уроки?

Самое скандальное событие в религиозной жизни России 1997 года произошло 9 ноября. В этот воскресный вечер НТВ показало фильм «Последнее искушение Христа». Конфликт, исподволь зревший последние годы, стал очевиден: крупнейшая информационная империя России объявила открытую войну Русской Православной Церкви.

Повода к тому сама Церковь не дала. Поводом послужил просто календарь. 9 ноября – годовщина «хрустальной ночи». Это та печальная ночь, когда в нацистской Германии начались еврейские погромы. Понятно, что тогдашний главный режиссер НТВ Александр Файфман[177] и фактический хозяин НТВ г-н Гусинский, совмещавший посты генерального директора «Медиа-МОСТ» и президента Российского еврейского конгресса хранят заслуженно недобрую память об этой ночи. Но почему же за преступления немецких неоязычников (а нацизм, вскормленный оккультизмом, был откровенно враждебен не только к иудаизму, но и к христианству) они решили отомстить православным гражданам России? Почему эта их боль вылилась в оскорбление тому народу, который спас европейскую

еврейскую общину от уничтожения?

Оскорблений не было? Было просто проявлено право любого человека на свободу высказываний? Да, такое право есть. Но есть и его естественное ограничение. Свобода движения моей руки кончается там, где начинается лицо другого человека. Боль другого человека – вот предел, за который не должны переходить мои даже самые законные чувства. Ни моя радость, ни моя собственная боль не должны провоцировать боль у других людей.

Если я вижу двух людей в такой позе, что один из них выламывает руки другому – то кому же из них принадлежит право крикнуть: «Прекрати! Это уже не шутка! Мне больно!»? Тому, кто выкручивает или тому, кому выкручивают? Тот, кому больно, неоспоримо прав, когда он заявляет о своей боли.

Так почему же такое же человеческое право не признал г-н Гусинский и его телеканал за христианами? Кто может быть большим «экспертом» в вопросах православия, чем Патриарх? Вам почему-то не нравится Московская Патриархия? Но ведь и католики, и протестанты, и даже мусульмане предупреждали, что фильм – недопустимо кощунственный. НТВ призывает к экуменизму, к солидарности и объединению религий. Так вот вполне очевидный пример экуменического единодушия: весьма различные религиозные движения оказались едины в своей негативной оценке «По-

следнего искушения Христа». И оказалось, что НТВ – все-таки против экуменизма. Даже согласный вскрик многих религий для владельцев этого телеканала – ничто.

С какой стати коллегия сытых и благополучно-безблезненных граждан берет на себя наглость заявлять, что, мол, дубинка, бьющая по голове кричащего человека, не причиняет и не может причинить ему боли? Какое право люди, лишенные вообще чувства святыни (Святыня – это что? это где? это когда?) берутся судить о том, что испытывают люди, у которых чувство святыни не атрофировано? Иван Бунин как-то сказал о Льве Толстом: «Все ругают Толстого. Но как же не понимают, что это просто несчастный человек. У него просто нет органа, которым верят». Ну так же и у господ с НТВ. Нет у них «органа, которым верят» – так зачем же этим хвастаться и зачем же не вслушиваться в предупреждения других, которые своим «шестым чувством», чувством благоговения предупреждают слепорожденных: осторожней, здесь – пропасть, здесь – кощунство...?

Ладно, человек не обязан быть религиозным и иметь тот самый «орган, которым верят». Но тот орган, которым человек чувствует боль чужого как свою – должен быть у людей, заявляющих о себе, будто они – негибимые демократы и борцы за права человека. 9 ноября стало очевидно: НТВ и демократия – разные вещи. Де-

мократия невозможна без умения если не чувствовать, то хотя бы понимать чужую боль. Но НТВ показало, что боль миллионов людей для них – ничто. Если эти люди не из их кружка – то и боль у них не настоящая, и вообще еще большой вопрос – люди ли они...

9 ноября 1997 г. в жизни НТВ – то же, что декабрьские дни 1917 г. для большевистской власти. После того, как советские пушки расстреляли соборы Московского Кремля (обстрел продолжался и после того, как курсанты оставили Кремль), стало понятно: к власти пришли не демократы, не друзья народа, не те люди, которые хотели бы блага для России. Стало понятно, что власть над страной захватили те, кто дышит ненавистью к «этой стране», к ее святыням и к ее народу. И после 9 ноября этого года столь же законно стало новое опасение за судьбу страны: что же творится с нашей страной, если влиятельнейший телеканал, финансируемый из тех же источников, что обеспечили победу президента на прошлых выборах, со столь нескрываемым презрением относится к святыням России?

Да, у любого человека есть право на дискуссию с христианами, право на критику и на несогласие. Но нет права на плевки и кощунства. Кощунственно запечатлеть в памяти людей постельные сцены с участием Марии Магдалины и... И объяснения: «Мол, это понарошку, это наваждение, которое дьявол рождает в сознании Распятого», ничуть не смягчают ожога. По хри-

стианскому учению недобрые и ложные мысли вообще не могут возникать в сознании Богочеловека Христа. Не может внутри Сына Божия звучать голос князя тьмы.

Но не только с точки зрения верующих кощунственен этот фильм. Заведомо заниженное прочтение Евангелия поддерживает более широкое и мощное антикультурное движение. Жажда опошлить, опоганить все то, что высоко, характерна для нынешнего мещанства. Пушкин оказывается интересен не своей поэзией, а своим «Донжуанским списком»; о Чайковском чаще вспоминают в связи с проблемами сексуальных меньшинств... Вот и Христа так хочется затащить в постель – представить «таким же, как и мы».

Так что не только религиозного и не только демократического чувства нет у владельцев НТВ. Еще нет у них и того чувства иерархии, без которого вообще немислима культура. Нет у них ощущения того, что есть высокое, а есть низкое, и что их нельзя смешивать.

Во многих религиозных картинах мира история мира начинается с того, что в нем происходит разделение: отделение верха от низа, неба и от земли. «Да отделит твердь воду от воды. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая над твердью, от воды, которая под твердью. И назвал Бог твердь небом» (Быт. 1,6-8). В мире появляется измерение вертикали. Вертикаль вторгается в прежде неразличимое, взаимослитное перво-

вещество, раздирает его и тем самым наделяет лицом его прежде неразличимые части, наполняет мир многообразием и разно-личием. Пространство культуры должно нести в себе вертикаль, должно возвышать более достойное над менее достойным.

Только в этом, разделенном мире и можно ориентироваться. Ориентир – то, что отличается, возвышается; то, что не похоже на другое и не слито со своим окружением. В мире, где нет различий – нет ориентиров. Там, где нет ориентиров, человек теряется. Потерявшийся человек не сможет очеловечить мир, в котором он оказался. У него не найдется слов для «названия имен» (Быт. 2,19) не найдется ориентиров для познания добра и зла.

Именно эту вертикальность смывает массовая «культура». И этому потоку противостоят и школа, и Церковь. «Мудрость» же сплетников и журналистов-плюралистов заверяет, что «все они одним миром мазаны». Всё плоско. Всё одинаково. У всех и у всего одинаковые права. «А кто не бабник?»... И НТВ показывает «Последнее искушение Христа» с постельными сценами...

«Последнее искушение Христа» – не произведение культуры, а потому и борьба Церкви против показа этой поделки не была борьбой фанатиков против культурного прогресса. Культура не возможна без чувства святости, без «ощущения высоты». Именно этим ощу-

щением культура делает человекообразное существо человеком, прямо-ходящим, смотрящим вверх (греческое слово антропос, как и славянское человек означают существо, устремленное ввысь, к вечности). Как сказал Наум Коржавин в стихотворении о церкви Покрова на Нерли:

Невысокая, небольшая,
Так подобрана складно ты,
Что во всех навек зароняешь
Ощущение высоты.

И потому для меня отныне НТВ расшифровывается не как «новогоднее телевидение», не как «наше телевидение», не как «независимое телевидение», а как — нигилистическое телевидение. Телеканал, претендующий на элитарность и интеллигентность, оказался поставщиком банальнейшей нетовщины.

Непонятно и то, как «самый интеллигентный» телеканал смог сделать шаг, очевидно безумный по своим последствиям. Неужели непонятно, что если ты причиняешь боль — то боль может вернуться к тебе? Как же отказал элементарнейший инстинкт самосохранения? Именно телеканал г-на Гусинского, телеканал, прямо ассоциируемый с Еврейским национальным конгрессом, должен был бы взять себе за железное правило: никакой критики Православия.

Если бы я был владельцем телеканала в Казани, я бы поостерегся критиковать ислам. Ради своих детей и ради того, чтобы не подставлять русских жителей Казани под гнев оскорбленной мусульманской толпы – я бы ввел жесточайшую цензуру на своем телеканале с тем, чтобы никаких намеков на то, что было бы оскорбительно в восприятии мусульман, на нем не прозвучало. Г-н Гусинский – он что, глупее меня? Или все дело в том, что ему уже есть куда уезжать из Москвы? Но как же можно в годовщину «Хрустальной ночи» совершать жест, явственно приближающий и даже провоцирующий аналогичную ночь в России?

И вот уже фундаменталистская газетка «Десница» торжествующе кричит: «Своими действиями 9 ноября по оскорблению чести и достоинства русского народа евреи в России поставили себя вне закона... (Эта нация исчерпала ресурс терпения русского народа и ей нет места среди граждан России)»[178]. Это прямой призыв в мордобой, к погромам и убийствам. Человек, поставленного «вне закона», может безнаказанно убить каждый желающий.

Очевидно, что такие выходки больше вредят Церкви, чем показ антихристианского фильма (не все же знают, что газета «Десница», хоть она и насыщена церковными словами и благочестивыми размышлениями, на деле является изданием антицерковным и проповедующим идею церковного раскола). И за то, что НТВ

спровоцировало такого рода призывчики, я виню НТВ еще больше, чем за то, что оно показало «Последнее искушение».

Но в православии принято даже в печальных обстоятельствах искать доброе. Добрый урок можно вынести и из истории с показом «Последнего искушения Христа».

После того, что произошло, у человека, старающегося быть интеллектуально честным, исчезает моральное право повторять расхожий антицерковный штамп: «Мол, патриархия сегодня занимает место КПСС». В советские времена такое и присниться не могло: Генсек просит телевидение отменить показ антикоммунистического фильма, а телевидение в ответ показывает этот фильм в самое лучшее время. Реакция НТВ на просьбу Патриарха лишает возможности утверждать, будто Православие в России является чем-то государственно-обязательным. Оказывается, прошлое, начавшееся с ноября 1917 года, еще не ушло. И быть православным в России – по-прежнему означает быть готовым принимать плевки со стороны новых хозяев жизни. Только вместо комиссаров теперь – господа, возглавившие финансовые и информационные империи.

Самое дикое в той истории то, что год спустя в приветствии, направленном президентом России Б. Ельциным второму съезду Российского еврейского конгресса 1 сентября 1998 г. отмечалось, что эта организа-

ция «играет важную роль в упрочении мира и согласия в обществе, в гармонизации межнациональных отношений в России» (Труд. 2.9.98). Президентом РЕК был снова переизбран Владимир Гусинский. И НТВ продолжало по своему «гармонизировать» межнациональные отношения в нашей стране.

***

Затем на встрече Патриарха с руководством НТВ главе Русской Православной Церкви были все же принесены надлежащие извинения. Гусинский уже в эмиграции. Хозяином НТВ стало государство (через Газпром). И теперь главный теле-хулитель православия – это Познер. Лицо первого и опять же государственного телеканала.

«Во Христе нет ни эллина, ни иудея»
Почему же мы с тобою с теми,
Гордыми от маленьких истерик?
Броско! А вчитаться – плоско, тускло
то, что нам они пролепетали.
Мы с тобой считали: Заратустры.
Оказалось: просто либералы.

(Илья Габай)

Как часто при попытке христианина заговорить о

есть на глазах каждой из эпох: «У всякой эпохи свой кругозор. Она особенно четко видит одно и особенно слепа на другое. Поэтому нам нужны все книги, это восполняющие, то есть книги других веков. Авторы одной и той же эпохи грешат каким-нибудь общим недостатком – даже такие, которые, как я, стараются идти против духа времени. Когда я читаю старые споры, меня всегда поражает, что противники принимают как данность что-нибудь совершенно для нас неприемлимое. Сами они думают, что ни в чем не согласны, а на самом деле множество мнений объединяет их друг с другом и противопоставляет всем прочим векам... Никому из нас не дано полностью избежать этой слепоты, но мы ее увеличим, если будем читать только своих современников. Средство против этого одно: проветрить мозги воздухом других веков, то есть читать все те же старые книги. Конечно, в прошлом нет никакой магической силы. Люди были не умнее нас и ошибались, как мы. Но они ошибались иначе. Они не поддержат наших ошибок, а их ошибки видны невооруженным глазом»[179].

Но ведь то же самое касается не только эпох, но и культур, в том числе культур национальных. У каждого национального менталитета свое бельмо. Со стороны оно бывает заметнее. Учтесть, где у твоего собеседника область повышенной зоркости и чувствительности, а где «слепая» зона, где острота его зрения (а, может, и

его совести) притуплена – совсем не лишне.

Наконец, стоит вспомнить, как выглядит то размышление ап. Павла, из которого выдергивается лозунг радикального космополитизма: «Все вы – сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы – семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал. 3,26-29). В другом месте: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Колос. 3,9-11).

Как видим, речь идет о том, что обетования Божии, дары Духа изливаются в людей, желающих этих даров – вне зависимости от социального статуса верующего. Дух даруется всем, кто пожелает, кто уверует и кто призовет Его. Но это никак не означает, что в иных отношениях все те различия, что были упомянуты апостолом, исчезли. Если бы все мы жили только в Духе и только Им, если бы вся наша жизнь была редуцирована к той «духовной нищете», что помышляет исключительно о Боге и о спасении, если бы действительно «ум Христов» растворил в себе наши собственные до-

мысли и помыслы – то и в самом деле ушли бы все те различия, о которых упомянул апостол Павел. Но про себя я этого сказать не могу. Что-то подсказывает мне, что и многие другие церковные публицисты и проповедники (включая прот. Александра Меня и Якова Кротова) тоже не достигли такой высоты.

В той мере, в какой мы «во Христе» – в этой мере эти различия исчезают. Но ведь очевидно, что каждый из христиан лишь малой частичкой своего бытия погружен «во Христа». А вот в том остатке, что выпадает из полноты Христовой, – там остаются наши страсти и пристрастия: и национальные («иудей или эллин»), и социальные («раб или свободный»), и сексуальные («мужеский пол или женский»).

Кроме того, есть еще огромный мир, который просто целиком – вне Христа. Да, «во Христе нет ни эллина, ни иудея». Но при чем здесь г-н Гусинский? Разве он «во Христе»? Верующие иудеи, верующие язычники, да и просто религиозно равнодушные или даже атеистически настроенные граждане – они целиком не «во Христе». То есть – вне Христа. А, значит, все те различия, что умеряются и даже преодолеваются благодатью Христовой, в них остаются.

Так зачем же насиловать свое зрение и понуждать себя не видеть то, что реально все же есть? Это худший вид догматизма. Есть реальное разноцветие, есть пестрота – но тебе авторитетно говорят: «Не смей ее

замечать и обсуждать! Ибо нет ни зеленого цвета, и голубого, ни красного, ни желтого, но только белый». Так что же – и видеть вокруг только белый цвет?

Наконец, идеологическая фальшь проглядывает и в том, что проповедники радикального христианского космополитизма из сложного построения апостола Павла выбирают лишь одну его часть и лишь для нее требуют буквального и дотошного соблюдения.

Если в самом деле со времен Христа нет больше в мире различия между эллинами и иудеями – то почему бы не потребовать от нашего ума утратить способность к различению не только национальностей, но и полов? Ведь нет не только “эллина и иудея”; еще «нет мужского пола, ни женского». Так что же – все равно кого сочетать браком? И Церковь должна венчать любые сочетания? И при венчании священник должен надевать темные очки, чтобы не замечать – существа какого пола стоят перед ним. А прихожан призывать к раскаянию, буде обнаружится, что они продолжают по язычески учитывать пол своих собеседников.

А если ту строгость, с которой напоминают, что “во Христе нет ни эллина, ни иудея”, приложить к тому продолжению этой фразы апостола, где говорится, что еще во Христе нет “ни раба, ни свободного”? Может, и при подаче милостыни нельзя учитывать социальный статус человека? И не обращать внимания, на какой ступени социальной иерархии стоит человек. Правиль-

но ли я понял, что христианин должен без всяких различий подавать копеечку как бабушке, которой уже три месяца не платят пенсию, так и г-ну Гусинскому?

Это правда – если Гусинский покается, уверует во Христа и начнет жить по церковно-евангельским уставам – то обетования Господни и дары Творца будут равно даны как ему, так и бабушке – несмотря на то, что Гусинский еврей, а бабушка русская, несмотря на то, что Гусинский миллионер, а бабушка нищая, несмотря на то, что Гусинский мужчина, а бабушка – женщина.

Но в остальном все эти различия сохраняют свое значение. И приходится замечать: это мужской взгляд на вещи, а это – женский. Это – восприятие текущих событий социально-благополучным человеком, а это – их восприятие тем человеком, которого они травмировали. Это – еврейский взгляд на Россию и ее историю, а это – русский. Проведение и осознание таких различий будет проявлением объективности, а не расовых предрассудков.

Мы не являемся чистыми, невоплощенными духами. Наша среда, воспитание, происхождение и образование весьма влияют на выбор нами тех или иных позиций. Выбор человека может диктоваться не сопоставлением рациональных аргументов, а чувствами, ощущениями, интересами. В том числе – и социально-классовым опытом (в марксизме есть своя доля

правды). В том числе – и чувством национальной солидарности, или, напротив, отчужденности. Как говорил Шопенгауэр, «не обращать внимания на то, кто чей сын – смешно и служит признаком ограниченного ума».

Изучением национального характера и, в частности, особенностей национального восприятия окружающего мира занимается этнопсихология – раздел социальной психологии. Вот небольшая справка на эту тему: «А. Кардинер и Р. Линтон предположили, что в каждой национальной культуре „основная личностная структура“ формируется на основе единого для всех носителей данной культуры опыта и включает в себя такие личностные характеристики, которые делают индивида максимально восприимчивым к данной культуре, дают ему возможность достигнуть в ней наиболее комфортного и безопасного состояния. „Основная личностная структура“ формируется через так называемые первичные общественные институты, включающие основные способы жизнедеятельности, практику ухода за детьми, их воспитания и социализации. Эти институты ответственны за формирование единых для всех носителей данной культуры психологических травм, которые, по мнению исследователей, разрабатывавших свою концепцию с ориентацией на психоанализ, и формируют структуру личности. Эти психологические травмы нейтрализуются во вторичных общественных институтах : фольклоре, искус-

стве, принципах социальной организации и даже специфике хозяйственно-экономической деятельности... Кора Дю Буа предложила новое понятие – модальная личность. Новое понятие означало наиболее распространенный тип личности, определяемый просто статистически, т. е. тот тип, к которому относится наибольшее число членов данного общества... В 1950-е годы новый подход был предложен Робертом Редфильдом, основателем научной концепции картины мира. По определению Редфильда, „картина мира“ – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире. Редфильд утверждает, что не существует единой общенациональной картины мира. В одной культуре существует несколько культурных традиций: в частности, культурная традиция „школ и храмов“ (как Редфильд ее называет – „большая традиция“) и традиция деревенской общины (по Редфильду – „малая традиция“). Соответственно и традиции (<картины мира>) различных общин – различны... В середине 1990-х когнитивная антропология вернулась к проблеме картины мира, а именно к проблемам личностных когнитивных и мотивационных структур и культуры. Наиболее яркой фигурой здесь является Ройд д'Андрад. Согласно д'Андрад, ментальные схемы, совокупность которых и представляет собой культуру, руководят мотива-

ционной и эмоциональной сферой психики и определяют модели действия человека в мире. Эти схемы получили название „сценариев“ (script), поскольку предполагают действие человека в контексте социального окружения и постоянное ролевое взаимодействие с другими людьми. Сценарий является не просто связующим звеном между культурой и личностью, но и средством социализации ребенка. Обучение культуре идет не прямым образом (сценарии не заучиваются), а путем встраивания в сценарии, бессознательного их усвоения и столь же неосознанного определения своей в них роли. Сценарии определяют то, как видит мир носитель той или иной культуры с точки зрения своей роли в этой культуре. Эту тему более подробно развивает Джеймс Верч, разрабатывая особый подход к изучению культурных (и этнических) особенностей, который он называет социокультурным. Если развивать мысль о сценариях как о средстве социализации и усвоения культуры, то можно предположить, что разрозненные сценарии в рамках единой культуры представляют собой совокупность, основанную на общих парадигмах, которые, в свою очередь, определяют этническую картину мира и культурно обусловленные модели поведения („национальный характер“)[180].

Есть типовые жизненные ситуации. И есть типовые сценарии – как правильно вести себя в той или иной из этих ситуаций. Вспомним, как различается поведение

на рынке у русского и у араба[181]. Есть свой сценарий и в отношении к своим врагам. Христианин, в ежедневной молитве призывающий Бога к мести, находится вне христианского «сценария». Напротив, сценарий жизни и молитвы благочестивого иудея находит место для такой молитвы: "Все обязаны читать... Два раза: днем и ночью... «Благословен Ты, Господи, заступающийся за нас, мстящий за нас, взыскивающий с врагов наших и расплачивающийся со всеми недругами нашими. Благословен Ты, Господи, взыскивающий со всех врагов Израиля!»[182].

Так в конце XX века в гуманитарную науку была перенесена классическая средневековая философская дискуссия – спор между номиналистами и реалистами. Для реалистов реально общее и до некоторой степени прозрачно частное бытие. Для номиналистов реально только конкретное индивидуальное существование, а общие, родовые имена (понятия) – это только имена, колебания воздуха, и не более того. Я не монист: индивидуальное и единично-свободное я признаю существующим и действующим. Но я и не номиналист: общее тоже существует и тоже действует в нашем мире.

Реализм сегодня в моде, когда нужно от отдельного проступка христианина перейти к суждениям об ущербности христианства в целом. Так принято размышлять о корнях нацизма: почему вдруг культурнейшей стране Европы, в Германии зародился фашизм?

Вдруг ли? Не означает ли это, что зубы дракона росли через века христианской европейской традиции? Не было ли в христианстве чего-то такого, что учило людей относиться бессострадательно к боли еврейского народа? Этими вопросами и ныне полна европейская пресса.

Ответственность за преступления нацистских язычников, возлагается именно на христианство как такое: “Не будь Нового Завета, не было бы и Mein Kampf Гитлера”[183].

Не могу дать точной ссылки, но в интернете неоднократно[184] встречалось цитирование речи Гиммлера в Познани осенью 1943 года: «Каждый убеждённый коммунист против нас; каждый франкмасон, каждый демократ, каждый убеждённый христианин против нас. Это – идеологические враги, противостоящие нам по всей Европе». В обсуждение темы оккультной подоплеки нацистского мировоззрения погружаться сейчас не хочу (литературы на эту тему же издано немало, да и в моей книге «Сатанизм для интеллигенции» было несколько страниц, посвященных этому сюжету). Кабалистические идеи были в моде в Третьем Рейхе.

И все равно – “Хотя нацисты ненавидели как евреев, так и христиан, Церковь, тем не менее, должна признать свою ответственность...”[185].

Уже 50 лет католиков заставляют каяться за то, что они, якобы, не слишком громко протестовали против

нацизма. И это – несмотря на то, что “Голландский епископат в июле 1942 г. выразил протест против преследований евреев. В ответ нацисты устроили облаву на евреев и расправу с крещеными евреями. Поэтому 2 июня 1942 г. папа Пий XII, выступая в Святой коллегии, сказал: “Любое наше слово, адресованное по этому поводу компетентным властям, любой публичный намек должны быть серьезно взвешены – в интересах тех, кто страдает, для того, чтобы не сделать невольником их положение тяжким и невыносимым”[186].

Даже несмотря на то, что во времена фашистской Германии церковь подвергалась гонениям, а гитлеровская верхушка была откровенно языческой – вопрос о христианских корнях антисемитизма считается вполне академическим.

В качестве психологической предпосылки, сделавшей Холокост возможным, была названа привычка людей мыслить в категориях общенациональной вины и общенациональной ответственности. Непорядочность какого-нибудь одного Шейлока (шекспировского «венецианского купца») переносилась в массовом сознании на еврейский народ в целом. Каждый еврей – даже родившийся спустя тысячелетие после евангельских событий – считался соучастником в бесновании той толпы, что кричала перед дворцом Понтия Пилата: «Распни Его!». Так идея общенациональной солидарности и общенациональной ответственности создава-

ла психологическую почву для гитлеровского варианта «окончательного решения» еврейского вопроса.

И все же вполне законная и необходимая борьба с антисемитизмом после 45-го года не смогла не наступить на все ту же мину двойных стандартов. Двойной же стандарт сказался в том, что отрицая «круговую поруку» в восприятии еврейской истории, анти-анти-семитская пропаганда все же историю самого антисемитизма рисовала предельно широкими мазками. Она отказывалась видеть в антисемитских выходках только отдельные грехи отдельных людей и настаивала на том, чтобы увидеть «семена зла» в самой европейской культуре, и прежде всего – в христианстве.

За собой творцы новой культуры признают право бить наотмашь и «по площадям».

"Народ Сербии должен платить – такова моя позиция"[187]. Такова же позиция английского премьера: Тони Блэр заявил, что «сербы разделяют “историческую вину” за преступления режима Милошевича»[188].

За собой еврейские наставники признают право создавать черный миф о целой огромной эпохе – христианском средневековье[189] – и о немалой группе людей (христианах). Например: «Поистине нехристианское отсутствие смирения, с которым в школу рвутся священники... Гражданский долг школы – учить детей думать и задавать нелicenseприятные вопросы. Священ-

ники будут учить противоположному – верить не задумываясь. А это безнравственно, на этом построены все тоталитарные системы»[189]. Да разве все священники учат «верить не задумываясь»? Уж те священники, что «рвутся в школу» наверняка имеют университетское образование (это я знаю просто по опыту знакомства с жизнью десятков епархий и сотен священников) и они будут скорее предостерегать детей от тележвачки и бездумной попсытины. Неужели обвинение в «безнравственности», брошенное большой социальной группе в целом есть показатель не-тоталитарного мышления?

Причем эта антихристианская фобия никак даже не маскируется. Некий собеседник Н. Н. Гусева, секретаря Л. Н. Толстого, спросил его пренебрежительным тоном: «Так Вы, стало быть, из попов?». Гусев тут же отпарировал: «Я же не спрашиваю Вас, не из жидов ли вы».

И сам миф о Холокосте – это и есть перелицовка того самого мифа о коллективной ответственности, который (как нам говорят) и является источником антисемитизма. Если о евреях нельзя говорить «кровь Его на нас и на детях наших» – то и о христианах тоже очевидно нельзя говорить подобного. Если же для «богословов после Холокоста» это не очевидно, то, значит, в еврейском сознании все же присутствует идея родовой солидарности и родового совокупного греха (или

заслуги)[191].

Когда я говорю «миф о Холокосте» – то не собираюсь этим отрицать факт массового уничтожения евреев в Третьем Рейхе. Тем более я не собираюсь оправдывать это преступление[192]. Но есть еврейская трагедия, а есть миф о ней[193].

Уже сам термин Холокост, которым принято обозначать катастрофу европейского еврейства под нацистским гнетом, вызывает вопросы.

«Холокост» слово греческое и буквально означает «жертва всежжения». Странно, что нацистские мерзости, не имевшие никакого библейско-христианского обоснования, преследования, распространявшиеся даже на евреев-христиан (чего не знали предшествовавшие волны гонений на евреев), обозначены чисто религиозным термином. Если катастрофа европейского еврейства в годы нацизма – это жертва всежжения, то кто же был жрецом? И какому богу эта жертва была приносима? В Библии-то холокост – это жертва, приносимая Богу самими евреями... А в Третьем Рейхе евреи сами были жертвой, которую немцы приносили в жертву своим кровавым утопиям. Значит – это жертва максимально нечиста: жертвы Холокоста становятся «идоложертвенными». Вряд ли такой вывод устроит самих евреев – но ведь он логично вытекает из избранного ими термина и русла осмысления этой трагедии.

Толкователи обычно говорят, что термин Холокост

избран, чтобы отразить самое главное – то, что невинные люди погибли за свой народ. Для религиозно чутких людей здесь вопрос в уместности слова «невинный». Естественно, при этом речь идет не о «вине» евреев перед немцами, а о вине перед Богом (и опять же не о вине тех, кто жил тысячелетия назад, а тех, кто жил на пороге Катастрофы).

Еврейский автор Клингхоффер ставит вопрос именно религиозно: "Что говорит Библия об антисемитизме? Ничего – и в то же время все. Попросту говоря, в Библии нет ни слова такого, ни понятия об антисемитизме. Разумеется, в ней написано об умопомрачительных катастрофах, постигших наш народ. Когда Господь посылал нам наказания, Он почти всегда назначал для этой цели чужеземных захватчиков. Случались, конечно, эпидемии и засухи, но главным образом Он карал наш народ руками иноплеменников. И в отличие от нас, древние евреи, а вообще-то говоря, евреи всех времен вплоть до прошлого столетия, видели в этом ясный смысл: знак Божьего гнева на наш народ. Мы же в этом смысла не видим вовсе. Более того, как ни болезненно это для наших современных предпосылок, древние евреи знали, что Господь карает народ Израиля как единое целое. Они принимали коллективную ответственность. Они понимали, что когда кто-то делает зло, кара с небес может захватить и невиновного. Гибель евреев при нацизме

нагляднее всего демонстрирует подобную динамику. Сказать с полной уверенностью, что Бог послал или допустил эту катастрофу, чтобы покарать европейских евреев за забвение Бога и омирщвление, мы не можем: нам недоступна вся глубина Его разума. Но еще меньше оснований утверждать, что такая каране была в числе Его намерений. Так или иначе, если Господь судил ей быть карой, уроком, или грозным предупреждением, она легко находит свое место среди событий библейской истории. Удушенные в газовых камерах евреи были не только (и даже не столько) реформистами и модернистами: в большинстве они были простыми, благочестивыми людьми – им меньше чем кому-либо удавалось ускользнуть из рук нацистов. И в этом, оказывается, есть глубокий смысл. В глазах у Господа народ Израилев – не просто «группа лиц», а нераздельное целое. Каждый в ответе за всех. Сегодняшние евреи начисто потеряли сознание взаимной ответственности. В книге Левит, где речь идет о бедствиях еврейского народа от иноплеменников. Господь говорит о Своих благодеяниях, если мы сохраним Его заповеди, и о карах, если не сохраним. И те, и другие – для всех вместе. И здесь находим любопытные слова, с поразительной точностью приложимые к современным американским евреям: «...Шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто не преследует». Каждый бюл-

летень Анти-Диффамационной Лиги; каждый черный конверт из Центра Симона Визенталя; каждая паническая дискуссия о том, что именно сказал о евреях тот или иной консервативный политик пятнадцать лет тому назад[194]; каждая книга, телепостановка, картина или поэма, каждая безобразная скульптура в память жертв нацизма, – все они, в один голос, к величайшему нашему облегчению, говорят одно и то же: антисемитизм не имеет причин. Говорят они это умолчанием: умолчанием о Боге в любой связи со страданиями нашего народа. Антисемитизм, говорят они, от дьявола; Бог тут не при чем"[195].

Лучше вскрыть противоречивость мифа о Холокосте вряд ли возможно. Если это именно религиозное событие – то искать в нем надо послание Бога. И тогда подобно древнееврейским пророкам надо плакать о своих грехах своего народа, а не заниматься психоанализом египтян или персов. Если же такая, пророческая точка зрения уже чужда современным еврейским идеологам, то надо признать, что современные евреи уже далеко не тот Народ Божий – то есть придется согласиться с тем самым тезисом христианской теологии, который они же требуют отменить.

Лидеры же русского православия перед лицом Русской Катастрофы смогли говорить именно в библейских интонациях: “Плачьте же, дорогие братие и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о ве-

ликих грехах нашего Отечества, пока оно не погибло до конца” (св. Тихон, Патриарх Московский).

Но еврейским публицистам в России и это не мешает твердить: “Русский человек не в силах допустить, что какое-то зло от него, от русского человека, исходит. Потому что внутри (как всякий человек), в душе он – хороший. Он не может представить, что в Русском государстве русские люди чувствуют себя плохо по вине таких же русских и по собственной воле. Русский – это свой (свойский, советский). От своих зла не бывает. Зло – всегда от чужих. Российский антисемитизм – это спихивание собственных пороков на козла отпущения, “на евреев” [196].

Однако у этого текста, в котором А. Синявский строит свою русскую культурологию для того, чтобы запретить русским говорить о евреях, есть его зеркальное отражение: «В глубине души мы знаем свою вину, но (воспользуемся избитым термином психологического жаргона) мы находимся в состоянии отрицания. У нас нечистая совесть, и нам это больно. Кто снимет с нас бремя вины, кто даст нам обезболивающее? И вот на помощь приходит культ жертвы. Первыми освоили его негры в 60-е годы. Принцип его очень прост: всякая народность или расовая группа, испытавшая некогда преследования или неравноправие, получает статус жертвы и моральное превосходство над всеми остальными, кто перенес меньше. Вскоре ту же такти-

ку применили и педерасты, а за ними и многие другие вступили в борьбу за звание Почетной Жертвы. Как-то в метро я подметил листовку с рекламой гомосексуального мероприятия по поводу умерших от СПИДа. На ней был изображен некто в длинной белой рубашке, с крыльями, нимбом вокруг головы, и подписью внизу: „Еще один ангел летит на небо“. Иными словами, достаточно заработать венерическую болезнь, чтобы вознестись на сверхъестественную моральную высоту – стать ангелом... Когда-то, став жертвой какого-нибудь несчастья, нормальные люди стыдились особенно распространяться на эту тему. Когда-то, но не теперь. И сегодня среди воплей жертв-претендентов мы слышим наш собственный голос... Культ жертвы решает две задачи для нашей нечистой совести. Первая – убедить нас, что какое бы мы зло не делали, мы на самом деле ангелы. Вместо всех наших слабостей, ошибок и проступков, у нас в руках гарантия морального совершенства. Это большое облегчение. А вторая задача такова: твердо внушить нам, что никакое проявление неприязни со стороны окружающих народов не имеет и не может иметь никаких оснований. Мы этого просто не заслужили. Богу не за что на нас гневаться... Наш самовнушенный страх перед соседями, которые якобы нас так ненавидят, – вот наше лучшее оправдание».

Это – текст еврея, американского публициста Дэви-

да Клингхоффера написанный им о евреях же[197]. Не знаю, насколько часты такого рода суждения в разговорах евреев между собой (интонация Клингхоффера скорее – это интонация первопроходца, который выходит за рамки общепринятого).

Но я точно знаю, что в русской культурной, церковной и бытовой традиции покаянное, критическое восприятие себя, своей истории, реалий церковной жизни является чем-то нормативным.

У тех авторов, которые анализируют русско-еврейские отношения с выводами, нежелательными для их еврейских критиков, – Розанов, Солженицын, Кожин, Шафаревич, Шульгин, Солоухин – много горького говорится как раз о нашей русской вине и наших русских болезнях.

Покаянность, самобичевание – это одна из самых очевидных и глубоких черт русской культуры, причем не только высокой, литературной, но и бытовой. Назовите мне еще народ, который рассказывает о себе такие жестокие анекдоты, который готов носить на руках и боготворить еврейских хохмачей (типа Жванецкого), в слезь стирающих все подробности его жизни и истории, который так бездумно готов при встречах с иностранцами рассказывать гадости о своей жизни, своем правительстве, своей вере, своей истории...

Как раз еврейские полемисты, едва заходит речь об участии евреев в русской трагедии, тут же уходят в

ть и начинают обвинять русских: мы тут не при чем; вы это все сами; это все ваша больная русская душа, ваша несчастная русская история... А стоит не-еврею сказать что-нибудь «некошерное» о евреях, и его мгновенно зачисляют в гитлеры без права апелляции.

Да, всегда в России и в Русской Церкви хватало своих болячек... Особенно много их стало к началу XX века... Но были еще и “привходящие” факторы (пусть не определяющие ход событий, но придающие им особенно горький привкус – как добавка специй в бульоне). В конце концов, не виной же Русской Церкви является воспитание Дзержинского![198]

Меня самого тошнит, когда я слышу трёп про то, что “во всем жида виноваты”. Неумно это, бесполезно, бессовестно, да и просто неуважительно по отношению к самой России (а с точки зрения религиозной – так еще и Богохульно, ибо господином истории “жидоедский” миф вместо Владыки Христа почитает “синедрион”).

Но я не склонен поддаваться и той моде, что господствует в “демократической” журналистике – моде, призывающей к восприятию действительности по модели “все или ничего!”. Из того обстоятельства, что не евреи сделали русские революции (как начала XX века, так и его конца), никак не следует, что они их не делали. Если нельзя всё (или даже главную роль) приписывать евреям, то ведь это еще не означает, что их участия вообще не было никакого...

Когда заходит разговор о причинах революции, о причинах отхода народа от Церкви – то неумно делать вид, будто вина только в народном «маловерии» или в каких-то «врагах Церкви и России». Огромная доля вины лежит на самих людях Церкви, на ее иерархах и служителях. И потому разговор об этой русской катастрофе, обходящий упоминания о наших, русских и церковных грехах, сразу лишается серьезности и становится идеологической погремушкой. Но точно также и разговор о катастрофах еврейских не должен обрываться, едва только заходит речь о причинах и поводах, спровоцировавших негативное отношение к евреям. Именно если мы хотим, чтобы «антисемитские оупсы» больше не появлялись – надо «вдаваться в выяснение вопроса, что же все-таки послужило поводом» для их появления. Громили Россию все-таки «Фельдманы и Щепкины», а не просто «Щепкины и Ивановы» [199].

Да, мы готовы говорить о наших болезнях (мало ли строк в моих книгах посвящено болячкам нашей церковной жизни!). Но никто не обязан говорить всегда лишь об одном и том же. Помимо наших исторических грехов было в истории что-то еще. Были и иные подробности нашей истории... Но Нежный спешит поставить мне диагноз: «Господин дьякон скорбит о России. Как не скорбеть! Весь XX век – хождение по мукам. И что же? Они виноваты? Совратили, заманили, столкнули, обесчестили? Его боголюбие именно такого мне-

ния. Надо обладать особым образом устроенным умом и совершенно особенной совестью, чтобы читать Бунина – и пренебречь его беспощадной правдой о бездне, в которую рухнула Россия”.

Это – испытанный полемический прием. Подобный трюк Александр Нежный совершает не впервые. Однажды он уже обвинял в юдофобии И. Р. Шафаревича: он зачислил его в стан “охотников представить русскую трагедию результатом победоносного еврейского заговора”[200]. А ведь в работе И. Р. Шафаревича, которую “обличает” Александр Нежный, с полнейшей определенностью сказано: “мысль, что “революцию делали одни евреи” – бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергать. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще “сделали” революцию, т.е. были ее инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства”[201].

В. Кожин, сопоставив эти два текста, говорит: “Признаюсь, меня глубоко удивили цитируемые фразы Александра Нежного, и я обратился к нему с вопросом, почему он до такой степени исказил смысл работы И. Р. Шафаревича. И Александр Иосифович признался, что он вообще-то не читал эту работу, а только слышал рассказ о ней от одной из своих приятельниц...”[202].

Полемизируя со мной, А. Нежный использует тот же самый прием, что при критике Шафаревича. А, мо-

жет, его опять приятельницы подвели... Вы бы уж, что ли, поосторожней наушниц себе выбирали, Александр-Стыдящийся-Отчества![203]

И это не просто личное полемическое изобретение Александра Нежного. Врать его заставляет изначальная предзаданность его позиции: ведь самое дешевое и распространенное еврейское объяснение корней антисемитизма звучит так – мол, русские говорят о негативной роли евреев потому, что хотят оправдать свои собственные беззакония, а потому лучше посоветовать им копать в своем собственном дерьме, а евреев не трогать; раз эти русские посмели заговорить о евреях – значит, больше ни о чем они не говорят и ничего больше не видят, в том числе и самих себя и своих ошибок.

Цензура нынешней «политкорректности» сейчас не мягче средневековой: при анализе проступков или преступлений христиан хорошим тоном считается сделать обобщающий негативный вывод по поводу всего вообще христианства.

В то же время не-еврейские авторы при исследовании еврейской культуры обязаны или хвалить ее или же становятся на позиции номиналистов – «не обобщать!».

Еврейские полемисты охотно и громко выставляют счет всей христианской культуре, но при этом блокируют любую попытку обсудить расистские нотки в соб-

ственно иудейской традиции.

Так может ли грех быть более чем личным? Может ли он вырастать не просто из личного выбора, а из той традиции, в которой этот человек был воспитан?

Каждый из нас начинает свой путь не с нуля, не с чистого листа. В каждом человеке есть нечто, что он наследует, а не выбирает. Есть предрассудки, общие для больших групп людей. Это пред-рассудки в самом буквальном смысле. Предрассудок – это то, что мы усвоили раньше, чем начал работать наш личный рассудок, то есть, с молоком матери. Это то, что передано мне моей семьей, школой, культурой[204] в качестве стандарта поведения: «Все мужчины делают это!». Но в разных культурах довольно разные представления о том, какое именно «это» должен делать «настоящий мужчина».

Одним из таких «предрассудков» является культура противопоставления: что «наше», а что «не-наше». Иногда вращение в культуру происходит не через подчеркиваемое единообразие, а через подчеркиваемое разнообразие, отличие.

Именно этот путь считал важнейшим основатель сионизма Теодор Герцль. Перед ним встала трудная задача выработки такого определения нации, которая подошла бы именно евреям – людям, у которых к концу 19 века не было ни общей территории проживания, ни общего языка, ни общей религии. И тогда в речи

«Еврейство» (7 февраля 1896) он сказал: «Я не требую от нации общего языка или ярко выраженных расовых признаков. Мы историческая общность людей, принадлежащих друг другу ясно выраженной связью, и наша сплоченность сохраняется в силу существования общего врага». Еще раз свое определение Герцль привел на 1 сионистском конгрессе в октябре 1897 года: «Я убежден, что нация – это группа людей общего исторического прошлого, сплоченная наличием общего врага»[205]. «Народы, среди которых мы живем, все вместе тайно или открыто ненавидят нас»[206].

Понятно, что национальная, культурная и религиозная принадлежность весьма влияют на восприятие людьми одних и тех же предметов. Христиане помнят об императоре Нероне как о мучителе, иудеи – как о благодетеле (Талмуд утверждает, что Нерон принял иудаизм[207]). Тюркский взгляд на историю России весьма отличается от взгляда русского историка. Куликово поле – поле славы для одних граждан России, и поле скорби для других (пока еще) граждан ее. Французское понимание русской истории также отлично от нашего: Крымская война не является для них горьким воспоминанием, а Бородинское поле они считают полем своей победы. Недавно мы узнали, что восприятие истории России даже украинцами разительно отличается от нашего собственного. Естественно, что есть и еврейская версия восприятия истории России (на-

пример – труды А. Янова). И это история России как «история чужого»[208].

Она имеет право на существование. Но почему при ее анализе нельзя учитывать ее субъективность, порожденную именно национальным фактором? И почему, спрашивается, татарскую версию можно назвать татарской, татарского историка можно назвать татарским, а вот еврейского историка или еврейского журналиста назвать еврейским нельзя? Неужто принадлежность к любой иной национальной традиции вносит субъективные искажения, а только принадлежность к еврейству выступает гарантом чистой объективности?

Очевидно, что русский взгляд на еврейскую историю далеко не всегда приемлем для еврея (вспомним, что даже выступления о. Сергия Булгакова и Бердяева против антисемитизма сегодня нередко расцениваются как скрыто антисемитские – например, в публицистике С. Лезова)[209]. Почему же в таком случае должно возмущаться реакцией русских, которые зачастую не узнают себя, своей истории и своей страны в репликах или эссе еврейских историков и журналистов?[210]

Если же позиция человека тенденциозна – то почему бы не указать, какая же именно тенденция искажает его восприятие. В богословии важно учесть конфессиональную позицию писателя. Работе с книгой весьма помогает знание того, в какой школе воспитан автор – католической, протестантской, православной, иудей-

ской...

Любой историк знает, что при анализе документа важно учитывать, какая именно из сторон оставила нам это свидетельство. Нельзя просто принять уверение некоей хроники, не ставя вопроса о том, в каких условиях и зачем эту хронику составлял. Даже цифры могут быть тенденциозно уменьшены или преувеличены, не говоря уже об оценках. Если мы исследуем какой-нибудь византийско-персидский конфликт, то нам недостаточно сказать, что, мол, некий хронист VI столетия описывает ту войну так-то. Нам нужно обязательно указать – к какой из сторон этот летописец принадлежал.

Прекрасный пример того, насколько односторонним может стать наше понимание событий, если мы не будем учитывать «партийность» свидетелей, приведен у Константина Леонтьева: «И школа, и стихи, и множество статей и романов приучили всех нас с ранних лет с содраганием восторга читать о Марафоне, Саламине и Платее и, отдавая все сочувствие наше эллинским республиканцам, смотреть на персов почти с ненавистью и презрением. Я помню, как я сам, прочтя случайно (и у кого же – у Герцена!) о том, как во время бури персидские вельможи бросались сами в море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, как они поочередно подходили к царю и склонялись перед ним, прежде чем кинуться за борт... Я помню, как прочтя это, я за-

думался и сказал себе в первый раз: Герцен справедливо зовет это персидскими Фермопилами. Это страшнее и гораздо величавее Фермопил! Это доказывает силу идеи, силу убеждения, большую, чем у сподвижников Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову в пылу битвы, чем обдуманно и холодно, без всякого принуждения решаться на самоубийство из-за религиозно-государственной идеи!. С этой минуты, я сознаюсь, стал на древнюю Персию смотреть уже не так, как приучили меня школа, поэзия и большинство исторических сочинений»[211].

Понятно, что нужно выслушивать обе стороны при рассмотрении какого-либо конфликта. Но ведь для исполнения этого правила и нужно хотя бы осознать, что эти стороны есть, и что они различны. И нужно сказать: тут персидский взгляд. Тут – греческий. Здесь – русский. Здесь – еврейский. И если мы при работе с текстом укажем, что такая картина получилась под пером именно персидского историка – разве это будет расизмом? Почему назвать персидского писателя персом – не считается расизмом, а назвать еврейского журналиста евреем – считается таковым? Ведь даже задачи у наших школ – не одинаковые: приоритетная цель создания еврейских школ в России видится евреям в «облегчении адаптации ребенка при эмиграции на историческую родину»; 87 процентов общеобразовательных еврейских школ считают эту задачу самой

важной[212]. Ясно, что такая задача предполагает одну версию истории России, которая, наверно, должна быть отлична от той ее версии, которая будет преподаваться остающимся.

Школы помянуты тут не случайно. «Тут речь идет не столько об образовании самом по себе, сколько о мировоззрении, об идеологии... Министр Кинелев первым начал сближение с Думой и пытался пригасить новые программы: Дума уже готовила националистическую концепцию образования... Самый тяжелый бой шел за учебники истории и литературы... После долгих боев произошло то, что я считаю нашей победой: наша программа одержала верх... Старое большевистское правило гласит: хочешь взять государство – возьми школу... Сегодня, когда нет государственной идеологии, образование взяло на себя идеологическую функцию в культуре. Это понимают национал-патриоты»[213]. Это слова человека, возглавлявшего всю систему школьного образования в моей стране. Так кто же хочет взять сначала школу, а потом и государство? – Это Александр Асмолов. Национальность – голубая (в смысле – та, что выделяется голубым цветом на интернет-сайте «семь сорок» (www.sem40.ru)). И не было бы мне дела до его национальности, если бы не его декларации о конце христианской эры: «2000-й год – последний год столетия, последний год тысячелетия, последний год эры. XXI век будет первым веком новой

эры... Вопреки тем, кто пугает апокалипсисом, говорю, что апокалипсиса не будет»[214]. Скажете, что Асмолов не думал противопоставлять «новую эру» именно христианству? Скажете, что Асмолов забыл, что именно заканчивающиеся два тысячелетия уже давно называются «новой эрой», «нашей эрой», «христианской эрой»? Но вспомним, что именно г-н Асмолов способствовал проникновению оккультных сект, сект проповедующих замену «устаревшего христианства» религиями «Новой Эры». Вспомним рекламу им муновского учебника «Мой мир и я» в муновском же рекламной фильме «Ветер перемен». Вспомним рекомендацию им выдержанного в рериховско-антихристианском духе учебного пособия «Дорога к книге»[215] – и станет понятно, почему его слова так насторожили меня. Точно ли принадлежность Асмолова к еврейской нации не входит в число тех причин и мотивов, по которым этот человек собирается отменить христианство?

Асмоловская программа русской литературы и истории оказалась иной, чем та, которую поддерживала Дума. И Асмолов со товарищи тогда одержал верх. А ныне он проталкивает в школы программу воспитания в духе «толерантности». При этом, правда, в передаче «Ночное время» на Первом канале (было это, кажется, 7 октября 2004 года) он дивно заметил: «А вот если кто-то рядом живет и мыслит нетолерантно, то это не люди». Еще для таких соседей по планете у него есть

словечко – «быдл-класс»...

А вот попавший в прессу случай из сибирского города Ноябрьск: директором детской музыкальной школы назначили[216] Виктора Абрамовича Коха. И раньше-то с педагогами у Коха складывались трудные отношения (когда он был директором обычной школы, 12 учителей ушли от его тирании в другую школу[217]). А в музыкальной школе Виктор Абрамович с порога заявил: «Я не потерплю у себя в школе религиозной пропаганды». "«Религиозной пропагандой» назвал Виктор Абрамович репертуар детского хора «Я-мал»[218], который уже в течение нескольких лет с успехом исполняет классические духовные песнопения в обработке Чайковского, Бортнянского, Чеснокова... Можно, конечно, понять Виктора Абрамовича Коха. У него нелюбовь к христианству в крови и воспитана с детства в силу его принадлежности к иной национально-культурной традиции. Никто не собирается осуждать его за то, что он сын своего народа, но как может Заслуженный Работник Культуры Российской Федерации запрещать исполнять произведения русской классики – уму непостижимо! О том, что случившееся – не случайный эпизод, говорит и такой факт. В бытность свою директором 2 муз школы Виктор Абрамович Кох назначал на 7 января заседания педсовета, прекрасно зная, что в этот день отмечается Рождество Христово. Представьте себе бурю возмущения, если бы директор-христиа-

нин заставил бы правоверного иудея работать в суб-боту!"[219].

Еще одно поле боя (напомню, что в военных терминах говорит Асмолов) – это телепространство. Неужели и тут скажем, что неважно, в чьих руках контроль над телеканалами? И, конечно, есть вполне рациональные мотивы к тому, чтобы именно в дни воинской славы России по НТВ показывать голливудские фильмы об американских суперменах, которые сражаются с «русской мафией» или с советскими придурковатыми солдатами хоть во Вьетнаме, хоть в Афганистане?

К исходу XX века телеканал НТВ принадлежал председателю Российского Еврейского Конгресса Гусинскому. Борису Абрамовичу Березовскому принадлежал первый телеканал (ОРТ) плюс около 40% акций на ТВ-6. В СТС – у него 25 % акций. Его другу Мердоку принадлежало еще 50% акций СТС[220].

Руки, которые и по сию пору управляют телеканалом “Культура” (а до недавнего времени и вторым телеканалом – РТР), так же трудно назвать русскими. Ведь речь идет о Михаиле Ефимовиче Швыдком. И интересы олигархов он также отстаивает – даже в ущерб финансовым интересам своей телекорпорации. Например, он пошел на прямые убытки при расторжении контракта с программой “Совершенно секретно”. Эта передача время от времени говорила о финансовых ма-

хинациях “олигархов” и об экономических интересах России, попираемых ими. В итоге было сказано, что передача “идет вразрез с политикой канала”, делается она “в шовинистическом угаре” и вообще “разжигает национальную рознь”. В особую вину создателям опальной телепрограммы была поставлена их “просербская” позиция[221].

Так имеют ли право русские осознавать, что они утратили контроль над своей страной, и могут ли они огорчаться этим? Деньги России контролируются т. н. “олигархами”, которые, по слову еврейского же журналиста Эдуарда Тополя, носят “длинную еврейскую фамилию”: “Березовскийходорковскиймоленскийгусинскийфридман...”. Или же тут аксиома: то, что хорошо еврейской элите, хорошо и русскому «быдл-классу»?

Понятно, что привнесение в телевизионную тематику этнического измерения сразу квалифицируется как расизм: «классическим образчиком расизма стала статья Кураева, приписывающая показ фильма Скорсезе инициативе еврейства – под тем предлогом, что владелец телекомпании, которая фильм показала, является и председателем Еврейского конгресса»[222].

Ярлык-то всегда готов. А аргументы? Сможет ли Кротов привести аргументы, объясняющие его уверенность в том, что национальность Гусинского ну никак не повлияла на его решение о показе антихристиан-

ского фильма? Или Кротов полагает, что когда Гусинский и его телеканал делают нечто доброе – в этом случае можно вспоминать о том, что это деяние председателя Еврейского конгресса, а вот если он сделал нечто оскорбительное – то Гусинский сразу становится человеком без национальности? Может, Кротов полагает, что Гусинский был не в курсе показа фильма, причинившего боль христианам России? Но ведь и главный режиссер НТВ тоже должен был бы вести себя осторожнее – раз уж он носит фамилию Файфман...

Я исхожу из презумпции того, что и Гусинский и Файфман – умные люди и профессионалы. Значит, их действия рациональны. То есть они могут выглядеть иррациональными с иной точки зрения (например, если считать, что целью их деятельности является благо России). Но эти же их поступки предстанут как вполне рациональные, то есть мотивированные и понятные, если предположить, что у них есть совсем иные цели действий и иные мотивы для принятия решений.

НТВ заранее было сказано, что христиане и мусульмане России воспринимают этот фильм как оскорбление. Тогда зачем на эту провокацию пошли хозяева НТВ? Ради денег? Их и так у них немало. Ради пиара? Так ведь и рейтинги у них были вполне достаточные, обеспечивающие и доходы и политическое влияние... Может, дело в чувствах? Ну, не нравится людям христианство. Тогда все логично. Но тогда не избежать и

другого вопроса: эта их антипатия к христианству есть сугубо личный выбор или же это то, что определено средой их воспитания и общения, их этнической субкультурой (в рамках культуры общесоветской)?

Так смею ли я предположить, что это оскорбление вырвалось из глубин религиозно-национальных чувств хозяина НТВ? Ничего не знаю о его религиозной жизни, не знаю, есть ли в нем положительное, любящее стремление к Небу. Но то, что в нем есть отчужденно-холодное чувство к христианам России – стало очевидным.

И при чем тут “расизм”? Если я скажу, что турецкий султан въехал на коне в константинопольский храм святой Софии потому, что он был турком, а не греком, и, будучи турком и мусульманином, он не воспринимал в качестве своей святыни то, что было святыней для византийцев – назовете ли вы меня расистом? Вот точно также я предполагаю, что Гусинский не понял нашей боли потому, что он принадлежит к другой национально-религиозной традиции, нежели русское православие....

А и в самом деле: разве только у русских бывает дурное проявление национальных симпатий и антипатий, а у евреев такого быть никогда не может? Ну, а если может – можно ли сказать, что в этой антипатии (скажем, к христианству), сказалась именно инерция национально-еврейского воспитания?

Если мы читаем описание некоего древнего города, оставленное нам древним же путешественником, мы вполне вправе предположить, что картина, набросанная им, нарочито негативна и не вполне соответствует действительности. Он окарикатурил реальность – просто потому, что в этом городе он был чужим, страна, описываемая им, для него была не «наша страна», но «эта страна», а у его народа были давние счёты с местными туземцами. Мы ведь не доверяем всем свидетельствам крестоносцев о быте Византии – и при этом объясняем, почему именно не доверяем: это, знаете ли, зарисовка, составленная франком, а не греком, а для франков в жизни Константинополя было много непонятного и чужого. Он посмотрел на жизнь Византии нелюбящим взглядом – потому и получился у него не столько портрет, сколько карикатура. Это размышление над историческим источником – что, тоже является проявлением расизма?

Из того, что я предлагаю с одинаковыми мерками подходить к трудам русских, татарских, персидских или еврейских авторов, разве можно вывести, будто я проповедую расизм?

Конечно, и взгляд иностранца может быть более точным и реалистичным, чем свидетельство национальной летописи. И нельзя исходить из презумпции виновности иноплеменного взгляда. И франки могли сказать о Византии ту правду, которая не была очевидна

самим византийцам. И немало евреев не считают себя “иноплеменниками” в “этой стране”. Примеры Семёна Франка, Бориса Пастернака, “Поэма причастности” Наума Коржавина – тому подтверждение[223].

Но ведь есть и иное. Есть холодная отчужденность, есть цинизм[224]. И когда эти чувства и эти разговоры выходят за пределы кухонь и начинают публично-эфирно бросаться в лицо стране – неужели не естественно предположить, что реакция может оказаться раздраженной. Элементарное правило приличия требует не рассказывать анекдоты о грузинах в присутствии грузин (лучше всего было бы, конечно, вообще воздержаться от подобных анекдотов). Но почему же в демпублике считается допустимым рассказывать гадости о России в присутствии русских? А мы ведь еще присутствуем в «этой стране» и кое-что слышим... Поймите, господа, в «этой стране» еще не все евреи! И поэтому нечто из того, что вами говорится, воспринимается другими людьми с болью и возмущением.

И то резкое и печальное, что русские могут сказать о себе сами в своем кругу – воспринимается совсем иначе, когда говорится кем-то о нас в третьем лице[225]. Если бы российские азербайджанцы в массовых российских же газетах и телепередачах раз за разом говорили бы нечто оскорбительное для русских и для православных – разве было бы “расизмом” призвать их к большей сдержанности? Почему же нельзя сделать та-

кое замечание в адрес некоторых евреев?

А когда таких хамов становится слишком много и когда это хамство длится не одно столетие – то тут естественно задать вопрос: это изъяны в их воспитании или же плоды воспитания? Может, они не «плохо воспитаны», а, напротив, хорошо усвоили определенные уроки? Может, в истории иудейской педагогики были уроки тотальной ненависти к окружающим народам? Понимаю, что евреи сами слишком часто испытывали чужую ненависть, обращенную к ним. Но ведь и свою то холили и копили... И вот сегодня: в современной высокой культуре, в культуре университетов и приличных газет недопустимо выражать негативные мнения о культуре и вере евреев. Однако русофобские и антихристианские реплики считаются уместными.

Вот очень верные слова: «Без патриотизма, без любви к Родине, без готовности (величайшей готовности!) отдать жизнь за ее свободу и существование, не сможет существовать ни одно государство. Особенно, если его со всех сторон окружают заклятые враги. Чтобы любить, надо видеть объект любви, чувствовать его, мечтать о нем, представлять его идеальные стороны. Но как можно любить страну, если ежедневно на ее радио– и телепросторы выплескивается столько грязи (обо всем и обо всех)?! Как можно любить и гордиться своим флагом, если видишь, как толпа бесчинствующих... ублюдков сжигает и топчет его, а представите-

ли порядка стоят в стороне, стыдливо отводя глаза в сторону?!».

Тем «интеллигентам», что брезгливо поморщились и бросились доставать свою любимую «мудрость» про «патриотизм как последнее прибежище негодяев», поясню, что в том месте цитаты, где стоит многоточие, в оригинале значится слово – «палестинские». Это цитата из израильской газеты[226]. Как видим, свой патриотизм евреи одобряют (и правильно делают!), а вот над нашим издеваются...

В общем, чтобы внести ясность в дискуссию о номинализме и реализме в этнопсихологии, надо просто ответить на следующие вопросы:

1. Считаете ли Вы, что вообще нельзя подмечать некие черты, свойственные мировоззрению и поведению каких бы то ни было групп людей?

2. Считаете ли Вы, что нельзя вообще говорить о некоторых чертах, свойственной той или иной культуре, эпохе или нации?

3. Считаете ли Вы, что такие специфические черты могут быть только позитивными?

4. Вы априори убеждены, что у евреев как этноса не может быть никаких общих черт, в числе которых могут быть и те, которые другими культурными общностями могут восприниматься как проблемные или даже негативные?

5. Если такие проблемные черты все же есть – то

В том, что они «проблемны» виноваты ли только не-евреи?

6. Полагаете ли Вы, что любая попытка поговорить о таких чертах еврейского мировоззрения и образа жизни, которая не будет комплиментарна, уже есть антисемитизм?

7. Вы полагаете, что нельзя критически отзываться о любой культуре и любом народе, или только о еврейском?

Если Вы отвечаете положительно на все вышеперечисленные вопросы – то, пожалуйста, попросите и еврейских журналистов воздерживаться от каких бы то ни было критических замечаний в адрес России, русского народа, культуры и истории[227].

Если же Ваши ответы отрицательны – значит, Вы сторонник спокойного и непредвзятого разговора. Вы не путаете богословие и культурологию. И слова апостола Павла от отсутствия евреев и эллинов не переносите из богословия в географию и культурологию.

Те, кто твердят «нет ни эллина, ни иудея», на самом деле в своей среде очень четко отслеживают – кто «свой». В своей среде они ставят жирный акцент на национально-семейной спайке: «Все евреи в ответе друг за друга»[228]. Но «эллин» не имеет права в проступке одного из членов еврейской семьи увидеть результат общесемейного воспитания. При критике очевидной и очередной оплошности одного из евреев ни в коем слу-

Чае не разрешено обращать внимание на его национальность. Национальность можно подмечать лишь у талантов («талантливый еврейский музыкант»); преступники, лжецы и хамы, если их уже нельзя выгородить, тут же должны быть представлены в качестве «космополитов» и «общечеловеков».

Да, «каждый народ имеет право иметь своих подлецов».

Вопрос же в другом: а не была ли эта подлость (например, погромно-кощунственное отношение к чужой святыне) воспитана в нем именно его национально-религиозной культурой?

А. Ваксберг доказывает тезис о том, что в конце тридцатых начал набирать силу государственный антисемитизм с помощью весьма интересных цифр: «если летом 34 года евреи составляли 31 процент всех работников высшего эшелона НКВД, осенью 36 года – 39%, весной 37 года – 37%, осенью 38 года – 21 %, а уже летом 39 года всего лишь около 4%»[230].

Да, да – у каждого народа есть свои подлецы. Но надо задуматься и о том, почему среди палачей оказалась так много людей, воспитанных в одной из культур многонациональной страны.

Были антииудейские памфлеты в истории христианского богословия? – Были. Могли они сыграть какую-то роль в немилосердном отношении к евреям в сознании хотя бы некоторых немцев? – Да, могли.

Но ведь были и антихристианские памфлеты, издаваемые иудейскими полемистами. Могли они сыграть какую-то роль в немилосердном отношении к русским священникам в сознании хотя бы некоторых чекистов и их тогдашней и нынешней журналистской прислуги?

И еще при разговоре о «подлецах» и «народах» важен вопрос о том, как на его отнюдь не тайные погромные выходки реагировала его родная община – осуждала или же поощряла.

В первой из катастроф, пережитых Россией в XX веке, по крайней мере были попытки еврейских общин осаживать некоторых своих не в меру зарвавшихся членов. Так, в 1918 г. посланцы волынского и подольского раввина умоляли Троцкого отойти от дел, ибо отвечать за него придется всем соплеменникам[230]. В свою очередь, советская инструкция по созданию комиссий по изъятию церковных ценностей предписывала создавать две параллельные комиссии: официальную и действительную. По поводу официальной комиссии предписывалось «строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической пропаганды»[231]. Значит, в ту пору и те евреи, что были религиозны, и те, что были, погружены в светски-политическую жизнь, понимали, что сами евреи должны прилагать усилия для того, чтобы не провоцировать ответной реакции.

Кстати, реакция была. Одна из ее форм – массовое

сотрудничество прибалтов с СС в годы Второй мировой войны. То, что десятки тысяч латышей и эстонцев шли в легионы СС и активно участвовали в «ликвидации» евреев, было следствием того, что карательный лик советской власти, пришедшей к ним за два года до немцев, был столь же жесток, сколь и семитичен. Одно преступление породило другое. Но если мы хотим избежать повтора – как минимум надо признать неправду обеих сторон. А не рядить одну из них в исключительно бело-жертвенные одежды[232].

А сегодня? Неужели я стану лучше относиться к евреям, когда я вижу, что о России еврейские публицисты пишут как о “державе огромной, страшной, нацелившей на весь прочий мир тысячи ракетно-ядерных смертей”[233], а о моем народе говорят, что “в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба” (Арон Гуревич)[234]?

Надеюсь, что сегодня еврейская журналистика достаточно разумна и организована, чтобы расслышать и среагировать на тот глухой ропот, который уже столетие идет по России[235].

Веселый праздник Пурим

Праздник Пурим – это не обычный праздник вроде Дня Жатвы или Новолетия. Пурим слишком уникален. Пожалуй, ни у одного из современных народов нет праздника, посвященного такого рода событию.

Это не религиозный праздник. Так о нем говорит «Еврейская энциклопедия», подчеркивая, что этот праздник «не связан ни с храмом, ни с каким-либо религиозным событием»[236].

Окончился вавилонский плен евреев (в 586 г. до н.э. они насильственно были переселены после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II). Желаящие могли вернуться в Иерусалим. Правда, оказалось, что желающих вернуться на родину значительно меньше, чем можно было представить по предшествовавшему освобождению плачам и требованиям (из проклинаемой «тюрьмы народов» – России – при открытии ее границ также уехало гораздо меньше евреев, чем хотелось бы лидерам сионистского движения). «Хотя персидский царь разрешил евреям вернуться на родину, но только сорок две тысячи из них откликнулись на его призыв, миллионы же остались в изгнании»[237]. У многих в столице мировой империи (каковым был тогда Вавилон) дела пошли совсем непо-

хо, и немалое число евреев не пожелало покидать дома, обжитые за почти столетие, разрывать привычные связи, торговые контакты, терять устоявшуюся клиентуру. Тысячи еврейских семей остались жить в городах персидской империи, и причем в положении отнюдь не рабском (даже по ту сторону событий Пурима и Мардохей и Эсфирь[238] не уехали из столь казалось бы опасной для них Персии, а остались там).

Сложившееся положение со временем начало удивлять и самих персов. Оглядываясь вокруг, они переставали понимать: кто же кого завоевал. Персы покорили Иерусалим, или евреи захватили Вавилон?[239] Как обычно в подобных ситуациях, последним институтом власти, который осознает угрозу национальным интересам и пытается их отстаивать, оказываются «силовые структуры». И вот подобно Крючкову, докладывавшему Горбачеву об «агентах влияния», персидский министр обороны генерал Аман идет к царственному Артаксерксу (события происходят около 480 г. до Рождества Христова) и делится своими печальными наблюдениями[240]. Если верны раввинистические предания и Аман был из племени амалекитян (в Библии иначе: Аман именуется македонянином – Есф. 8,12г), то его действия понятны: «Аман искони питал вражду к иудеям за то, что ими некогда было истреблено племя амалекитян, к которому принадлежал он сам» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Кн. 11, гл.6,5; в Би-

блии этой детали нет, но опять же – зарубка к вопросу о «беспричинности» антисемитизма).

Как только что было отмечено, времена были еще далеко не евангельские, а нравы – отнюдь не христианские. Реакция Артаксеркса была решительно-языческой: истребить всех евреев. О замысле Артаксеркса узнает его жена царица Эсфирь[241]. Царь не знает о ее национальности (черта, показывающая, что в Персии тогда не было узкого национализма и ксенофобии). И вот, в минуту восторгов и обещаний, Эсфирь вытягивает из супруга признания и обещания: ты любишь меня? значит, ты любишь тех, кого я люблю? значит, ты любишь мой народ? значит, ты ненавидишь тех, кто ненавидит меня? значит, ты ненавидишь тех, кто ненавидит моих друзей и родственников? значит, ты ненавидишь ненавистников моего народа? Так дай волю своей ненависти! Уничтожь моих врагов, которых ты считаешь и своими врагами! И Артаксеркс, без особых раздумий отвечавший согласием на все эти вопросы, теперь с удивлением обнаруживает, что он согласился уничтожить всех врагов ненавистных ему евреев...

А вот дальше книгу Эсфирь надо читать не торопясь. Вся ее проблема – в датах.

Аман[242] задумал свой антиеврейский погром в первый месяц года (нисан; приблизительно наш апрель). По его навету в провинции были разосланы письма, предписывающие резню евреев произвести в

конце года – в 12-й месяц (адар, приблизительно наш март). Аман был казнен спустя два месяца после начала своей антиеврейской интриги.

До назначенного погрома оставалось еще девять месяцев, и потому после казни Амана вполне достаточно было бы исполнить законную просьбу Есфири: “Если царю благоугодно и нравлюсь я очам его, то пусть будет написано, чтобы возвращены были письма по замыслу Амана, писанные им об истреблении иудеев во всех областях царя” (Есф. 8,5).

Вот тут и хотелось бы видеть завершение пуримской истории. Уже и казнь Амана кажется излишней (за дурное намерение – казнь!). Но все же: злоумышленник казнен. Бойня предотвращена. Еврейский народ спасен. Тут бы и прочесть : «Конец. И Богу слава!».

Но именно тут и происходит поворот столь резкий, что диву даешься, поражаясь глухоте тех, кто именно этого поворота и по сю пору не замечает и талдычит, что Пурим есть праздник необходимой самообороны.

Итак, что же происходит после того, как царь соглашается с Эсфирью? – “И позваны были тогда царские писцы в третий месяц, то есть в месяц Сиван, в двадцать третий день его, и написано было все, как приказал Мардохей” (Есф. 8,9).

Мардохей же от имени царя составил указ о предстоящих погромах: “о том, что царь позволяет иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на

защиту жизни своей[243], истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жен, и имение их разграбить" (Есф. 8,10-11)

Это указ, изданный тогда, когда всякая опасность, нависшая было над евреями, была уже отстранена, когда им уже принадлежала практически вся власть в персидской империи. Есфирь вытребовала у царя указ, позволяющий евреям уничтожать всех по своему желанию, уже после казни самого Амана (Есф. 7,10). Вот библейский текст, из которого ясна последовательность событий: «И сказал царь Артаксеркс царице Есфири и Мардохею Иудеянину: вот, я дом Амана отдал Есфири, и его самого повесили на дереве за то, что он налагал руку свою на Иудеев; напишите и вы о Иудеях, что вам угодно. И позваны были тогда царские писцы в третий месяц, то есть в месяц Сиван, в двадцать третий день его, и написано было все так, как приказал Мардохей. И написал он от имени царя о том, что царь позволяет Иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жен, и имение их разграбить, в один день по всем областям царя Артаксеркса, в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца Адара».

А теперь представьте себе ужас, повисший над стра-

ной: указ, написанный от имени царя Мардохеем, не был тайным. Он был объявлен сразу после подписания и по всем городам... Более полугодом люди жили, зная, что “в тринадцатый день двенадцатого месяца Адара” их соседи, евреи, смогут войти в любой дом и убить любого, кого пожелают... “И напал на них страх перед иудеями” (Есф. 8,17).

Кстати: как вы думаете, в Персидской империи в результате тех событий стало больше антисемитов или меньше? И если их стало больше – то это никак нельзя считать реакцией на поведение евреев?

В месяц Адар месть дошла уже до детей давно убитого Амана. Были повешены десять его детей. Точнее – сначала его дети были казнены. Но этого Эсфири было мало: она попросила повесить их трупы на дереве. Тут, пожалуй, стоит привести полностью этот библейский текст:

«В двенадцатый месяц, то есть в месяц Адар, в тринадцатый день его, собрались Иудеи в городах своих по всем областям царя Артаксеркса, чтобы наложить руку на зложелателей своих; и никто не мог устоять пред лицом их, потому что страх пред ними напал на все народы. И все князья в областях и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали Иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем. И избивали Иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с непри-

ятелями своими по своей воле. В Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пятьсот человек; десятерых сыновей Амана умертвили они. В тот же день донесли царю о числе умерщвленных в Сузах, престольном городе. И сказал царь царице Есфире: в Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пятьсот человек и десятерых сыновей Амана; что же сделали они в прочих областях царя? Какое желание твое? и оно будет удовлетворено. И какая еще просьба твоя? она будет исполнена».

Ну уже казалось бы – всё! Но аппетит приходит известно когда.

«И сказала Есфирь: если царю благоугодно, то пусть бы позволено было Иудеям, которые в Сузах, делать то же и завтра, что сегодня, и десятерых сыновей Амановых пусть бы повесили на дереве. И приказал царь сделать так; и дан на это указ в Сузах, и десятерых сыновей Амановых повесили. И собрались Иудеи, которые в Сузах, также и в четырнадцатый день месяца Адара и умертвили в Сузах триста человек. И прочие Иудеи, находившиеся в царских областях, собрались, чтобы стать на защиту жизни своей и быть покойными от врагов своих, и умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч» (Есф. 9,1-16).

Кто эти 75 000 уничтоженных персов? Вряд ли это были крестьяне – те евреи, что добровольно остались в Междуречьи, наверно уж не ради занятий земледе-

лием и рытья арыков пренебрегли возвращением на родину. Если евреям было в Персидской империи лучше, чем в Палестине – значит, они проникли в имперские государственные и торговые элиты. Значит, там и были у них конкуренты и недруги. А, значит, и вырезанию подверглась элита страны. Все, кто мог быть конкурентами[244]. Участь персидской империи была предрешена – всего через сто лет она окажется бессильна перед лицом Александра Македонского.

Апологеты Пурима твердят: “Отмщение жестоко. Но не сказал ли царь и Псалмопевец о нечестивом: “Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил”? (Пс. 7,16). И в ночь Иудиного предательства не самими ли Спасителем сказано было: “Все, взявшие меч, мечом погибнут”? (Мф. 26,52)”[245].

Да разве эти же «либералы» одобрили бы, если бы Московская Патриархия каждый год открыто и шумно праздновала штурм Казани войсками Ивана Грозного, при этом подчеркивая, что в нем она видит образец для обращения со всеми врагами Святой Руси? Не назвали бы они такое поведение безумным и чреватым пролитием новой крови? Но тогда столь же негативной должна быть и их реакция на празднование «веселого праздника Пурим».

А насчет «взявших меч»... В том-то и особый привкус Пурима – что меч персами еще не был взят. Преступление было задумано, но не было осуществлено.

Представьте, что в начале 30-х годов европейским державам удалось надавить на германского президента Гинденбурга, и он объявил нацистскую партию вне закона. И в течение двух дней всем желающим было разрешено убить любого, кого они подозревают в симпатии к Гитлеру... Не «отмщение» происходит в Пурим. А «превентивный удар». Нигде в этих библейских текстах мы не видим, чтобы сначала собрались толпы погромщиков, затем они рванулись в еврейские кварталы, а тут уж отряды еврейской самообороны исполнили свой долг... Наоборот: «собрались иудеи, чтобы наложить руку на зложелателей своих» (Есф. 9,2). Очень точно: на «желателей» – руку, за намерение – смерть...

Ради отмщения Аману – достаточно было казнить его. При чем тут еще десятки тысяч людей? Да, народ имеет право на защиту и даже на месть виновным преступникам. Но зачем было продолжать убийства после устранения действительно виновного?

Представьте, что советская армия, уже победив нацизм, на один из зимних дней 1946 года назначила тотальную облаву на немцев, сотрудничавших с прежним режимом... Немецким коммунистам была выдана охранная грамота, прикрываясь которой, они могли бы в течение двух дней без суда и следствия расстреливать на месте всех, кто им досадил в былые времена. И в итоге 75 тысяч уже разоруженных немцев были казнены... Неужели этот погром тоже был бы сочтен

нравственно безупречным?

Хорошо: пусть месть, пусть возмездие... Но при чем тут дети? Дети-то меча в руки не брали и ров не копали... Не сомневаюсь, что Александр Нежный в иных ситуациях не прочь поговорить о “слезинке невинно замученного ребенка”. Но как же тут-то не появляется у него желания посторониться тех, кто уже 25-е столетие подряд радостно танцует, вспоминая убийства (в том числе и) детей (Есф. 8,11)?

Как можно ежегодно радостно праздновать убийство 75 тысяч человек (включая детей)?

Хорошо, что сегодня еврейские публицисты стараются сделать вид, будто детей в Пурим не убивали. «Г-н Кураев считает Пурим “памятью об удачно проведенном погроме”. Доказывая этот свой тезис, г-н Кураев лжет, причем незатейливо – надеюсь, надо полагать, что никто не станет уличать во лжи духовное лицо. Между тем в “Книге Есфирь” нет ни единого слова об убийстве иудеями женщин и детей – это выдумка дьякона Кураева»[246]. А убийство детей Амана – причем через 9 месяцев после казни их отца (Есф. 9,10)? А Есф. 8,11 – «погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жен»?

Есть хорошая черта в этом наглom отрицании убийства детей: значит, совесть современных евреев осуждает детоубийство гоев. Но есть и тревожная черта: врать ради приукрашивания своей национальной исто-

рии эти журналисты себе разрешают.

Я понимаю праздник в честь военной победы. Это было открытое и рискованное столкновение, и день победы – это мужской и честный праздник. Но как праздновать день погрома? Как праздновать день убийства тысяч детей?

Есть ли другой народ на земле, который с веселием празднует день заведомо безнаказанных массовых убийств? Нет таких аналогов? Тогда позвольте и мне считать злопамятность тех, кто празднует Пурим, уникальной.

Представьте, что какая-то группа «русских патриотов» начала открыто, громко праздновать день сожжения «жидовствующих еретиков» как русский национально-церковный праздник. Что скажет пресса?[247]

До такой степени странно праздновать этот безнаказанный погром безоружных соседей, что с древности некоторые иудеи чувствовали потребность оправдать эту свою мстительность перед лицом иноверцев.

Первый шаг в этом направлении сделали александрийские переводчики Танаха[248] на греческий язык. Чисто историческому преданию они придали религиозный характер – добавив сон Мардохея и молитвы Мардохея и Эсфири (нумерация этих дополнений греческого текста в русском синодальном издании обозначается не цифрами, а буквами).

Затем Иосиф Флавий начинает дописывать то, чего

не было ни в еврейском, ни в греческом библейском тексте: мол, в указе царя, написанном Мардохеем, было сказано – «Если бы евреям в тринадцатый день месяца Адара пришлось отражать лиц, которые вздумали бы их в этот день обидеть...» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Кн. 11, гл. 6,12).

И сегодня есть попытки придать тем событиям хоть какой-то облеск воинской доблести. Газета «Сегодня», вместе с НТВ входившая в информационную империю МОСТ-банка, т. е. г-на Гусинского, тогдашнего председателя Российского Еврейского Конгресса, предложила новую, более респектабельную версию событий Пурима: «В результате персидские антисемиты были разоружены и наголову разбиты. В обнесенных крепостными стенами Сузах (персидской столице) бои шли двое суток»[249]. В самой книге Эсфирь никаких упоминаний о боях нет. Ни словом не упоминается о том, были ли жертвы среди евреев. Но, как видим, даже на вкус современных иудеев тот факт, что основу праздника составляет избиение безоружных, настолько непристойно, что приходится придумывать бои.

А ведь даже Иосифу Флавию это в голову не приходило. Описание погрома в Сузах у него более честное (в смысле более близкое к библейскому первоисточнику)

Еще один путь героизации пуримского погрома – это помещение его в один ряд с событиями Исхода[250].

Однако, между Пуримом и Исходом есть существенная разница: в событиях Исхода враги Израиля были поражены самим Богом. Море потопило армию фараона – но не израильские воины разгромили ее. Об этом ясно говорится в «песни Моисея» (Исх. 15). В событиях же Пурима евреи своими руками убивали персов.

Не будем также забывать, что в событиях Исхода египетская армия противостояла безоружному еврейскому народу – с женщинами и детьми. В событиях же Пурима все было наоборот – персидский народ, с женщинами и детьми, был лишен возможности обороняться против вооруженных погромщиков-евреев.

Вершиной полемической эквилибристики по оправданию традиции празднования пуримского погрома все же является построение Якова Кротова: “Что до ветхозаветной кровожадности, то она, конечно, никуда не исчезла. Каждый вечер в православных церквях хор поет о том, как евреи радовались утоплению “гонителя фараона”... Как будто не у нас на протяжении всего Великого поста особенно вдохновенно поют псалом 136, включая знаменитое проклятие иудеям пленившему их Вавилону: “Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень”. Ежели батюшка дерзнет указать хору этот стих опустить, сразу прослышет либералом и модернистом, ну и жидом, конечно, а заодно и католиком – это они там у себя могут сокращать богослужение, а нашу церковнославянскую духовность обрезать ни-

кому не дадим”[251].

Перешедший в унию, а затем и просто в секту Кротов уже забыл, что 136 псалом “На реках Вавилонских” поют не “на протяжении всего Великого поста”, а перед Постом и кончают его петь аккуратно с началом Поста. Забыл он, что ирмос про потопление фараона поют не «каждый вечер», а только когда читается воскресный канон шестого гласа (то есть раз в два месяца). Забыл он также, что в православном богословии существует традиция духовного перетолкования тех текстов Ветхого Завета, где речь идет о войне, сопротивлении, нападении... Под врагом (Вавилоном, Египтом и т.д.) предлагается понимать царство греха и демонов. Под Иерусалимом и Храмом – человеческую душу, которую надо сохранить в чистоте... И на проповедях перед началом Поста священники как раз поясняют, что строки о “младенцах” нельзя воспринимать как призыв к мести, что о “камень” веры надо разбивать (через молитвенное взывание ко Христу) греховные помыслы, пока они еще не возросли в нашей душе и до конца не пленили ее... Да, впрочем, что я поясняю: Кротов не мог не читать книги прот. Александра Шмемана “Великий Пост”. Но ради того, чтобы испоганить преданное им православие и защитить иудаизм – он готов даже себя выставлять более невежественным, чем есть на деле...

Проблема-то как раз в том, что христиане склонны

понимать аллегорически тексты Ветхого Завета, описывающие “священные войны” древнего Израиля (или видеть в них просто хроники, повествующих о давно ушедших временах); для иудеев же до сих пор весь Ветхий Завет остается всецело актуальным, современным, предназначенным к применению в нынешней жизни.

И никакие требования совести не мешают и поныне писать о «веселом празднике Пурим» и даже величать сей день погрома «днем любви и радости»[252].

А праздник этот для победителей и в самом деле очень веселый. Это единственный день, в который трезвый и педантичный Талмуд даже не разрешает, а предписывает напиваться: «После полудня едят праздничную трапезу и пьют алкогольные напитки, пока не перестают различать между словами „проклят Аман“ и „благословен Мордехай“»[253]. Это потому, что «Мы должны выпить вина и потерять способность разделять эти два аспекта – и почувствовать, что уничтожение Амана – это и есть благословение Мордехая... Чудеса Пурима связаны с вином: на пиру у Ахашвероша была низложена царица Вашти, и на ее месте оказалась Эстер; падение Амана произошло во время пира, который устроила Эстер»[254]. «Талмуд рассказывает: Однажды раби Зейра пришел в гости к Рава, и они вместе праздновали Пурим. И напились они до такой степени, что Рава встал и зарезал раби

Зейру. Только тогда он понял, что сделал, утратившись, протрезвел и стал молиться Всевышнему, чтобы раби Зейра ожил. Бог сделал ему милость и оживил раби Зейру. На следующий год стал Рава снова звать раби Зейру к себе в гости праздновать Пурим. Но раби Зейра отказался и сказал: „Не каждый год случается чудо...“»[255].

Праздничная трапеза включает в себя пирожки с поэтическим названием «уши Амана»[256]. «Самое популярное кушанье Пурима – „ухо Амана“ (на идиш „гоменташ“) – треугольная булочка, начиненная маком с медом... В Мидраше рассказывается, что Аман после своего поражения ходил „согбенным, опечаленным, с закрытой от стыда головой и надрезанными ушами“»[257].

Такая милая семейная сцена: родитель, не отличающий уже имени Амана от имени Мардохея, предлагает сынишке: «милый, не хочешь ли еще покушать плоти нашего врага?»[258].

И этот праздник почитается величайшим. Среди талмудических мудрецов «существует даже мнение, что когда все книги пророков и агиографов будут забыты, книга Эсфири все-таки не забудется, а праздник Пурим не перестанут соблюдать»[259].

В иудаизме Пурим это прежде всего детский праздник. «Вечером и утром в синагогах читают свитки Эстер. Принято шуметь (стучать ногами по полу, ку-

лаками по столам и крутить специальные пуримские трещетки) при упоминании имени злодея Амана. Особенно усердно исполняют этот обычай, конечно, дети»[260].

Теперь, надеюсь, понятнее, почему христиане озабочены тем, что иудеи остались «на второй год в первом классе», в классе Ветхого Завета: в этом классе учили довольно-таки жестоким вещам[261]. И если иудеи так и останутся со своим ветхозаветным «буквариком» – то от них можно ждать «превентивных» выплесков агрессии.

В этом и состоит чудовищность этого «веселого праздника»: из поколения в поколение он воспроизводит модель обращения с теми, кого евреи однажды сочтут своим врагом. Истории нет, прогресса нет. Роста духовного сознания и нравственности нет. Ветхозаветная кровожадность не преобразилась. Те нормы живы до сих пор. Архетип не отменен. Он продолжает расцениваться как образец, достойный воспроизведения (пока – ритуально-символического, при случае – реального)[262]...

В этом серьезнейшая грань между иудаизмом и христианством. Для христиан Ветхий Завет и его жестокость – это прошлое, которому уже не нужно и не можно подражать. Для иудаистов их завет не стал «Ветхим», для них он и поныне – образец для подражания и руководство к действию. Христианин не воспримет

как норму то повеление, которое Моисей получил перед Исходом и которое состояло в ограблении домов окрестных египтян. Но сможет ли иудей сказать, что то событие трехтысячелетней давности для него утратило свою буквальную нормативность?

Кровь и жестокость Ветхого Завета для христиан – не более чем педагогическая мера, временная необходимость, навсегда ушедшая с приходом Евангелия. Для иудаистов это не временные меры, но вечные константы, не педагогика, но онтологическая норма бытия еврейского народа. Поэтому христиане не празднуют Пурим – хоть и коренится этот праздник в той истории, которая священна и для нас.

У христиан принято символически, аллегорически толковать войны Ветхого Завета и события вавилонского пленения: «Сатана вовлек меня в плен греха. Что ж, будем драться. У меня есть заговор против него и очень коварный. Я вот пойду в храм к батюшке и исповедуюсь во всех тех грехах, в которые он меня вогнал – вот и будет ему Пурим». В иудаизме же сохраняется вполне буквальное понимание норм и примеров ветхого Завета.

Христиане не отвергают книгу Эсфири. Но мы не считаем, будто то, что было необходимо тогда, стоит повторять сегодня. Мы живем в открытом мире. Мы можем брать нечто из опыта других народов и эпох – из их обрядов, кухни, одежд, песен. Но если мы нечто берем,

то лучше присмотреться к этой гуманитарной помощи: а не истек ли срок годности. Срок годности Пурима истек в 30 г. нашей эры – при Распятии Христа. Иудеи же и по сию пору готовы кормить себя этим продуктом.

Я не буду говорить слова осуждения в адрес персонажей Священной Истории. Но мне бы хотелось, чтобы тот погром остался в истории, а не перетаскивался в будущее.

Я не пишу сейчас богословское исследование, не занимаюсь истолкованием и апологией Ветхого Завета.

Замечу лишь, что Высшая, Божественная оценка действий Эсфири и Мардохея отсутствует в Библии. В еврейском тексте книги Эсфирь вообще ни разу не упоминается имя Божие[263]. Бог не входит с ними в диалог. Слов Свыше в роде «Ты хорошо сделал, Мардохей», нет в книге Есфири. И праздник Пурим устанавливается не по откровению Творца, а по собственной инициативе еврейской диаспоры: «Иудеи, которые в Сузах, сделали его днем пиршества и веселья» (Есф. 9,18). Перед нами – скорее историческое сказание, чем откровение Божие[264]. Авторы Нового Завета никогда книгу Эсфирь не цитируют.

В месяцесловах Православной Церкви имени царицы Эсфири нет. В службе в неделю праотец есть теплые воспоминания о святых еврейках Ветхого Завета – «С ними же сликовствует и жен благолепие: Сарра, Ревекка, Рахиль, и Анна же, и славная Мариам

Моисеева купно» (Стихира на Хвалитех). Эсфири в этом перечне нет. В календарях Московской Патриархии имя Есфири отсутствует до 1977 года. Причем календарь за 1967 году включает в себя перечень имен святых, которых нет в обычном месяцеслове – но и там имени Есфири нет (хотя в таком качестве оно упоминается еще в книге архиеп. Сергия Спасского «Полный месяцеслов Востока» (1901 г.)). Так что колебания об отношении к Эсфири были в церковной памяти о ней.

И все же – даже канонизация Эсфири христианским преданием не означает канонизацию образа ее действий. Те же ее почитатели, которые видят в книге Эсфирь прямую инструкцию к действию, выносят из нее такие уроки, что соседствовать с такими учениками не очень-то и хочется.

Среди уроков Пурима – допустимость возведения ложных обвинений на врагов Израиля. Ведь сама Эсфирь оклеветала Амана: он пал к ее ногам, умоляя о спасении жизни, но царь, увидев эту сцену, счел, что Аман покусился изнасиловать царицу. Эсфирь же не потрудились восстановить правду (см. Есф. 8,6-8). А вот рассказ Мардохея о тех событиях: «Аман замыслил Эсфирь со всем народом погубить» (Есф. 8,12з). Это ведь прямая клевета: Мардохею было известно, что когда Аман планировал еврейскую резню, он не знал о национальности царицы Эсфирь.

Среди уроков Пурима – урок злопамятности и мсти-

тельности. А то, что и поныне у евреев бывает поразительно долгая, недобрая и односторонняя память, видно даже по новостным лентам: “В Иерусалиме в субботу 6.6.98 состоялся форум на тему дальнейшей судьбы сочинений Рихарда Вагнера в Израиле. Все началось с того, что оркестр Новой израильской оперы отказался исполнять произведения Вагнера на том основании, что композитор был антисемитом, к тому же его опусы обожал Гитлер. То, что музыка Рихарда Вагнера звучала в концентрационных лагерях, когда евреев отправляли в газовые камеры – общеизвестный факт. Пресс-секретарь Оперы Варда Циммерман заявила, что, если музыканты будут упорствовать в нежелании исполнять Вагнера, то произведения этого композитора будут полностью исключены из репертуара. На форуме должны были исполнять две вещи немецкого композитора, но концерт не состоялся: певца и аккомпанирующего ему пианиста слушатели яростными свистками прогнали со сцены”[265]. Так нам что – Бетховена не слушать потому, что Ленин его любил?

Среди уроков Пурима – благословение на превентивно причиняемую боль. «Израильский верховный суд разрешил секретной службе Шин Бет применять пытки при допросах палестинцев, подозреваемых в совершении терактов с целью получения информации о планах экстремистских организаций. При этом суд наказал генпрокуратуре следить за тем, что-

бы на допросах применялись “только методы умеренного физического давления”»[266]. И более того: «советник по делам прессы посольства Израиля в Москве Зеев Бен Арье в беседе с корреспондентом „Сегодня“ подчеркнул символическое значение праздника. „Это было весьма своеобразное спасение: по воле Всевышнего персидский царь разрешил евреям защищаться с оружием в руках, нанести превентивный удар“»[267]. Значит, и ныне Израиль может бомбить все страны, которые не воюют с ним, но, как кажется Израилю, могут представлять для него угрозу. Попробуй Россия провозгласить в своей военной доктрине возможность «превентивных войн». – Без волны возмущения и санкций по всему «цивилизованному миру» не обойтись. Но для Израиля сегодня в мире особый стандарт: мир разрешает евреям самим устанавливать нравственные нормы для себя. Израиль выше т.н. «общечеловеческих ценностей»[268]. У него есть сакральное алиби[269].

Среди уроков Пурима – месть семьям и детям врагов. В марте 1996 года после серии взрывов в Израиле террористами-камикадзе премьер-министр Израиля отдал приказ взрывать дома погибших террористов, выселять оттуда их семьи.

Буду рад узнать, что в современной иудейской публицистике события Пурима уже не рассматриваются как архетипические. Я буду рад, если мне покажут

такие вероучительные иудейские тексты, в которых современникам запрещается подражать героям книги Эсфирь. Пока таких текстов я не встречал – у меня есть право считать, что иудаизмом книга Эсфирь рассматривается как образец для подражания.

И тут приходится напомнить слова В. Шульгина: «Пусть религиозные евреи, празднующие Пурим, не представляют себе реально, что они празднуют; не сознают, что их ежегодный пир происходит на столах, кои попирают человеческие кости, на скатертях, залитых человеческой кровью. Но те еврейские писатели и журналисты, кои вопят об ужасах современных погромов, неужели они не чувствуют потребности хотя бы иногда „на себя оборотиться“? Тонкие вдумчивые психологи, неужели они не понимают, что „кое-что“ оседает и в еврейских душах, и в окружающем евреев мире вследствие тысячелетнего празднования массовых убийств? Их глорификация, воспоминание о прошлых кровавых расправах не переплетается ли под злую руку (а у кого не бывает злых минут!) с модернизированными планами так же расправиться с современными врагами еврейства?.. Злоба, страстная мысль о массовых кровавых расправах со своими врагами неумирающим огнем трепещет над головой евреев. И эта мысль время от времени перекидывается в душу окружающей среды; заражает толщу людей, вокруг евреев живущих и бросает этих людей... на евреев. Мечтая

о погромах, евреи магнетическим образом на себя их притягивают. А что евреи о погромах мечтают (не в отношении себя, конечно, а в отношении своих врагов) – это весьма убедительно показали события русской революции»[270]. Аналогичный взгляд был и у знаменитого историка античности В. Зелинского: «В этом великая страшная наука: все гонения на евреев, позорящие историю христианской религии, берут свой источник в Ветхом Завете»[271].

Мы видели, что и поныне по крайней мере некоторые из евреев готовы по образцу Пурима строить свои отношения с «окружающим миром». Как человек из этого мира, окружающего евреев – разве не могу я воспринимать подобного рода долгую и радостную память как угрозу для себя, для моего мира?

Пурим – праздник избиения врагов. А кто такие враги для иудеев? Только ли соплеменники несчастного Амана? По мысли Иосифа Флавия, указ Артаксеркса об уничтожении всех евреев вызвал всенародную радость: «когда этот указ прибыл во все города страны, все очень обрадовались предстоявшей в указанный день резне среди евреев» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Кн. 11, гл. 6,6). В Библии этой подробности нет. Значит, по мысли Иосифа Флавия, таковой а) вообще должна быть нормативная реакция гоев на возможность досадить евреям; б) евреи должны жить и действовать, предполагая именно такую реакцию.

В средневековом «Диспуте Нахманида» иудей толкует псалом «Рече Господь Господу моему седи одесную Мене дондеже положу враги твои к подножию ног Твоих». Иудей соглашается, что речь идет о Мессии. И поясняет: «Бог и будет помогать мессии, доколе положит все народы в подножие ног его, ибо все они враги его – они поработают его, они отрицают его пришествие и его власть, а некоторые из них создали себе другого мессию»[272]. А уже ближе к нашим временам и местам ребе Элимелех из Лежайска огульно обвинял все не-еврейское человечество: «Народы ненавидят Израиль»[273].

Итак, в истории еврейской мысли есть течение, которое полагает, что все народы – враги евреев. А «все» – значит, и христиане, а отнюдь не только «потомки Амалика» или идолопоклонники. Кстати, оба только что процитированных иудейских автора жили в христианском окружении и тем не менее сказали свои решительно-тоталитарные формулы ненависти.

События Пурима напоминают, кто враг, и как именно надлежит поступать с врагами.

И когда знаешь такие иудейские тексты и традицию такой закосневшей ненависти, то и в пьяном хохоте и грохоте Пурима слышишь нотки, заставляющие похолодеть «посторонних»: а вдруг кто-то из веселящихся на Пуриме решит нанести «превентивный удар» по нам? Мало ли что ему спяну померещится?

Пока же весьма занятно слушать намеки, которые «посвященные» в тайну Пурима произносят в присутствии людей, которых они считают непосвященными. Например, в 1994 г. в Москве открылся магазин кошерной пищи. Главный «антифашист» Москвы, депутат Московской городской думы Евгений Прошечкин, выступая на церемонии открытия этого магазинчика, «произнес тост за повышение роли торговых предприятий в развитии национально-политических отношений. Кстати, в свое время особую и весьма достойную роль в них сыграли масла, которыми натиралось тело библейской героини Эсфири, жены персидского царя Артаксеркса»[274]. Какой тонкий юмор! Оказывается, вырезать 75 тысяч человек – значит сыграть «достойную роль в развитии национальных отношений»! Поддерживая изящную шутку депутата, журналист продолжает: «Говорят, царь оставил немного для фирмы „Осем“ и для нас с вами». Так что – владельцы и посетители кошерного магазина намерены воспроизвести в России сюжет книги Эсфирь? Кстати, по сообщению этого же журналиста, в меню презентации входило блюдо под именем «уши Амана»...

Поскольку мне приходится часто полемизировать с оккультистами, то не могу не воспользоваться случаем и не указать на ниточку, которая связывает иудейский Пурим и оккультных чаятелей «Эры Водолея».

Здесь выстраивается такая переключка: у астроло-

гов нынешняя эпоха именуется «эрой Рыб». Она началась около Рождества Христова и заканчивается в самом начале XXI столетия. Рыба – раннехристианский символ (по гречески рыба – *ichtis* – может быть расшифровано как сочетание первых букв выражения «Иисус Христос Сын Божий, Спаситель»). Поэтому «эпоха Рыб» толкуется оккультистами как время торжества христианства, и, соответственно, магического «невежества», как время, неблагоприятное для «эзотериков». С наступлением же «эры Водолея» связываются надежды на расцвет оккультно-магических способностей. Талмудическая литература солидарна с оккультистами в том, что знак Рыб неблагоприятен для иудеев. Она повествует, что Аман был астрологом, и выбирая время для преследования евреев, он обратился к астрологическим таблицам. "Однако каждый месяц оказывался благоприятным для евреев: так, Нисан был благоприятен для евреев из-за пасхального жертвоприношения; Ияр – из-за малой пасхи, Сиван – потому что в этом месяце была дарована Тора и т. д. Но когда Аман дошел до Адара, то нашел, что он находится под зодиакальным знаком Рыб, и сказал: «Теперь я буду в состоянии поглотить их, подобно рыбам, проглатывающим одна другую»[275]. Этот талмудический рассказ складывается уже в христианскую эпоху, и в сознании его авторов и слушателей в течение веков он явно ассоциировался с «временем Рыб», то есть

с эпохой господства христиан. Вопросы о влиянии иудаизма на европейский оккультизм я касаться не буду. Но созвучность чувствований и идей все же несомненна. И там, и там есть ассоциация: рыбы-христиане-зло.

Для людей вроде Нахманида и еще один намек на современное противостояние христианам был понятен: в талмудических книгах говорится, что Господь спросил деревья, какое из них желает удостоиться чести, чтобы на нем был повешен враг евреев. Лучшее всех ответил терновник: «Я самое негодное дерево, ибо только причиняю боль тем, которые прикасаются ко мне. Этот человек также причинил много боли людям; я поэтому более других подхожу для него» (Еврейская Энциклопедия. т. 6, стб. 124). Если бы это сказание сложилось в дохристианские времена, оно было бы лишь милой сказкой. Но после Евангелия любое упоминание терновника в религиозном контексте уже не могло не ассоциироваться с терновым венцом Спасителя. Это сказание явно рассчитано на вызов ассоциаций: повешенный Аман – повешенный Назарянин; терновник, казнящий Амана – терновник, мучающий Назарянина. Первое произошло по воле Бога, карающего грешника, – значит, и второе событие надо воспринимать так же...

Так почему же народ, в чьей истории было так много страданий, народ, переживший немало погромов, сам упорно празднует тот погром, который в древности уда-

лось устроить ему самому? Почему же столь очевидные двойные нравственные стандарты позволяют себе иудеи в отношениях с другими народами?[276]

Таится ли корень этого только в том, увы, общечеловеческом, убеждении, что “свое дерьмо не пахнет”? Если да, то остается лишь присоединиться к горячему пожеланию Достоевского: “если высокомерие их, если всегдашняя “скорбная брезгливость” евреев к русскому племени есть только предубеждение, “исторический нарост”, а не кроется в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя, – то да рассеется все это скорее и да сойдемся мы единым духом, в полном братстве на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей!” (Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. Гл. 2,4). Но вдруг дело не только во вполне естественной подслеповатости в отношении своих собственных грехов? Могут ли в многообразном мире человеческих культур существовать другие этические системы, кроме «общечеловеческой»?

***

У моих оппонентов[277], отреагировавших на первое издание этой книги, ни одна совестная жилочка не шелохнулась в связи с празднованием Пурима.

Я специально сказал, что ни слова осуждения не го-

ворю в адрес самих библейских персонажей. И не собирался “святотатствовать” (выражение Каджая) и “кощунствовать” (выражение Нежного) по их поводу. Нежный пишет: “Трогательной и поучительной Книге Есфирь он без всякого стеснения придал отталкивающие черты бульварного романа. Тут на кураевском театре появляется “царица Эсфирь”, изображенная его боголюбием как опытная и хищная оболъстительница. И с изумлением, переходящим в оторопь перед кощунством, совершаемым на виду у всего честного народа, читаем: “И вот, вероятно, в минуту восторгов и обещаний Эсфирь вытягивает из супруга признания и обещания: ты любишь меня? значит, ты любишь тех, кого я люблю? значит, ты любишь мой народ? значит, ты ненавидишь тех, кто ненавидит меня? значит, ты ненавидишь тех, кто ненавидит моих друзей и родственников? значит, ты ненавидишь ненавистников моего народа? Так дай волю своей ненависти! Уничтожь моих врагов, которых ты считаешь и своими врагами!”. Быть может, подобная женщина и является дьякону Кураеву в его пылких сновидениях, однако ничего общего с библейской Есфирью она не имеет. В Библии нет даже и намека на “восторги и обещания” – но есть робкая, трепещущая Есфирь, которая просит у Бога помощи в заступничестве за ее обреченный гибели народ. В Библии нет ни единого слова, хотя бы отдаленно напоминающего ту расчетливо-напористую речь, которой ку-

раевская вакханка оплела кураевского недалекого царя, – но есть олицетворенное прекрасной Есфирью и мстительным Аманом извечное противостояние света и тьмы”.

Я ценю интерес Александра Иосифовича к моим сновидениям (но сразу вынужден его огорчить: он их персонажем не является). Но вот насчет того, что в Библии нет «ни единого слова» о любовном контексте отношений царя и царицы, это уж он напрасно: беседа Эсфири и царя начинается, когда “положил царь скипетр на шею ее и поцеловал ее и сказал: говори мне” (Есф. 5,2). “И сказал ей царь: какая просьба твоя? Даже до полуцарства будет дано тебе” (Есф. 5,3). Эсфирь приглашает царя пировать. “И сказал царь Эсфири при питье вина: какая просьба твоя? Хотя бы до полуцарства, оно будет исполнено” (Есф. 5,6). И на второй день “пришел царь с Аманом пировать у Эсфири царицы” (Есф. 7,1). И снова разомлевший царь (у которого, кстати, до этого минимум тридцать дней не было общения с Эсфирью – Есф. 4,11) спрашивает свою жену: “какое желание твое, царица Эсфирь? Оно будет удовлетворено; и какая просьба твоя? Хотя бы до полуцарства, она будет исполнена”. Что просила Эсфирь – написано дальше, в 7-8 главах. Эти просьбы я просто переложил чуть иными словами.

В чем же тут кощунство и даже “богохульство”, за которое Каджая предлагает Синоду предать меня ана-

феме (“Интересно, как отнесется Святейший Синод к столь вольной трактовке диаконом Ветхого Завета? Предаст богохульника анафеме или слегка пожурит?”[278]). А у самого Каджая[279] разве не более вольное отношение к тексту Священного Писания? По его то мнению книга Эсфирь – вообще не более чем легенда: «вавилонский новогодний праздник был трансформирован в легенду о спасении Мардохеем, визирем персидского царя Ксеркса, еврейского народа, который замыслил погубить царский военачальник Гаман (Аман). Легенда эта легла в основу книги Эсфирь, с большим трудом канонизированной сначала иудейской, а затем христианской церквами»[280].

Кстати, если же речь зашла об “анафемах”, то пусть лучше Каджая переправит ее на голову Александра Зорина. Тот в запале полемики вообще отказал библейской книге во всякой исторической достоверности: “К тому же по “Эсфири” нельзя сверять исторические события. Она относится к чисто литературному жанру и включена в библейский свод как назидательная повесть. В ней нет хронологической точности, история не знает царицы Эсфирь, наконец, комментаторы Библии утверждают, что происхождение Пурима не ясно и что книга “Эсфирь” не была с самого начала связана с этим праздником. Кому-кому, а Кураеву, учившемуся в духовных заведениях, это хорошо известно”[281].

В свою очередь, пусть Зорин поанафематствует Ка-

дкая за демонизацию библейской истории. Ведь не далее как три года назад В. Каджая заявил, что Пасха “древних евреев” домоисеевых времен – это «умиловление злых духов». «Древние евреи» домоисеевских времен – это потомки Авраама. И никаких свидетельств о том, что они праздновали Пасху через жертвоприношение ягнят злым духам, в Библии нет. Открыл ли В. Каджая какие-то иные источники по древнееврейской истории? А если не открыл – то зачем же он походя зачеркивает Священное Писание и демонирует историю Израиля?

В моей памяти хранится и еще одно проявление агрессивного невежества, допущенное одним из моих нынешних оппонентов. В 1996 году в пасхальном номере “Независимой газеты” была опубликована статья Валерия Каджая, в которой этот знаток Библии обличал русских христиан за то, что они исказили имя Мессии. Говорить, оказывается, надо не “Христа ради”, а “Христоса ради”, не “Христу”, а “Христосу”[282]... Еще тогда мне пришлось пояснить самозваному учителю русского языка, что и в греческом, и в русском языках надо различать корень от окончания[283]...

Одновременно в пасхальном выпуске “Аргументов и фактов” Каджая опубликовал статью, в которой допустил более десятка фактических ошибок[284]. И еще было там нечто большее, чем просто ошибка. Каджая попробовал описать дореволюционные пасхальные

торжества (сославшись на неких анонимных «иностранных»): «По утрам то и дело попадались на улицах убитые и догола ограбленные»[285]... Да ведь даже в наши дни в пасхальную ночь практически не совершается тяжких преступлений, и она (как и Рождественская) оказывается самой мирной ночью года. А в былые времена, когда память о Боге была у народа покрепче, когда люди приходили не просто поглазеть на полуночный крестный ход, а выстаивали всю пасхальную службу (и, соответственно, расходились из храмов в пятом часу утра) – тем более невысказано было представить, что уже через два часа после окончания пасхальной службы «то и дело попадались на улицах убитые»... В своей про-пуримской статье про меня Каджая восклицает: “ай да Кураев, ай да сукин сын!”. Ну, а что православным восклицать, слыша каджаевские рассказы о массовых пасхальных убийствах?

И с такими ляпами Каджая дает тем не менее высокую оценку своей публицистике: мол, написал он «не просто критические, но разгромные статьи в связи с выходом книги А. Кураева»[286].

Мне ничего не известно ни о демонических культах у потомков Авраама, ни об исторических ошибках в книге Есфирь. Больше, чем прошлое, меня интересует настоящее. Прошлое присутствует в настоящем – если о нем люди знают, и если они его учитывают при расчете своих нынешних действий. Была ли царица Эсфирь

в персидской истории – пусть Каджая или Зорин выяснят сами. Но то, что она присутствует в головах современных иудеев – несомненно. И то, что они видят в ее действиях образец для подражания – тоже несомненно.

...Эту мою статью можно считать ответом на «последние искушение» НТВ. Я счел допустимым посмотреть на историю Пурима взглядом, не сглаживающим острые углы, после того, как Российский Еврейский Конгресс и НТВ (у них же был один глава – Гусинский) позволили себе недобрым оком взирать на наше Евангелие (поистине – избави нас «от очес призора»). Так что это просто напоминание: не бросайтесь камнями, живя в стеклянном доме.

Людей меньше, чем кажется?

С нижеследующей главой полезно сделать следующую перверсию. Перевести ее в электронный вид (отсканировать или скачать в интернете). А затем дать компьютеру задание заменить в этом текст слово еврей (иудей) на слово немец (или русский). Полученный результат дайте почитать хоть сколько-нибудь гуманистически настроенному человеку. И приготовьтесь выслушать поток обвинений в расизме, шовинизме, нацизме и даже антисемитизме (хотя в тексте не останется ни одного упоминания о евреях, поскольку все персонажи волею компьютера будут превращены в немцев или русских).

Вот тут и возникнет вопрос и этики и политики: а в обратную сторону все эти оценки срабатывают?

Начнем с самого невинного. Утренняя молитва иудея: "Барух ата, Адонай Элохейну, мелех ха-олам, шел ло асани гой – Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, за то, что Ты не создал меня неевреем"[287].

Вы можете представить себе, чтобы в Русской Православной Церкви распространялся молитвослов, в котором каждое утро предлагалось бы начинать с хвалы: "Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселен-

ной, за то, что Ты не создал меня нерусским”? Что бы в этом случае написали мои критики?

Что бы сказали они, если бы Отдел по благотворительности и социальному служению Московской Патриархии дал указание православным: “Ни в коем случае не допускается усыновление или удочерение нерусских”?

А иудейский “Домострой” – книга “Кицур Шулхан Арух”[288], содержащая правила благочестивой жизни, недвусмысленно утверждает: “ни в коем случае не допускается усыновление или удочерение неевреев”[289].

Можно ли себе представить, чтобы какое-нибудь министерство в России вело учет русским девушкам, вступающим в брак с людьми других наций и било бы тревогу при росте смешанных браков? А в Израиле это в порядке вещей – «По оценкам министерства по делам религий, ежегодно в Израиле переходят в другую веру в среднем 50 молодых евреек. Таким образом, за 52 года существования государства еврейство лишилось примерно 2600 своих дочерей. Учитывая, что женщина в арабской семье производит в среднем 8 детей, делаем вывод: в арабской среде живут примерно 20 000 галахических евреев! Страшно подумать: некоторые из них, возможно, принадлежат к террористическим организациям, являются отъявленными врагами еврейского народа, и знать не знают о своих еврейских

корнях! Опрос показывает, что замуж за арабов выходят главным образом девушки, неполучившие в свое время достаточно родительского тепла, исконно присущего еврейским семьям. Эти женщины не обладают четко выраженной национальной самоидентификацией и поэтому оказываются легкой добычей умелых кавалеров-инородцев. Неудивительно, что переход в иную веру является уделом девушек из чисто светских семей: в ультраортодоксальной и национально-религиозной среде о таких случаях не слыхивали»[290].

Что бы сказали борцы со всяческим национализмом, если бы в русских изданиях встречались указания на такие пути к вечному спасению, которые доступны даже для людей безнравственных – если только их похоронят в правильном месте? Не показалось бы безумным объявление о том, что если русского человека похоронят у стен Дивеево, то он несомненно будет спасен, независимо от того, как он провел свою жизнь? Но ведь точно такая мысль есть в иудаизме – “Иеровама, самого грешного царя в Израиле, по мнению Талмуда, ожидают прощение и воскресение только потому, что он погребен в святой почве Палестины... Ребе Элеазар говорит, что исключительно в ее пределах и будет возможно воскресение из мертвых. Кто погребен вне Палестины, тому придется совершить длинный подземный путь в Св. Землю. По мнению каббалистов, воскресение из мертвых наступит в Палестине

раньше, чем где бы то ни было, на целых 40 лет”[291]. Вот здорово: как только услышим, что трупы евреев подземными тропами начали пробираться к Палестине, будем знать: через 40 лет конец света...

Еще несколько советов иудейских мудрецов: “Все нееврейские религиозные культы Галаха называет авода зара – “чуждое служение”... Запрещается продавать неевреям любую вещь, которая нужна им для отправления их культа, включая их собственные книги, связанные с их культом. Еврей не имеет права читать, продавать или отдавать нееврею даже Танах (книги Ветхого Завета – А.К.), изданный неевреями с целью распространения их религии. Такие книги сжигают, но если Библия издана ими на иврите и есть возможность отделить не-искаженный текст Танаха от чуждых ему добавлений, следует это сделать – текст Танаха сдать в гнизу, а остальное – сжечь. (Впрочем, некоторые крупные современные авторитеты галахи считают, что Танах, изданный миссионерами на иврите для распространения его среди евреев, также подлежит сожжению). Галаха запрещает смотреть на изображения языческих «богов», любоваться их красотой и богатством украшений. Кроме того, запрещается слушать музыку, которая сопровождает службу в культовых помещениях неевреев и исполняется на инструментах, на которых играют в честь авода зара. Запрещено вдыхать аромат благовоний, которые воскуривают в язы-

ческих капищах. Еврей должен обходить стороной нееврейские культовые здания и тем более изображения языческих «богов», а если он вынужден пройти мимо них, то должен стараться не приближаться к ним менее чем на два метра. Увидев процветающие нееврейские культовые сооружения, говорят; «Дом гордыни опрокинет Бог», а если встретили такое сооружение разрушенным, произносят: Всесильный[Бог] мести, Бог, Всесильный[Бог] мести, прояви Себя![292]. Еврей не должен допускать, чтобы его поведение могло быть расценено окружающими как проявление хотя бы малейшего уважения к языческому культу. Так, если перед нееврейским культовым зданием ему в ногу вдруг впилась колючка, или внезапно рассыпались монеты из кошелька, он ни в коем случае не должен нагибаться, чтобы вытащить колючку или собрать деньги, так как со стороны может показаться, что еврей поклонился авода зара. Даже если вокруг нет ни души, не имеет значения – следует отойти в сторону, или хотя бы повернуться спиной к авода зара, или присесть на корточки, но не нагибаться. Нельзя одалживать деньги неевреям на постройку их культовых зданий или на приобретение чего-либо, что им нужно для совершения их обрядов... Запрещается делать похвалы нееврею – даже восхищаться его внешностью. Тем более запрещается восхвалять нееврея за его добрые дела... Наши мудрецы говорят: «Любое зубоскальство

запрещено, кроме зубоскальства в адрес авода за-
ра!..”.[293]

И вот зубоскалы состязаются в кощунствах... «В обновленной России плодятся ХХСы»...[294] Вы поняли, о чем это? «ХХС» – это издевательская аббревиатура, придуманная “нашими плюралистами” для издевки в адрес главного храма православной России – Храма Христа Спасителя.

Как работает этот закон надсмешания над чужими святынями, видно иудейского антихристианского трактата “Родословие Иисуса” (Тольдот Иешу). Этот текст первоначально написан на арамейском языке и восходит к V в., т.е. он возник в Палестине или Месопотамии и почти непосредственно примыкает к эпохе создания Талмуда. Как говорит исследователь, “В “Тольдот” развиваются те талмудические эпизоды, которые раввины с некоторых пор традиционно стали связывать с Иисусом. Только эпизоды эти соединены между собой таким образом, чтобы получилось цельное повествование. “Тольдот Иешу” не имеет персонального авторства. Это продукт творчества нескольких поколений раввинов, последовательно вырабатывавших еврейскую версию жизни основателя христианства”[295].

Так какова же она – “еврейская версия жизни основателя христианства”?

“Когда царица Елена узнала, что за мудрецов Израилевых выступает весь народ, она тотчас же велела

передать Иешу, что желает узнать истину в его деле, и послала вестников, приказав привести его с почетом. И он явился к ней, и с ним пришли все отщепенцы и уверовавшие в него. Но прежде чем Иешу пришел к царице, старейшины и мудрецы Израилевы собрались на совет и сказали: все, что он творит, он творит при помощи тайного Имени; нам нужно выбрать молодого человека, чтобы он пробрался к камню основания, на котором написано тайное Имя, и выучил бы его, и тогда он сможет делать то же, что и Иешу перед царицей Еленой. И выбрали одного молодого человека по имени Иуда Искариот, который был весьма умен и проникателен, и сказали: так и так. И велели ему пробраться к камню основания, на котором было написано тайное Имя, и записать его на пергаменте, а потом спрятать в своем теле и выйти оттуда. Он так и сделал, вынес его в своем теле и, выучив его, приобрел силу творить все, что пожелает. И вот когда Иешу с молодыми людьми прибыл к царице, царица тотчас же поднялась с места, оказала ему большой почет и воскликнула: благо тебе, да пребудет с тобой Святой дух! Тот-час же явились и мудрецы Израилевы со старейшинами и с Иудой Искариотом. Когда старейшины Израилевы подошли к царице, и Иуда Искариот с ними, встал Иешу напротив них, и они напротив его. И после многих речей и препирательств Иешу воскликнул: "Он (Господь) пошлет с небес и спасет меня! Ныне Он воззвал ко мне, и я взой-

ду к Нему на небо”. Сказав эти слова, взмахнул руками, как орел крыльями, и воспарил над землей. Все люди, видевшие это, пришли в изумление. И весь Израиль поразился этому. Тогда мудрецы сказали Иуде Искарриоту: да поддержит тебя Господь, повергни его, взлети и оскверни его своим семенем, чтобы иссякла вся сила его. Повинуясь их приказу, Иуда тотчас же поднялся в воздух, запачкал и забрызгал злодея своим семяизвержением, отчего тот осквернился и упал на землю. Но вместе с этим он сделал также и другое дело: ибо забрызганный семенем злодей забыл тайное Имя. И когда он осквернил Иешу, то осквернился семенем и сам и следом за ним рухнул на землю. Но мудрецы, зная тайну[произошедшего], никак не выдали себя, но поносили и ругали Иуду Искарриота, и когда вспыхнула распря и ссора, то говорили другим, что Иуда дурно поступил с Иешу”[296].

Такого рода повествования разве не сеяли в евреях ненависть и презрение по отношению к христианам? Подобного рода повествования разве нельзя считать в ряду причин, приводивших к погромам христиан иудеями?[297]

И разве такого рода легенды, когда о них узнают за пределами иудейских общин, не могут быть генератором антисемитизма среди христиан и мусульман? Либеральные борцы с антисемитизмом обычно в качестве позитивной программы предлагают экуме-

низм, “примирение религий”. Но примирение невозможно без отказа от представлений, кажущихся оскорбительными для других. Но что-то не слышал я о том, чтобы кто-то из «борцов с диффамацией» предложил раввинам покаяться в составлении такого рода антихристианских баек...

Блюстители «общечеловеческих ценностей» не замечают поразительных высказываний, распространяемых сегодня в синагогах – «Приложив усилия, еврей может достигнуть более высокого духовного уровня, чем не-еврей... Если бы народам и правительствам дано было видеть истину, они бы поставили полицейского около каждого еврея, чтобы тот заставлял его учить Тору, не поднимая головы! В конце дней понимание этого придет ко всем народам... Мы, евреи, и есть мозг, голова мира, его совесть и рассудок»[298]. «Если бы Израиль в течение всей своей истории не передавал своих знаний народам мира, они бы до сегодняшнего дня были дикарями и жили на деревьях. Народы могут получать свет только через Израиль. Поэтому необходимо полное духовное отделение Израиля от других народов-гоев»[299]. «Еврею связь с Торой дается по рождению, это действительно врожденное преимущество»[300].

А разве нет расистского душка в таком правиле – «Еврейка имеет право кормить нееврейского младенца только тогда, когда она страдает от избытка молока,

и только за плату»[301]? И спрашивает недоумевающий еврей раввина: "Объясните пожалуйста, по каким причинам были приняты следующие запреты: «Еврейке не следует помогать нееврейке при родах, кроме как в случае, когда эта еврейка известна как акушерка – и в этом случае ей это разрешается (чтобы не вызывать вражды к нам), но только за плату и в будний день. И еврейке не следует выкармливать сына нееврейки даже за плату, кроме как в случае, когда у нее слишком много молока и оно доставляет ей страдания: в этом случае ей можно его выкармливать» (см.<http://istok.ru/jews-n-world/Kitsur/167.shtml>)". И слышит в ответ: «Уважаемый Иехуда! Эти ограничения касаются только идолопоклонников. Так поясняет ещё „Кесеф Мишне“ формулировку этого закона РАМБАМом в законах идолопоклонников (10:2). Неевреев не являющихся идолопоклонниками можно лечить за плату, даже если отказ не повлечёт бы за собой негативных для евреев последствий. Однако оказывать ему медицинскую пользу бесплатно – нельзя (разве что мы возвращаемся к истории с угрозой неприятностей, на этот раз за неоказание помощи бесплатно). Ибо существует запрет привечать неевреев (Дварим 7:2). Смысл которого, среди прочего, предотвратить возникновение тёплых, дружеских отношений между евреями и неевреями. А геров (имеется ввиду, гер-тошав, нееврей принявший на себя исполнение семи заповедей для по-

томков Ноаха) лечат и бесплатно. Поскольку мы заповедованы заботиться о них. (Что касается субботы, то запрещено нарушать её ради оказания помощи нееврею, поскольку он не входит в число упомянутых в стихе „и живи ими...“, на котором строится разрешение нарушать субботу ради спасения жизни. Врачи и персонал больниц и т.п. обязаны оказывать помощь в субботу всем обращающимся, без различия национальности, во избежание возникновения вражды к евреям. см. Игрот Моше ОХ 4:79). Еврея (еврейку) идолопоклонника (настоящего) не только нельзя спасать, но заповедь – извести (ША ХМ 425:5). Однако это индивидуальный статус. На ребёнка он, естественно, не распространяется и его надо спасти. Что касается еврейки-идолопоклонницы, упаси Бог, то в известном письме рабейну Йоны РАМБАНу, приводимом Хатам Софером (шут ЙД 131), тот упрекает РАМБАНа в том, что оказав, как врач, помощь роженице нееврейке, он „приумножил семя Амалека“. При этом из разъяснения Хатам Софера следует, что иди речь о нееврейке не являющейся идолопоклонницей, вопрос (помощь была оказана за плату) бы не было. Т.е. нельзя помогать роженице, если в любом случае это не вызовет вражды к евреям и только если она идолопоклонница-нееврейка (семя Амалека)» (<http://www.rabbi.ru/index.asp?id=5654>).

Очень характерно для законов Талмуда это постоянное упоминание об альтернативе: с гоями вести себя

по разному в зависимости от того, узнают ли об этом другие гои или нет, повредит ли это имиджу еврейского народа или нет.

И разве нет расизма в таком установлении – «Если язычник убил язычника или убил еврея, он отвечает, а если еврей убил язычника, он не отвечает... Язычнику запрещено красть, похищать или брать пленницу у язычника или у еврея, еврею же у язычника – не запрещено»[302].

Однако, раввины не советуют красть у язычников, чтобы не породить дурной молвы о евреях и их вере (и потому с точки зрения интересов Израиля как общины «похищение у язычника составляет более тяжкое преступление, нежели похищение у еврея, ибо здесь имеется осквернение Имени Божия»). Пусть на практике будет одинаковое воздержание еврея от воровства как при общении с евреями, так и при общении с не-евреем. Но мотивация этой осторожности все же весьма различна. И проведение такого различия даже в вопросе о воровстве не означает ли закрепление в сознании еврея чувства расового превосходства?

"Еврею не следует уединяться с неевреем или брать его в спутники, отправляясь в дорогу, так как для них человеческая жизнь не имеет большой ценности и потому они всегда подозреваются в склонности к кровопролитию"[303]. Поскольку же неевреи "всегда подозреваются", понятно, что ничего этим гоям доверять

нельзя: ни детей, ни жен: “Кормилице-нееврейке разрешено кормить еврейского младенца только в доме его родителей. В крайнем случае ей разрешается кормить его у себя дома, при условии, что за ней наблюдает кто-нибудь из евреев. Но ни в коем случае ей не оставляют младенца на ночь”[304] ; “Еврейка не должна находиться среди неевреев, даже если с ними присутствуют их жены”[305].

Говорят, что иудаизм – религия не догматов, а мнений. Но среди этих мнений авторитетных иудейских наставников есть одно, которое способно делать иудеев поразительно неотзывчивыми к боли других народов. Не берусь говорить обо всем иудаизме, но во всяком случае несколько иудаистских текстов, попадавших мне в руки, недвусмысленно утверждали, что с точки зрения иудаизма люди – это только евреи.

“У каждого еврея, как праведника, так и грешника, две души, – утверждает один раввинистический трактат. – Одна из них связана со стороной мира, называемой клипа[306] и ситра ахара. Эта душа облекается в кровь человека и оживляет тело. И от нее берут начало все дурные свойства, происходящие от имеющихся в ней четырех элементов. От нее происходят также те добрые свойства, которые от природы присущи каждому еврею, такие как сострадание и помощь ближнему, ибо эта душа, связанная с «обратной стороной», происходит от так называемой клипат но га, в которой

отчасти есть добро и происхождение которой связано с тайной Древа познания добра и зла. Однако души неевреев происходят от остальных, совершенно нечистых клипот, в которых нет добра совершенно, как сказано в книге Эц хаим, врата 49, глава 3: «И все добро, которое творят язычники, творят они лишь ради себя». И как комментирует Гемара выражение «Милосердие народов – грех»: «Все справедливые и милосердные деяния народов мира совершаются лишь из тщеславия»[307]. Вторая душа, отличающая каждого еврея – частица безграничной Сущности Бога свыше. Как сказано: «И Ты вдохнул в ноздри его душу жизни». Души евреев возникли в Божественной мысли..."[308]. Книга этого автора рекомендуется как «классический хасидский текст»[309]

Из этого текста следует, что от того, кто был у древа Познания и в кого была вдохнуто дыхание жизни, произошли лишь евреи. Только они от Адама. А другие люди?

Еще из текста того же иудейского «классика»: “Клипот подразделяются на две ступени, и одна из них выше, а другая ниже первой. Нижняя ступень – это совершенно дурные и нечистые клипот, в которых совсем нет добра. Их влиянию подвергаются и от них исходят души всех других народов и их физическое существование, души всех нечистых и запрещенных в пищу животных и их физическое существование... Но витальная

животная душа в еврее, а также душа чистых животных происходит от второй ступени клипат, клипат нога. В этом мире, называемом мир Асия, преобладающую часть его составляет зло, с которым смешано лишь немного добра. От него происходят добрые наклонности в животной душе еврея»[310].

Так откуда же взялись не-евреи? – «Клипот и ситра ахара названы „иные боги“, так как их питание и их жизненная сила исходят не от категории Лица, а от категории заднего в Кдуша, а выражение „заднего“ означает, что это подобно действию человека, дающего что-либо врагу своему против своего желания. Он бросает это ему как бы через плечо, ибо отворачивает лицо свое от него из-за своей к нему ненависти. Так, наверху категория Лица есть внутренняя сторона Высшей Воли и Его истинное Желание, коим Всевышний желает уделить жизненную силу всему, что близко Ему со стороны Кдуша. Но ситра ахара и нечистота – отвратное для Всевышнего, что Он ненавидит, и Он не уделяет ей жизненной силы от внутренней стороны Своей истинной Воли и Желания, но – как бросающий через плечо врагу своему против своего желания – лишь ради того, чтобы покарать грешников и дать доброе вознаграждение праведникам, покоряющим сторону ситра ахара. И это называется задней стороной Высшего Желания Его»[311].

Или, яснее: «Клипот и ситра ахара называется рвота

и испражнения, как известно»[312]. «От клипа и ситра ахара происходят души народов мира, делающие добро для самоудовлетворения и говорящие „дай, дай“ и „насыть меня“, и потому они называются мертвыми»[313].

В каббалистическом трактате «Зохара» эти же идеи звучат так: «Израилиты принадлежат стороне святости, другие народы – к стороне нечистоты. Израилиты находятся справа, все остальные слева... „Живые индивидуумы“ – это сыны Израиля, которые составляют живую, святую и высшую индивидуальность... „Звери, насекомые и дикие животные“ – это все другие народы, идолопоклонники, которые не являются „живыми индивидуумами“»[314].

Насколько я понимаю, резюме этих размышлений таково: еврейские души происходят от мысли Бога[315], а души не-евреев – от «испражнений».

А вот вывод, к которому пришел исследователь хасидской литературы: «В учениях ранних хасидских авторов о происхождении неевреев и смысле их существования чрезвычайно важную роль играют концепции, которые связывали последних в той или иной мере с силами зла, пребывающими в созданном Богом мире... В произведениях ранних хасидских авторов проповедовалось учение, жестко и безапелляционно разделяющее человечество на „мы“ и „они“. „Мы“ – воплощение добра и света, нравственны и богобо-

язненны; „они“ – порождение недоброго начала, аморальны и безбожны... Хотя хасиды разделяли общепринятые воззрения о демонической природе неевреев, они верили в возможность ее умиротворения и даже полного подчинения своей власти. Будучи рассеянным по всему свету, богоизбранный народ тайно владычествует над человечеством»[316].

Какие же тексты привели его к этим выводам?

Менахем Нохум из Чернобыля утверждал: «Адам вы» – Адамом называетесь вы, но не народы мира... Израиль, народ приближенный, имеет преимущество, ибо есть у него душа высшая (нешама), которая есть часть Божества»[317].

Моше Тейтельбойм: «Требование Господа на Синае было, чтобы именно евреи приняли Тору. Принятие ими Торы даровало жизнь всему миру, ибо души их проистекают из сущности Торы. Души их являются сущностью Торы. Не таковы народы мира. Даже если бы они приняли Тору, то они не даровали бы тем самым жизнь всему миру... Души народов происходят не из Торы»[318].

«По мнению раввина Моше Кордоверо (16 в.) зло возникает в мире дольном вследствие нисхождения в него сил, происходящих со стороны божественного суда. Когда человек вкушает пшеницу, очищенную от всяких вредных примесей, по мере переваривания в желудке из нее выделяются нечистые отбросы. Но допу-

стимо ли говорить, что они изначально присутствовали в доброкачественной пище?.. По мнению наиболее авторитетных хасидских авторов, народы мира являются воплощением такого зла. Поэтому они враждебны евреям и постоянно стремятся совратить их с пути истинного, хотя корень их души и кроется в Боже-стве»[319].

«Те, в ком доброго божественного начала меньше, завидуют и ненавидят тех, в ком его больше; это подвигает их к борьбе против избранного народа. Более низкий уровень происхождения душ, порочная природа ангелов-покровителей и обладание малым по сравнению с евреями количеством искр божественного света делают для народов мира невозможным сравниться с потомками Иакова в святости и духовности, стать приближенными Всевышнего, подобно евреям... В произведениях известных в хасидских кругах каббалистов нередко встречается высказывание о стремлении космических сил зла овладеть шехиной, сущностью, обеспечивающей связь между миром божественным и миром тварным. Именно народы мира являются проводниками этих сил зла. Они пытаются изолировать евреев от от мира горнего и тем самым погубить их»[320].

Даже почитание христианами Девы Марии, Царицы Небесной хасиды истолковывали как попытку переманить к себе Шехину: «с точки зрения хасидских авторов свое влияние на Царицу Небесную народы мира

используют во зло. Они пытаются с ее помощью уничтожить избранный народ, составляющий с Богом единое целое»[321].

«Широко распространены в хасидских произведениях являются также сюжеты об ангелах-покровителях народов мира, которые непрерывно обвиняют евреев перед Творцом и стремятся разлучить Его со своим избранным народом. Эти ангелы исполнены зла и стремятся привить свои дурные качества всему человечеству. При этом каждый из ангелов 70 народов побуждает к своей страсти»[322].

Правда, у евреев есть возможность влиять на этих порочных ангелов: Некий К. Эпштейн полагал, что «Нет возможности у ангелов народов обвинять нас после того как мы приносим в жертву 70 быков, дабы защитить их. Если бы не эти жертвы, не существовали бы они в этом мире»[323].

«Осмысление некоторых храмовых ритуалов и молитв как своеобразного „сакрального подкупа“ враждебных Израилю демонических сил сочеталось у хасидских авторов с представлениями о возможности с помощью этих же священнодействий подчинить силы зла силам добра. Совершая праздничное богослужение, правоверные приобретают власть над ангелами-покровителями народов и над самими народами... Следует отметить, что учение согласно которому спасение от сил зла достигается посредством умиротво-

рения их дарами, было разработано задолго до появления хасидизма. Согласно Зохару, во всех жертвоприношениях совершающихся в Иерусалимском Храме, присутствовала часть, предназначенная для сил тьмы. Страдания Иова объясняются авторами этой книги тем, что он совершенно удалился от зла и не отделял ему причитающуюся долю при богослужении. В Зохаре говорится также, что после разрушения Храма следует умиротворять темные силы, мысленно посылая им блага при вечерней молитве»[324]

Если же еврей соблюдает все законы и среди своих жертв приносит жертвы порочным ангелам, то у цадиков появляется власть над ангелами народов, а, значит, и судьбами язычников – «Такое положение вещей обязывало праведников осуществлять надзор за политической жизнью инородцев и направлять ее в благоприятное для потомков Иакова русло. Согласно хасидским преданиям, Дов Бер из Межирича и Пинхас Корец специально встречались для того, чтобы решить вопрос о том, кто из польских вельмож будет избран королем. Бешт определял, кому должна принадлежать победа в войне между православными и турками»[325].

О том, что враждебные нелюди окружают еврея, он должен помнить всегда. Даже его добрые поступки среди своих мотиваций имеют мотивацию все той же ненависти: «Всякий злой помысел придает жизнь, Боже упаси, семи великим народам... Когда помыслишь

о любви преступной, тем самым придашь силу жизни Ишмаэлю и всей мерзости его вместе с ним», – пишет некий хасидский наставник[326]. А раввин Элимелех из Лежайска говорит, что «евреи могут вызвать ненависть Творца к народам мира тем, что избегают безделья и лени... дабы снизошла ненависть на народы»[327].

Раби Кука, главный раввин евреев-ашкенази с 1921 по 1935 г.: «Различие между душой израильянина и душами тех, кто не является иудеем, более велико и глубоко, нежели различие между душой человека и душой животных; различие между двумя последними носит количественный характер, а между двумя первыми – качественный»[328].

И именно в раввинистической литературе родилась игра слов: «Синай – сина» (сина – ненависть)...

Поэтому в иудейских текстах так много высказываний, в которых вместо ожидаемого слова «человек» стоит слово «еврей»: «У всех один Отец, поэтому все евреи названы братьями»[329]. «Вопрос: Что нужно делать еще? Ответ: Любить каждого еврея. Вопрос: Нужно любить и нерелигиозных? Ответ: Да, потому что они тоже созданы по образу и подобию Всевышнего»[330]. «Человек может казаться ничтожным, но в корне и источнике своем душа его велика. Это основание для того, чтобы любить любого еврея»[331]... Впервые же это странное словоупотребление кольнуло меня, когда главный раввин по Днепропетровской

области (хасид) в передаче «Ныне» 29 октября 1994 стал сыпать фразами: "Любавичский ребе учил, что «для Бога равны все евреи». «Люби еврея как самого себя». «Каждый еврей – это вселенная». Ни разу он не сказал о любви к людям как таковым. Каждый раз, когда светский гуманист или христианский проповедник сказал бы «человек», раввин поминал лишь о евреях.

А вот еще подобно сужение – уже из детского хасидского журнала: «Любавичский Ребе говорит, что „работа“, для которой еврейский народ был отправлен в изгнание, завершена. Наше поколение ждет прихода Мошиаха уже сегодня... Одной из самых важных заповедей Торы является Цдока – Помощь нуждающимся. Помогать следует любому человеку... Поставь коробочку. Она будет напоминать тебе о Цдоке. Когда коробочка наполнится, отдай ее содержимое знакомому еврею, которору, как тебе известно, нужны деньги»[332].

Эти речевые странности становятся логичными, если знать подробности иудейского учения о человеке (точнее – о людях и о недочеловеках). Например, станет понятней болезненно-возмущенная реакция иудейских публицистов на горькие слова папы Иоанна-Павла 2, назвавшего аборт, миллионами уничтожающие детей во чреве матери, «холокостом»[333].

Станет понятней и возмущенная реакция европейской либеральной журналистики на труд Стефана Кур-

ту «Черная книга коммунизма»[334]. В этой книге перечисляются преступления коммунистических режимов в разных странах мира и делается вывод о том, что преступления коммунистов были не меньше преступлений нацистов. Сама попытка сравнить преступления фашистов против еврейского народа с преступлениями коммунистов против других народов была воспринята как кощунство. Евреи вне сравнения даже в своих страданиях. Нельзя сравнивать страдания тех, кто являются частичками Божества, со страданиями тех, чьи души вышли из мира испражнений.

Станет понятнее, почему Мэла Гибсона начали обвинять в антисемитизме после его фильма «Патриот»: ключевая сцена фильма – сожжение американского городка карательным английским отрядом. Все население города загоняется в храм и там сжигается.... В чем антисемитизм? – Да в том, что такая сцена мешает приватизации статуса абсолютной и уникально-единственной жертвы. В сознании населения должно остаться, что только евреи – всегдашняя и уникальная жертва. Холокост был только с ними. А потому упоминание о массовом и тотальном избиении других невинных надо бы изъять из людской памяти. Гибсон же этому помешал. Значит – антисемит...

Станет понятнее заявление израильского премьер-министра Б. Нетаньяху 14 декабря 1998 г., о том, что он оскорблен высказыванием Билли Клинто-

на. Американский президент во время визита в Израиль и палестинскую автономию заявил, что для него боль арабских детей, чьи отцы убиты израильской полицией, не меньше, чем боль еврейских детей, убитых арабскими террористами... Это уравнение евреев и арабов возмутило израильского премьера. И в самом деле, если стоять на позициях иудаизма, то как же можно сопоставлять боль тех, кто носит в себе “частичку Бога”, и тех, чьи души происходят из “мира нечистот”...

Понятнее выглядит и замечание св. Филарета Московского, который предлагал при устройстве еврейских школ в Российской Империи смотреть за тем, чтобы «учение было преимущественно библейское, а не талмудическое, и чтобы человеконенавистническими и зловредными правилами, которыми евреи напоевали детей своих доныне, возрастающее их поколение не заражалось»[335].

Если знать о мнении талмудических мудрецов о неевреях, то будет понятна характеристика, которую прот. Сергей Булгаков дал германскому нацизму: «завистливая пародия на еврейский расизм»[336].

Это знание поможет понять и строки Владимира Соловьева: “Взаимные отношения иудейства и христианства в течение многих веков их совместной жизни представляют одно замечательное обстоятельство. Иудеи всегда и везде смотрели на христианство и по-

ступали относительно его согласно предписаниям своей религии, по своей вере и по своему закону. Иудеи всегда относились к нам по-иудейски; мы же, христиане, напротив, доселе не научились относиться к иудейству по-христиански. Они никогда не нарушали относительно нас своего религиозного закона, мы же постоянно нарушали и нарушаем относительно них заповеди христианской религии. Если иудейский закон дурен, то их упорная верность этому дурному закону есть конечно явление печальное. Но если худо быть верным дурному закону, то еще гораздо хуже быть неверным закону хорошему, заповеди безусловно совершенной”[337].

Пример “законного” иудейского отношения к христианам виден из рассказа Моисея Альтмана о воспитании, полученном им: “Вообще русские у евреев не считались “людьми”. Русских мальчиков и девушек прозывали “шейгец” или “шикса”, т. е. “нечистью”[338]... Для русских была даже особая номенклатура: он не ел, а жрал, не пил, а впивался, не спал, а дрыхал, даже не умирал, и издыхал. У русского, конечно, не было души... Уже будучи в первом классе гимназии, я сказал отцу, что в прочитанном мною рассказе капитан умер, а ведь капитан не был евреем, так надо было написать “издох”, а не “умер”. Но отец опасливо меня предостерег, чтобы я с такими поправками в гимназии не выступал... Христа бабушка называла не иначе как “мамзер”

— незаконнорожденный... А когда однажды был крестный ход и носили кресты и иконы, бабушка спешно накрыла меня платком: “чтоб твои светлые глаза не видели эту нечисть”[339].

А вот еще маленький отблеск этих воззрений в обыкновенной, повседневной жизни. Сидней Хук, известный американский еврейский интеллектуал, как-то в детстве спросил своего учителя о несправедливости, причиненной Иаковом Исаву. Учитель ответил: «Что это за вопрос? Исав был животным»[340].

Так неужели эта многовековая традиция воспитания евреев в духе превознесенности над неевреями (гоями) не должна быть учитываема при анализе истории антисемитизма, равно как и при размышлениях о сегодняшнем поведении некоторых еврейских журналистов и политиков в России? Господа вроде Ромера (это он — про «ХХСы») являются ли просто хамами по своему личному почину, или к хамству при виде нееврейских святынь они приучены своей национальной средой, во многих поколениях прививавшей евреям презрительное отношение к гоям с их “авода зара”[341]?

И точно ли все тут в прошлом?

Вот, например Александр Зорин в статье, посвященной гневному обличению русского фашизма, повествует, что была у него как-то такая беседа с одним из русских богословов: “А может быть, Меня убили свои? — вкрадчиво произнес он, когда мы остались с ним на-

едине. – Кто свои, кого выимеете ввиду? – Евреи. – У евреев такие методы не практикуются, – возразил я профессору богословия”[342].

Прекрасный пример расизма: возвеличивания группы людей по национальному признаку. С точки зрения фактической этот ответ глуп.

Политические убийства, устраняющие фигуры, которые кто-то счел опасными, есть, к сожалению, в истории всех народов, в том числе и еврейского (вспомним убийство израильского премьера И. Рабина иудейским фанатиком 4 ноября 1995 года)... Была известна и террористическая организация, называвшаяся «Лига защиты евреев». В частности, «лига пыталась бомбардировать штаб-квартиру Объединенных наций. Беспилотный самолет, управляемый по радио мог бы подняться с территории США и разбомбить здание ООН. Эта безумная идея родилась в головах боссов лиги, которые оказались неспособны осуществить ее только из-за недостатка технических знаний и своевременного вмешательства полиции»[343]. «Сионисты первыми превратили государственный терроризм в массовую технологию. Многие арабские деятели, даже лояльные к Израилю, были убиты „письмом-бомбой“. В 1983 г. Яков Элиав, командир спецгруппы „Лехи“ („Суровая бригада“), входящей в соединение террористов под командой Ицхака Шамира, издал книгу мемуаров, в которой говорит, что „письмо-бомбу“ изобрел он. 70

таких бомб было изготовлено в конвертах правительственной почты Великобритании для отправки всем членам ее совета министров, лидерам оппозиции и ряду военачальников. На конвертах был штамп „Лично. Секретно“ – чтобы письмо распечатал сам адресат. В июне 1947 г. Элиав был арестован бельгийской полицией, а письма-бомбы перехвачены. Их производство было налажено потом, в 50-е годы, уже в Израиле. Вообще методы сионистов при создании государства Израиль – мрачная страница истории. Чего стоят хотя бы виселицы с заложниками-англичанами или убийство посредника ООН Фолька Бернадотта. И ведь это был принципиальный и открытый выбор, ни о каком смущении нет и речи. Командир той группы, что убила Бернадотта, недавний премьер-министр Израиля Ицхак Шамир, заявил в 1943 г.: „Ни еврейская мораль, ни еврейская традиция не исключают терроризма как средства борьбы“. Терроризм отказался осудить и первый президент Израиля Хаим Вейцман, и первый премьер-министр Бен-Гурион (его близкий друг признался ему, что принимал участие в убийстве Бернадотта, но премьер-министр сохранил это в тайне). Мир помнит, как ставили и решали сионисты, например, земельный вопрос в Палестине. Вот данные из доклада на конференции католического центра „Семинария мира“ (Испания): только за три месяца, с декабря 1947 по февраль 1948 г. сионисты организовали более двух

тысяч вооруженных нападений на арабские деревни, чтобы согнать палестинцев с земли. Террористы из отряда „Иргун“ вырезали всех до одного жителей деревни Деир Яссин, включая грудных детей. Более 70 процентов целого народа (палестинских арабов) бросили свои дома и бежали. Этот сионизм – в прошлом? Но ведь совсем недавно командир того отряда „Иргун“ М.Бегин был премьер-министром Израиля! Об этом редкостном в мировой культуре признании терроризма как морально приемлемого средства борьбы политическим движением, которое находится у власти, писал в 1981 г. видный духовный лидер еврейства Исайя Берлин»[344].

Даже каббалистическая магия в умелых руках превращается в орудие расправы с негодными людьми (или мыслится таковым средством):

«“Пульса де нура” или “удар огнем” – это очень старый религиозный обряд проклятия, приводящий, как принято считать, к неременной смерти того, против кого он направлен. Через две недели против того, как против Ицхака Рабина был проведен этот обряд, Игал Амир смертельно ранил премьера»[345]. "Председатель движения «Беад Арцейну» («За Родину») Авром Шмулевич прокомментировал проведенный в минувшую пятницу 22 июля 2005 израильскими раввинами каббалистический обряд проклятия премьер-министра Израиля Ариэля Шарона. Раввин Авром Шмуле-

вич подтвердил, что практическая Каббала имеет в своём арсенале несколько обрядов смертельных проклятий и «Пульса де-Нура» – один из них. Участники такого обряда не призывают к каким-либо практическим действиям, но обращаются напрямую к Всевышнему с просьбой ускорить свой суд. Гнев Всевышнего призывается на грешника, действия которого угрожают жизни евреев или Израиля. Лидер движения «За Родину» отметил, что Йосеф Даян – знающий раввин-каббалист и автор книги о «Пульса де-Нура»[346]. Однако раввин А. Шмулевич особо подчеркнул, что практическая Каббала всячески осуждает какое-либо афиширование обрядов, подобных «Удару Огня». Известно, что члены гиперсионистского движения «Бead арцейну», выступающего за естественные границы Израиля «от Нила до Евфрата» и «возвращение в жизнь старинных еврейских обрядов» под руководством раввина А. Шмулевича неоднократно проводили ритуалы, подобные Пульса де-Нура. Так, 16 февраля этого года члены движения провели в Хевроне ритуальное повешение «сыновей Амана» (министра персидского царя Артаксеркса, заклятого врага евреев). Целью обряда являлось призывание «малхей-хабала», ангелов-мучителей, с тем, чтобы они покарали врагов еврейского народа. Ранее Авром Шмулевич проклинал лидера движения «Хезболлах» шейха Насраллу, а премьер-министр Израиля Рабин, первым заключив-

ший с Арафатом соглашение об отдаче территорий Иудеи, Самарии и Газы, был убит через сорок дней после проведения каббалистического обряда проклятия «Пульса де-Нура». За несколько месяцев до смерти Арафата «Бead Арцейну» также наложила на него заклятие"[347].

А вот с точки зрения нравственной – ответ Зорина еще и просто бессовестен. Ведь если убийства инакомыслящих существуют, но именно “у евреев такие методы не практикуются”, значит они практикуются у других народов. У не-евреев[348]. Значит, есть какие-то специфические преступления, свойственные одним нациям и несвойственные другим... Ну, а если я подхвачу аргумент Зорина, и скажу: “хорошо, хорошо, евреи не совершают политических убийств, зато русские никогда не балуются с фальшивыми авизо!”. Хотя бы в этом случае гнилость зоринского аргумента станет очевидной?

Есть ли не-расистские тексты в классическом иудейском наследии и в творчестве современных еврейских публицистов? – Конечно, есть. Но ведь есть и эти. И есть довольно наглая практика не замечать их при разговоре с гоями, отрицать и обвинять в расизме тех, кто посмел заметить в этих наставлениях расистский дух. Стоило мне коснуться этой темы – и в ответ: «Вся книга диакона – сплошная ложь, пропитанная желчью и ядом»[349]. Или: “Янова: О каком складе миросозна-

ния у евреев говорит диакон Андрей Кураев? – Каждая: Он, основываясь на Библии, толкуя по-своему Библию, выхватывая из нее цитаты, утверждает, доказывает, что евреи считают себя лучше всех, выше всех, и все остальные народы они считают своими врагами, и все остальные народы, которые существуют вообще на планете, должны стать рабами евреев»[350]. Мой критик предпочел не заметить, что, говоря о расистских мотивах в иудаизме, я “выхватываю цитаты” не из Библии, а из современных иудейских вероучительных изданий.

Авторитетное позволение на ложь у апологетов иудаизма имеется: «Евреи Марокко, принуждаемые к отказу от своей веры и принятию ислама, обратились к Маймониду с вопросом: что делать? Он посоветовал им в случае крайней опасности, повторять слова, произнесения которых требовали от них мусульмане. Маймонид пояснил, что эти слова останутся лишеными всякого значения, если их сердца будут по прежнему верны иудаизму»[351].

Честнее сказал Наум Коржавин в стихотворении «Сплетения»:

Быть может, сызмальства старея,
Закон неизбывно блюдя,
Молился б я Богу Евреев,
К неизбранным лишь снисходя.

Их жизни презрев равнодушно,
Их болью болеть не спеша...

... О Господи! Как это скучно!
И как с этим гложет душа!

Пока же Израиль не наложит запрет на свой собственный национализм – нет у него нравственного права осуждать национализм иных народов. Слишком уж огромное бревно торчит из его собственного глаза – чтобы он имел право говорить о сучках и занозах у других.

И еще знание о расистских текстах в иудейской традиции позволяет понять, откуда же берется столь странный публицистический штамп – «животный антисемитизм». Неужели и у животных евреи подметили признаки антисемитизма? Где те собаки, что громче лают на евреев, чем на немцев? Какие такие козлы становятся бодливее при виде евреев, а не русских? Неужто дельфины сторонятся еврейских дрессировщиков? Неужто тигры прочитали «Шулхан Арух» и «неправильно» его поняли?

Но поди ж ты – из статьи в статью кочует: «у Кураева поистине палеозоологический антисемитизм»[352]; «зоологический антисемит и православный демагог Кураев»[353].

А может ли антисемитизм быть не «животным», не

«зоологическим», не «клиническим»? Никто ведь, кажется, не говорит, что каждый, кто не симпатизирует исламу или синтоизму, есть «животное» и «скотина».

Но любой человек, несимпатичный евреям, тут же расчеловечивается под их пером и превращается в скота.

Вот А. Будберг из “Московского комсомольца” своих оппонентов вообще за людей не считает: “Становиться на четвереньки гораздо проще, чем постараться подняться. Недаром ведь люди, которые оказываются в обезьяньей стае, моментально превращаются в бабуинов. Но еще ни одна обезьяна ни в каком городе не превратилась в человека. Для этого, как правило, требуются миллионы лет. Или очень крепкий удар, как его получили немцы в 45-м”[354]. В статье, направленной против национализма, целая нация обзывается обезьянами-недочеловеками...

Так где же расизм более устойчив – у немцев, или у Будберга, по сию пору обзывающего немцев обезьянами? И кто это “обезьянами” тут обзывается? Так кто же делает антисемитами?..

Но обезьяна-антисемит – это еще далеко не предельное оскорбление, на которое способный культурные еврейские полемисты. Очередной пропагандистский кульбит состоит в следующем:

Христиане в порядке толерантного перевоспитания должны изъять из Евангелия слова Христа, пред-

ставляющие иудеев как «сборище сатанинское». Но еврейская публицистика своих оппонентов и сегодня готова демонизировать.

Иегуда Л. Пинскнер еще в 1882 сказал: «мы рассматриваем юдофобию как особую наследственную дьяволоболезнь (демонопатию) человеческого рода»[355].

«За окнами проплывала Галилея... Друг мой! Сердце мое переполнялось любовью к этой древней земле... О, я почти наверное знаю, какую печать оттиснут на моей любви многие из наших с тобой братьев-православных! У них давным-давно заготовлено для меня расхожее клеймо: жидо-масон. Тебе известно, как они меня честят в своих изданиях – дьякон Кураев и вся его Ко, имя же ей – легион. Увы. В нашем с тобой Отечестве образовался целый мир несчастных, отравленных лютой злобой людей, именующих себя православными христианами. От их православия хочется бежать, сломя голову, и кричать: чур меня! А встанешь с ними в ряд – будешь, будто цепной пес, ненавидеть евреев, грызть протестантов, плевать в католиков и всяческими клеветами и поношениями при поддержке сильных мира сего вытравливать из России всякого, кого тошнит от их любимой застольной песни, как еврейские дети мучили маленького Христа. Иногда мне кажется, что это дьявол обморочил их»[356].

Прекрасный образец пропагандистской дебилиза-

ции и демонизации оппонента!

Ну – где именно я и "вся его Ко " честили Нежного жидо-масоном?

И при чем тут любовь к Галилее? Это земля, дорогая для любого христианина и признание паломника в этой любви никого не может смутить в православной среде.

И кого же это власти современной России вытравили из страны за неверие в то, «как еврейские дети мучили маленького Христа»? И кто вообще из православных христиан верит в эту «песню»? В Евангелиях и творениях Отцов Церкви нет ничего подобного, а апокрифическое «евангелие детства Иисуса» именно потому, что оно апокрифично, запрещено Церковью и распространяется как раз нецерковными и антицерковными издательствами.

Но главное, конечно – евангельская цитата «имя им легион», описание признаков бесноватости («грызть и плевать»), и прямое обвинение в дьявольском мороке. Получается очень толератно: любите нас, а иначе вы скоты и бесноватые!

«Книгу Кураева можно разбирать главу за главой, страницу за страницей – везде ложь, передергивания, подтасовки. Она подобно тлетворному анчару. К несчастью, слово иногда попадает вначале к дьяволу, точнее, к дьяволятам. В известном смысле дьяволята даже опаснее для рода человеческого, ибо они расчищают дорогу дьяволу, заражая вирусом безумия до-

толе богобоязненных, добропорядочных людей. И когда слово, наконец, оказывается в руках дьявола, начинает литься кровь. Этих неумных дьяволят разве-лось нынче тьма-тьмущая, как навозных мух в доме, где перестали убирать нечистоты. Они (навозные мухи) зудят в ухо, гадят в пищу и распространяют во-круг себя заразу. Так что, будем ждать, пока начнет-ся эпидемия, или позаботимся о чистоте в родном до-ме?»[357].

Ну, какими средствами евреи могут заботиться о чи-стоте «в родном доме», мы видели на примере персид-ского Пурима. Кто не превозносит евреев – тот анти-семит. А антисемитизм есть признак принадлежности к потомкам амалекитянин. А с Амаликом у нас война. В средствах можно не разбираться.

Тем более, что речь идет всего лишь о санации – о скотах, бесах и безумцах: «юдофобское безумие Ан-дрея Кураева»[358] ; “диакон в своем воспаленном антисемитизмом мозгу... только больной человек мо-жет фантазировать с подобным отчаянным упоени-ем... Объяснить это я могу только одним: помрачени-ем мозгов. Он, несомненно, болен. Болезнь эта назы-вается ксенофобией... вирус безумия... в своей совер-шенно патологической юдофобии”[359] «человек или с очень пониженным уровнем совести, или с очень по-вышенной температурой мозга»[360] «такие вот „диа-коны“ с явно шизофреническим поведением и идея-

ми»[361].

Моей болезни “Еврейская газета” дала имя: “ксенофобия”. Что ж, если меня называли больным и даже называли диагноз – неплохо узнать, что же у меня за болезнь завелась такая. “Энциклопедический словарь медицинских терминов”, равно как и обычный энциклопедический словарь утверждают, что “ксенофобия – боязнь незнакомых лиц”[362], “навязчивый страх перед чужими лицами”[363]. Поскольку работать мне приходится миссионером, то такая болезнь была бы несовместима с моей работой. Еженедельно мне нужно выезжать в новые города; почти ежедневно мне приходится входить в незнакомые аудитории, встречаться с новыми лицами, причем зачастую заведомо недружественно настроенными по отношению ко мне и той Церкви, о которой я рассказываю... Честное слово, никакого “навязчивого страха” я при этом не испытываю.

Закрытие дискуссии через перевод ее из содержательного (например, исторического) ракурса в психиатрический – это хорошо известный метод советских апологетов. В советские годы тоже считалось, что только патологически больной человек думать иначе, чем нужно. Вместо дискуссии тогда предлагалась психушка. Так почему же еврейская пресса так любит и сегодня говорить о том, что антисемитизм (определяемый ею на свой вкус) есть именно болезнь?

А помните ли, кто ввел в советскую репрессивную

практику карательную медицину? – Правильно, Ю. В. Андропов, любимец “либеральной интеллигенции”. По чистой случайности – человек, не чуждый того народа, во имя интересов которого меня сейчас объявляют психически больным. Фамилия матери Андропова – Пайнштейн... Может, поэтому московские “либералы” так радовались избранию главного чекиста СССР в генсеки?

Мне действительно не нравится, что, с точки зрения иудаизма, я – недочеловек, созданный из мира каббалистических “отбросов”. Но утверждать на этом основании, будто я болен ксенофобией и распространяю “человеконенавистнические бредни” (это уже из статьи Д. Матвеева), можно лишь при одном условии: если исходить из аксиомы, что люди – это только евреи, а все, кто в чем-то несогласен с ними, уже самим фактом своего несогласия подписывает себе не то приговор, не то диагноз... Да, кстати, если я отвергаю ненависть, направленную на меня как на не-еврея, разве из этого следует, что я страдаю (брежу) ненавистью к евреям? И почему высказывания Новодворской о русском народе (гораздо более резкие, чем мои о еврейском) оппонирующие мне издания и авторы не называли “человеконенавистническими”?

Впрочем, из вышеприведенной иудейской антропологии вытекает, что и филосемитизм не-евреев тоже может быть только «животным»: гой, с любовью и по-

литкорректностью отзывающийся о евреях, все равно остается гоем. Но все же приятней иметь дело с домашней хорошо дрессированной собачонкой, чем с бродячим псом.

Можно ли не праздновать 8 марта?

Недоверчивость является одной из христианских добродетелей. Верить без проверки можно только матери-церкви. А в остальном христианин должен быть недоверчив. Ему не стоит стесняться задавать детские вопросы: «Дяденька, а что это вы делаете? Тетенька, а куда это вы меня ведете?».

Попадая во внехрамовое пространство, важно осмотреться и поинтересоваться – куда же ты попал. Тебя зовут: «возьмемся за руки и попляшем!». Но вдруг плясать придется вокруг идола? Там, где ты пляшешь, нет ничьих костей? Может, ты по святыне топчешься?

У христиан не принято, не зная броду, соваться в воду. Иначе можно попасть в историю, подобную той, что произошла во времена правления императора Юлиана Отступника.

Юлиан правил уже после Константина Великого, после обращения большей части Империи в христианство. Однако, новый император решил повернуть назад. В качестве одного из средств своей политики Юлиан избрал замаскированную издевку над христианами. «По древнему обычаю, раздавая деньги полкам, он садился на царском троне и при этом случае, про-

тив обыкновения, поставил подле своего места наполненную горящими углями кадилъницу, а на столе ладан с повелением, чтобы каждый шедший за деньгами сперва клал в кадилъницу несколько ладану, а потом уже подходил для получения денег из рук его. Большая часть войска, по совершенному неведению, вдалась в тот обман, но проведавшие о нем предварительно притворились больными и избежали столь опасной ловли. Иные же по страсти к деньгам пренебрегли о своем спасении или, боясь царя, изменяли благочестию. После этой губельной раздачи денег несколько воинов из числа получивших золото пировали за одним столом. Кто-то из них, принимая чашу с вином, прежде чем выпить, положил на ней спасительное знамение креста, но другой пировавший укорил его и сказал, что это противно недавнему его поступку. Что же сделал я противное? – спросил тот. А этот напомнил ему о кадилънице и ладане, о бывшем отречении и сказал, что подобные вещи противны исповеданию христианства. Услышав это, весьма многие из пировавших вскрикнули от ужаса и возрыдали, и, оставив пир, побежали через площадь и кричали, что они – христиане, что они обмануты хитростью царя. С подобными воплями скоро прибежали они ко дворцу и, громко жалуюсь, на хитрость тирана, просили предать себя сожжению, чтобы, осквернившись огнем, очиститься посредством другого огня” (Феодорит. Церковная история. 3,16-17).

Как видим, для христианина бывает полезно полюбопытствовать – а что же там, за занавесочкой.

Порой, кстати, занавеской оказывается то, что издавдалека казалось последней реальностью, просто-таки стеной, за которой уже ничего не таится. И хотя декоратор клянется и божится, что это не декорация, а самая что ни на есть действительность, вдруг какая-то деталька лишает его заверения всякой основательности.

Несколько таких деталек, попавшись мне на глаза, заставили повнимательнее присмотреться к празднику 8 марта. Присмотреться – и задаться вопросом: а что мы, собственно, делаем 8 Марта? Действительно ли это празднование вполне нейтрально к нашим религиозным принципам?

В религиоведении и в культурологии есть такой жанр работы: мифологическая реконструкция. Как археолог по обломку колонны пытается восстановить вид храма, как палеозоолог по позвонку пробует восстановить облик динозавра, так историк религии по жесту, по обрывку, по глухому упоминанию пробует реконструировать то верование, которое некогда было живо и определяло судьбы людей, а затем захирело и ушло. Вот есть некий гимн, есть странное имя некоего духа или божества. Но что это за божество, почему именно к нему обратился именно в этой ситуации именно этот человек? Что для него означала эта молитва? Какой долж-

на была быть его вселенная, чтобы в ней эти странные слова оказались бы исполнены смысла? В религии и в культуре нет бессмысленных вещей – а потому при знакомстве с любой религией и культурой надо понять или реконструировать смысл встретившейся детали.

Таким осколочком, позвонком от динозавра дошло до наших дней празднование 8 марта. Что стоит за этой традицией? Почему она так живуча, несмотря на то, что родом она из той поры, которую сегодня принято ругать? Поскольку празднование 8 марта – едва ли не единственная косточка от советского динозавра, оставшаяся до сих пор, уже это вызывает вопросы: почему именно она выжила из советской эпохи?

Какие верования, ассоциации, мысли и надежды связывались с этой датой в те дни, когда празднование 8 марта было не традицией, а неслыханной новизной?

Мы знаем об истории и обосновании всех советских праздников – кроме 8 марта. Мы знаем историю празднования 7 ноября. Мы знаем миф, объясняющий 1 мая... Впрочем, уже здесь звучит первый тревожный звоночек. Для людей, не знающих религиозной истории Западной Европы, та версия, что увязывает выбор даты 1 мая с чикагской демонстрацией, понятна и ясна. Но поставим вопрос: а кроме чикагских событий, не был ли еще чем-нибудь замечен день 1 мая для христианских народов? И поскольку мы интересуемся не светской историей, а религиозной, уточним вопрос:

а были ли какие-то смыслы уже связаны, сассоциированы с первым мая и были ли они религиозными? И мы заметим, как уже здесь начинается игра теней.

Оказывается, по католическому календарю, 1 мая – это день воспоминания Нагорной проповеди Спасителя. Так не является ли наложение Дня пролетарской борьбы на 1 мая сознательным вызовом Евангелию? Не есть ли 1 мая в сознании революционеров некая альтернатива Нагорной проповеди? Вместо любви – призыв к классовой ненависти. Вместо единения в духе – солидарность в борьбе за зарплату. Демонстрация 1 мая не есть ли антитеза крестному ходу? Ясного ответа здесь, конечно, нет.

Но ситуация становится еще более неоднозначной, если вспомним, что, как ни молодо празднование 1 мая в качестве революционного праздника, однако и католическое празднование его в качестве дня Нагорной проповеди также является относительно недавней новацией. В Средние Века 1 мая праздновалась память св. Вальпургии. Это и есть та самая «вальпургиева ночь», которая, согласно «теневым», фольклорным представлениям германцев, собирала на шабашах ведьм. Чтобы противостоять этим антихристианским шабашам и верованиям, католическая церковь решила увязать дату первого мая с другими воспоминаниями – с евангельскими. А чуть позже Интернационал по сути вновь наделил 1 мая ассоциациями нехристиан-

скими и разрушительно-демоническими.

Как видим, 1 мая разные люди могут поздравлять своих друзей «с праздником» с совершенно разными подтекстами. Для кого-то это праздник языческого разгула, для кого-то это праздник разгула революционного, для кого-то – праздник Нагорного Света.

Одно и то же слово, сказанное в один тот же день, оказывается, может пониматься совершенно по-разному. Поздравляя друг друга – люди на деле с разными праздниками поздравляют в один и тот же день. И прежде, чем ответить на поздравление, надо поинтересоваться – кто же тебя поздравляет, чтобы, исходя из этого, предположить – с чем именно он поздравляет. Вспомним эпизод из фильма «Подвиг разведчика»: «За победу! – За нашу победу!»

Без такого рода интереса к мотивам организаторов может сложиться ситуация, при которой одни люди (статисты, приглашенные на праздник) отмечают одно, а другие (инициаторы) празднуют нечто совсем иное? Может быть, зачинщики решили не разглашать тайну своей радости? Мол, радость у нас большая, и мы не против того, чтобы весь мир нас поздравлял с этим днем. Но у нас свой, очень частный и не всем понятный повод для праздника, а праздник мы хотим вселенский, и вот для того, чтобы весь мир искренне веселился и искренне нас поздравлял – мы дадим ему другое, профанно-экзотерическое толкование праздника.

По поводу Первого Мая была официальная советская версия, поясняющая, почему именно рабочие день своей революционной солидарности празднуют именно первого мая, а не второго. О том, что это еще и «вальпургиева ночь», предпочитали не упоминать.

Но если мы обращаемся к 8 марта, здесь такой двусмысленности просто нет. Потому что не было официально-школьной общеизвестной и общенавязанной версии – почему была выбрана именно эта дата.

На вопрос «почему мы празднуем именно этот день?» чаще всего отвечали: «так сложилось», «так установилось». Но меня всегда настораживают безличностные обороты. Помните, как советские экскурсоводы нам говорили о храмах: «этот памятник архитектуры до наших дней не сохранился». Вот так вот взял и не сохранился, очевидно, в знак протеста против рабочей крестьянской власти.

Так может, все же обойдемся без безличностных выражений? Сами собой праздники не появляются. Их вводят конкретные, живые люди. Так кто же приучил нас праздновать 8 марта? Кто и зачем? Можем ли мы реконструировать и понять мотивы этих людей?

В науке прежде, чем высказать свои, новые гипотезы, нужно показать – почему именно исследователь не удовлетворился наличными теориями по исследуемой им теме. Так и я прежде поясню – какие толкования, объясняющие происхождение и смысл празднования 8

марта, я не могу принять.

Например, я не могу принять, что это праздник весны. День весны естественно было бы праздновать или 1 марта или в первое мартовское воскресенье. В наших широтах лучше праздновать наступление весны 1 апреля, либо в день весеннего равноденствия 22 марта. Но почему же весна должна наступать именно 8 марта? – Непонятно.

Это не день весны, а день женщины? Но опять – отчего же его нужно праздновать именно 8 марта. День женщины можно было бы праздновать в любое из воскресений весны. Но почему же было выбрано именно 8 число марта? Нет-нет, пояснял я, я не против празднования женского дня, не против того, чтобы начало весны знаменовалось светским праздником, а не только церковной масляницей. Но почему именно 8 марта было избрано для такого праздника?

Всем известно, что 8 марта – «Международный женский день». Также всем известно, что женщины живут во всех странах. Кроме того, почти всем за последние годы стало известно, что 8 марта отмечали только в СССР. Почему же женщины остальных стран его не отмечали? У румын, болгар и сербов есть свои праздники весны, они надевают красно-белые нитки, шарики, цветочки на свои одежды – мартинцы и марцишоры. Но происходит-то это как раз 1 марта. И это несомненный отголосок древнеязыческих празднеств в

честь расцветающей земли. Однако 8 марта и они не празднуют. Значит, это был не день женщины как женщины. В этот день надлежало прославлять женщин с определенными качествами. И эти качества почему-то не очень ценились в других странах.

Причина этой странности очевидна: 8 марта – не день женщины, а праздник определенного типа женщин, день женщины-революционерки[364]. И потому в тех странах, где революционная волна начала XX века захлебнулась, празднование Революционерки не прижилось.

Впрочем, и особо значимых революционных событий именно 8 марта не происходило. Ни официальная историография, ни народные предания не сохранили ничего о каком-либо событии, которое некогда произошло именно 8 марта, и оказалось столь значимо и памятно для пламенных революционеров, что они решили хранить в веках память об этом дне. Более того, оказывается, и день-то не так уж дорог инициаторам этого празднования.

В 1910 году 2-я международная конференции социалисток в Копенгагене, установившая день революционерки (Клара Цеткин: «Я тогда имела определенное намерение, создать день революционной мобилизации широких женских масс...») ничего не говорит о конкретной дате, оставляя выбор за отдельными странами: «...В каждой стране организовывать, по соглаше-

нию с политическими рабочими партиями и профессиональными организациями, специальный Женский день...»[365].

Первый Международный женский день отмечался в 1911 году в Германии, Австрии, Дании и Швейцарии 19 марта. В 1912-м он проходил в тех же странах, но 12 мая. В 1913-м получился полный разнобой: в Германии отмечали 12 марта, в Австрии, Чехии, Венгрии, Швейцарии, Голландии – 9 марта, во Франции и России – 2 марта. Это было связано с чисто организационными трудностями. И только в 1914 году впервые повсеместно Международный женский день проводился 8 марта, так как он совпал. А потом Европа разделилась фронтами, согласовывать ежегодные переносы стало трудно, и в итоге «женский день» так и закрепился на этой дате. Значит, инициаторам праздника дорога не конкретная дата, а идея: «Женщина+Революция».

Понятна потребность революционного движения иметь свои праздники вместо традиционно-народных, церковных и государственных. Понятно желание дать повод к тому, чтобы еще раз приободрить и почествовать своих товарищей и соратников по борьбе. Весьма умна и эффективна была идея вовлечь в революционную борьбу не только рабочих мужчин, но и женщин, дав им свое движение, свои лозунги и свой праздник.

Но почему день, когда революционерки должны были выходить на улицы и декларировать нынешнюю

ущемленность прав, а также свою нерушимую убежденность в грядущей эмансипации, должен быть где-то в начале весны? Почему этот день поначалу так странно прыгал по календарной сетке?

Такие прыжки характерны для литургического (пасхального) календаря и означают, что в действие вступает лунный календарь. Две религиозные группы в Европе имеют такую практику: христиане и иудеи. Предположить, что деятели Коминтерна что-то решили заимствовать из богослужебной практики ненавидимых ими «попов», затруднительно.

Может быть, со временем будут опубликованы записи тех внутрикоминтерновских дискуссий, на которых и определилось рождение и даты революционно-женского праздника. Но пока эта завеса не открыта, нам остается лишь предполагать о неизвестных мотивах известного решения.

Могли ли у лидеров европейского революционного движения рубежа веков быть свои, личные ассоциации с этим семантическим рядом: «женщина – революция – перемещающийся по календарю весенний праздник»?

Если мы ищем личные мотивы – значит, надо приглядеться к личностям. Европейское коммунистическое движение начала XX века весьма в значительной мере было еврейским. «Это не миф, созданный правыми, а голая правда. Евреи действительно все-

гда играли очень большую роль в социалистическом и коммунистическом движении. Ленин однажды лестно высказался о замечательной ведущей роли евреев в нашем движении. Карл Каутский в начале 20-го века церемонно обратился к маленькому британскому социалистическому журналу, издававшемуся на идише. Он призвал еврейских социалистов к передаче всеобъемлющей социалистической теории, революционной решимости и интернационалистического взгляда на мир британским лейбористам. Они, впрочем, и так очень активно этим занимались», – пишет еврейский сайт[366].

Интернационал оказался довольно мононационален[367]. Что ж, сегодня это факт, без которого невозможен серьезный разговор об истории революционного движения в Европе рубежа XIX-XX веков. Среди тех, кто поднял мир на борьбу с «миром насилия» и призвал разрушить его «до основания», было отнюдь не три процента евреев (вряд ли больше была численность евреев в общем количестве тогдашних европейцев).

Вспомним хотя бы роль еврейской революционной организации «Бунд» в проведении I съезда РСДРП: «ЦК Бунда принимал деятельное участие в организации I съезда партии, и он взял на себя организационную часть съезда... Сейчас же вскоре после того, как был организован Бунд, Кремер, который жил тогда

в Минске, играл очень активную роль в деле созыва съезда. Первый партийный съезд проходил в резиденции Бунда – в Минске»[368].

Осознав это обстоятельство, попробуем вжиться в мир этих людей. Вам пришла в голову замечательная идея создать женский революционный отряд, использовать женскую энергию для борьбы с «эксплуататорами». И для консолидации и пропаганды этого движения вам нужен символический день, который был бы днем Женщины-Революционерки. Какому дню придать такое значение?

Революция, как известно, живет религиозным пафосом, она сама есть миф, а для мифа характерно мышление прецедентами. Нынешнее действие должно воспроизводить некоторый образец, архетип, впервые явленный миру в мифологически насыщенное «время оно». Надо подражать образцу. И мифотворческий инстинкт революции требует поставить вопрос так: Были ли в истории женщины, которые поднимали народ на борьбу с тиранией и добивались успеха?

Обычный европеец если бы ему предложили вспомнить женщину-воительницу, вдохновившую свой униженный народ на борьбу, сразу вспомнил бы Жанну д'Арк. Каждый из нас не «вообще» человек. Каждый несет в себе социальный, национальный, семейный опыт. И каждый обращается прежде всего к тому, что ближе к нему. Если мы желаем к какому-либо чувству

или к событию, к ситуации или характеру подыскать поэтическую иллюстрацию, мы ее возьмем скорее из Пушкина, чем из японской поэзии.

Но у многих «пламенных революционеров» были не менее естественные ассоциации с историей их родного народа. Жанна д'Арк в еврейской национальной истории носила имя Эсфирь (Эстер в европейском произношении). И поэтому, когда партия поставила задачу придумать женский праздник, могли ли они не вспомнить об Эсфири!

А где Эсфирь – там... Впрочем, еще раз сведем вместе исходные данные. Попробуем отыскать в годовом календарном цикле праздников событие, которое:

- связано с именем женщины, одержавшей блистательную победу над окружающими врагами;
- мобилизует массы на беспощадное уничтожение противников;
- имеет простой и наглядный смысл (вспомним, что социалисты были безбожниками и воспринимали религию лишь как народные обряды и сказочные образы);
- совершается в начале марта или около того.

Каждый, кто хоть немного знаком с историей религий, по этому краткому описанию безошибочно узнает иудейский праздник Пурим.

Связь Пурима с Женским Днем предполагает, например, Центральный еврейский интернет-ресурс

“Sem40.ru” «О том, что восьмой день первого весеннего месяца связан с именем германской феминистки и революционерки Клары Цеткин, помнят все, но вот почему именно восьмой, знают немногие. Оказывается, эта цифра возникла не случайно. Движение феминисток создавалось не в одночасье, делом было долгим и кропотливым, но, тем не менее, в 1910 году на 2-й международной конференции социалисток в Копенгагене было принято решение конкретизировать дату возникновения политической организации, борющейся за права женщин, и объявить ее днем солидарности всех женщин планеты. Такой датой выбрали... еврейский праздник Пурим. Связан он с именем великой дочери еврейского народа Эсфири, которая умудрилась спасти от тотального уничтожения своих соплеменников»[369].

И в самом деле – много веков назад Эсфирь спасла свой народ от тирана. Память о тех событиях сохранилась в веках. И не только на страницах Библии. Эсфири посвящен ежегодный и самый веселый праздник еврейского народа – праздник Пурим. И празднуется он как раз на переломе от зимы к весне (у иудеев сохраняется лунный календарь, и потому время празднования Пурима скользит по отношению к нашему солнечному календарю почти также, как скользит по отношению к нему время празднования православной Пасхи).

Поначалу так же скользил по календарю и «МЖД»[370]. Прямо с Пуримом его не совпадали – это было бы слишком откровенно: слишком уж было бы заметно, что празднуется всего лишь Пурим. И переносить каждый год его все же было неудобно. Так что логичным было бы зафиксировать празднование Женщины-разрушительницы, и ежегодно 8 марта, независимо от лунных циклов, призывать все народы земли прославлять Женщину-Воительницу.

Кстати, решение о том, что такой праздник вообще должен праздноваться, принято Коминтерном в 1910 году, а самая свежая память о Пуриме – память о предыдущем, 1909 года, Пуриме, подсказывала именно дату 8 марта: Пурим длится два дня и в 1909 году на 8 марта приходился как раз Шушан-Пурим (окончание Пурима; Пурим вообще празднуется с 11 по 15 адара, а в селах празднование может начинаться и раньше[371]). Затем дата Женского Дня менялась. А в 1914 году определилась окончательно: 8 марта. А тут где Пурим? Да рядышком: это был воскресный день, ближайший перед Пуримом. Предпразднство, так сказать...

Одних этих совпадений недостаточно, чтобы счесть изложенную мною гипотезу вполне достоверной. Но этого достаточно, чтобы не отказываться от гипотезы связи МЖД и весеннего еврейского праздника.

Самое же значимое – то, что Пурим пришелся на 8

марта в 1917 году. Это – по новому стилю. А по старому, который тогда еще был государственным календарем Российской Империи, – на 23 февраля. Так что 8 марта и 23 февраля – это один день и единый муже-женский праздник революционных гермафродитов.

Именно 23 февраля 1917 года началась Февральская революция.

Она началась очень странно. “В забастовке, которая в четверг 23 февраля началась на петроградских заводах, поначалу приняло участие 90 000 человек... В этой февральской забастовке было нечто такое, чему нет объяснения и по сей день. Невозможно было массовое движение такого масштаба и размаха без какой-то направляющей силы... Называли две важные причины роста стачечного движения в последнюю неделю февраля: ухудшение в снабжении хлебом и локаут на путиловском заводе... Однако, имеются основательные доказательства, что никакого недостатка в муке не было. Ни разу в продолжение февраля 12-дневный запас муки для булочных столицы не падал ниже средней нормы... На путиловском заводе беспорядки начались в цехе, рабочие которого потребовали непомерного повышения зарплаты на 50%... Почему такое движение должно было начаться тогда, и только тогда, в Петрограде? Ни до, ни после этого рабочие массы России не демонстрировали подобной способности к согласным “стихийным” действиям... Скрытые пружины-

ны народного восстания требуют объяснений, и вмешательство немецкой агентуры дает объяснение этому поразительному успеху “революции без революционеров”... Мы видели, что Гельфанд (Парвус)[372] разработал для германских властей подробный план, и что германское правительство оказало ему значительную финансовую поддержку... В субботу 25-го Суханов (Гиммер) встретил группу рабочих, обсуждавших события. “Чего они хотят?” – спросил один из них мрачно. “Они хотят мира с немцами, хлеба и равноправия евреев”. Суханов пришел в восторг от этой “блестящей формулировки программы великой революции”, но не заметил как будто, что мрачному рабочему представляется, что лозунги исходят не от него и ему подобных, а навязаны какими-то таинственными “ими”[373].

Бунты, как известно, начались в хлебных очередях, а в докладе петроградского Охранного отделения еще в октябре 1916, читаем: «В Петрограде вся без исключения торговля ведётся через евреев, прекрасно осведомлённых об истинных вкусах, намерениях и настроениях толпы»[374].

Ну, «намерения» – вещь, плохо поддающаяся фиксации и документации. А факт налицо: Международный Женский день, начало русской революции и иудейский Пурим в 1917 году совпали. Все три события пришлись на 23 февраля по календарю Российской Империи (т.н. старый стиль).

Независимо от того, связывал или нет Женский день с Пуримом учредивший женский праздник Интернационал, но в сознании иудеев (например, Парвуса) 23 февраля 1917 года – это несомненно Пурим. В последний год Российской империи начало революции совпало с Пуримом. А поскольку революции без революционеров все же не бывает (вспомним суждение Ленина, который именно в области организации переворотов был все же неплохим специалистом: для превращения революционной ситуации в революции необходимо наличие “субъективного фактора”, то есть партии, планирующей и организующей революцию), и партией революции в феврале 1917 были отнюдь не большевики, а либералы (при этом почти поголовно состоявшие в масонских ложах)[375], то вопрос о том, кто выбирал дату для начала революции, кто “совпадал” беспорядки и Пурим, как минимум имеет право на существование и спокойное обсуждение[376].

И в ходе этого обсуждения никак не удастся ответственность размазать поровну: мол, все «россияне» равно энтузиастически и деятельно делали революцию. «Февральская революция была совершена – русскими руками, русским неразумием. В то же время в её идеологии – сыграла значительную, доминирующую роль та абсолютная непримиримость к русской исторической власти, на которую у русских достаточного повода не было, а у евреев был. И русская интеллиген-

ция усвоила этот взгляд»[377].

... Вот теперь время отложить гипотезы и реконструкции в сторону. Помнила или нет Клара Цеткин рассказы своего мужа (одесского еврея Осипа Цеткина) о веселом празднике Пурим – дело не самое важное.

В конце концов если и в самом деле была именно еврейская мотивировка в установлении МЖД – ничего обидного для евреев в этом нет. После публикации первого издания этой моей книги еврейские публицисты бросились доказывать, что Клара Цеткин немка, а потому ничего еврейского в ее жизни и в решения Коминтерна быть не могло, утверждать же обратное есть антисемитизм.

Я удивлен тем, какое внимание мои критики придали этой, в общем-то весьма частной теме.

«Тому, как еврейка Клара Цеткин по заданию еврейского руководства Интернационала внедрила в революционное движение еврейский праздник Пурим под видом Международного женского дня, Кураев посвятил целую книгу под броским названием „Как делают антисемитом“»[378].

Неправда: гипотезе о связи 8 марта и Пурима у меня посвящено лишь 5 страничек из почти двухсотстраничной (в первом издании) книги. Зато приведенные в той же книге расистские суждения иудейских наставников остались безо всяких упоминаний: «жена Цезаря вне

подозрений!».

«Диакон снова юлит и лукавит, не отвечая на главный вопрос, а уводя разговор в сторону. Но все-таки, господин бывший товарищ Кураев, ответьте прямо на прямо поставленный вопрос: была или нет Клара Цеткин еврейкой и является или нет 8 марта замаскированным Пуримом?»[379]. И это – «главный вопрос»? А вопрос о Пуриме как праздновании погрома, вопрос расистских оскорблениях в адрес не-евреев, вопрос об оскорблениях России, ее культуры и веры – это все не главное?

Да что ж тут «главного»? Предположим, что и в самом деле 8 марта – это светский и международный вариант Пурима. Что в этом тезисе унижительного для евреев? Будь я евреем, я бы сказал: вот и хорошо: «Оказывается, мы, евреи, подарили человечеству еще один замечательный праздник, именно мы научили чувствовать женщин!»[380].

И, наоборот, если никак 8 марта не связано с весенним праздником иудеев, то все равно погромная мерзость Пурима остается мерзостью, а радость еврейства по поводу руинизации России остается историческим фактом.

Есть область догадок, а есть – факты. Рассуждения о мотивах коминтерновских лидеров при определении «МЖД» – это догадки («чужая душа – потемки»). А вот открытое празднование Пурима в современных иудей-

ских общинах – факт. И совпадение Пурима, начала революции и «женского дня» в 1917 году – тоже факт.

P.S.

Так что христианам отмечать праздник Пурим, пусть даже под другим названием, не приличествует. Ведь это праздник, желающий нам уйти в прошлое.

Впрочем, и греха в том, чтобы поздравить коллегу по светской работе «с женским праздником», не будет. Дело не в том, что празднование 8 марта как-то нас оскорбляет. Поиск религиозных корней 8 марта полезен ради других выводов – как повод для размышлений о том, что же произошло с нашей страной:

Я тщетно силился понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам...

И еще это повод воспротивиться победно шествующей по стране моде на американский праздник «Хэллоуин». Хоть праздник этот вроде бы английский, но для России он – американский, ибо позаимствован из голливудских фильмов. И хотя для англичан это «праздник всех святых», но в нынешней-то России никто уж точно не вспоминает о том, что в этот день надо молиться всем Святым. Напротив, детей учат подвывать всякой нечистью. И даже православных детей втягивают в эту грязь. Интересно, впрочем, и утешить

тельно, вслушаться в звучание названия этого праздника в устной бытовой речи: «Праздник Холуин». Вот это правда: это праздник для холуев, для тех, кто готов, забыв и обгадив свое, подхватить любую идейку из «цивилизованного мира». Что ж, путь холуйства он и в самом деле приводит к потере человеческого образа и к сращению с теми образами, что человек натягивает на себя.

23 февраля: мираж победы

Мы говорили о несомненно еврейском празднике Пурим. Говорили о возможной связи с Пуримом празднования 8 марта. Теперь снова о несомненном: разговор о странных праздниках завершим обращением к дате, не имеющей отношения ни к Пуриму, ни к еврейской теме. Ну, почти не имеющей.

Просто уместно вспомнить, что приход Интернационала к власти в России был связан с переменной календаря, и спросить: а когда же праздновался день, ныне называемый «восьмым марта», в революционных кружках предреволюционной России? Оказывается, восьмое марта по новому стилю – это 23 февраля по старому.

В 1917 году «Правда» пишет о том, что 23 февраля является праздничным днем: «Задолго до войны пролетарский Интернационал назначил 23 февраля днем международного женского праздника»[381]. Вот и отгадка – почему «мужской» день и «женский» так недалеко друг от друга. Когда европейские братья по Интернационалу отмечали «восьмое марта», в России этот день назывался 23-им февраля. Поэтому в предреволюционные годы партийцы и сочувствующие им привыкли считать праздничным днем 23 февраля. Затем

календарь переменяли, но остался рефлекс праздновать что-то революционное 23 февраля. Привычка праздновать осталась, а повод ушел.

Кроме того, именно 23 февраля 1917 г. началась «Февральская революция». Не помнить эту дату революционерам было нельзя, но для большевиков это был не очень праздничный день: их-то там не было. Поскольку большевики не играли ведущей роли в февральском перевороте, но все же приняли его, приветствовали и внесли в свои святцы, то надо было дню «свержения самодержавия» (сохранив его праздничность) дать иное название. Он стал «днем Красной армии».

В 1917 году к женскому революционному дню 8 марта по новому стилю и 23 февраля по старому были приурочены беспорядки якобы голодавших жительниц Петрограда. Но именно в 1917 году Пурим как раз и пришелся на этот день. Падение Российской Империи совпало (или его «совпали») с разгромом империи Персидской. С Пурима 1917 г. в России запахло погромом – погромом русской культуры... Так что советское поздравление с 8 марта (равно как и с 23 февраля) – это еще и поздравление с «избавлением» от «царизма». Православным же людям поздравлять друг друга с таким праздничком – это уже не смирение, а садомазохизм.

Итак, повод к празднованию 23 февраля у рево-

люционеров был. Со временем возник и надлежащий миф: «День Красной Армии». Память о первом сражении и первой победе: «Молодые отряды новой армии – армии революционного народа – героически отражали натиск вооружённого до зубов германского хищника Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма – 23 февраля – стал днём рождения молодой Красной армии» – учил т. Сталин[382]. Спустя 75 лет так же учил и т. Ельцин: 10 февраля 1995 года Государственная Дума приняла, а 13 марта того же года президент Ельцин подписал Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России». Отныне в знаменательный день 23 февраля надлежало торжественно, с ритуальным салютом справлять «День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии (1918) – День защитников Отечества»[383].

Но это – чушь. 23 февраля 1918 г. не было еще ни Красной Армии, и не было ее побед. Газеты конца февраля 1918 года не содержат никаких победных реляций. И февральские газеты 1919 года не ликуют по поводы первой годовщины «великой победы». Лишь в 1922 г. 23 февраля было объявлено Днем Красной Армии[384].

Вот записи двух современников. Бывший импера-

тор Николай Второй: «12/25 февраля 1918. Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях германского правительства, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар»[385].

Новый диктатор – В. И. Ленин – в статье, опубликованной в «Правде» от 25 февраля: «Неделя 18-24 февраля 1918 года, неделя военного наступления Германии явилась горьким, обидным, тяжелым, но необходимым уроком... Мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о невыполнении приказа уничтожить все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве... Мы обязаны подписать самый тяжелый, зверский, позорный мир... В Советской республике нет армии»[386]. И это после якобы одержанной победы?

24 марта Ленин признавал: «отчаянное, трагическое положение заставляет нас сейчас принять мир»[387]. «Мы сию минуту воевать не можем. Неделя войны с немцами, перед которыми просто бежали наши войска, с 18 по 24 февраля 1918 года вполне доказала это»[388].

Объединенное заседание фракция большевиков и левых эсеров ВЦИК было созвано вечером 23 февраля для обсуждения вопроса о принятии новых герман-

ских условий мира. Главковерх Н. В. Крыленко сделал доклад о стихийной демобилизации армии. Впрочем, она не была такой уж стихийной: еще 10 февраля большевики объявили об одностороннем прекращении войны, а 11 февраля издали приказ о демобилизации армии[389].

Вечером 24 февраля немецкий отряд численностью не более 200 человек без боя вышел к станции Псков-1. В тот же день, 24 февраля, пали Юрьев и Ревель (ныне Тарту и Таллин). В ночь на 28 февраля немцы захватили центр Пскова, а затем в течение того же дня – весь город. 25 февраля управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич проинформировал Ленина о необходимости экстренного переселения высших сановников из столицы в провинцию...[390]

Прорыв, не удавшийся мощной группировке генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга в 1915 году, осуществили – фактически без потерь – небольшие и разрозненные германские подразделения, скорость продвижения которых ограничивала не ярость народно-большевистского сопротивления, а степень непроходимости российских грунтовых и железных дорог... После октябрьского переворота Германия свои наиболее боеспособные дивизии перебросила на Западный фронт. В России линию фронта обозначали дивизии «ландвера» – по сути, ополчения. Они должны были напоминать большевикам об обязательствах, которые

те взяли на себя перед немецким Генштабом: вывести Россию из войны на условиях, выгодных Германии. Большевики медлили с подписанием капитуляции, тянули время. И вот 16 февраля немцы начали продвижение вперед, напоминая, что даже предатели должны держать свое слово... Наступление немцев успешно шло до подписания Брестского мира – до 3 марта.

Именно 23 февраля в 10.30 утра Германия представила свои мирные условия, потребовав дать ответ на них не позднее чем через 48 часов[391]. После якобы одержанной победы под Псковом и Нарвой[392] вечером 23 февраля ВЦИК собрался для принятия продиктованных германским правительством условий безоговорочной капитуляции. Итог жарких дискуссий «победителей»: «Постановление Совета Народных Комиссаров о принятии германских условий мира. Согласно решению, принятому ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4,5 часа ночи, СНК постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)»[393]. О чем в 7 часов утра 24 февраля Ленин и телеграфировал в Берлин.

Так что 23 февраля 1918 года – это позорнейший день военной истории России. День капитуляции в первой мировой войне, точнее – во Второй Отечественной войне (так она именовалась в 1914-1917 гг. в русской

печати; Первой Отечественной была война 1812 года). Капитуляция же произошла по воле Интернационала, превратившего «войну империалистическую (точнее – Отечественную) в войну гражданскую».

Не день это защитника Отечества, а, в лучшем случае, «день красной армии». А защищала ли в 1918 году красная армия Отечество – это, мягко говоря, сложный вопрос. И то, что день защитника Отечества празднуется сегодня не в день Куликовской битвы, не в день Бородина, не в день рождения Жукова или день св. Александра Невского, а в день капитуляции, – это еще один признак атрофии нормального национально-го чувства в русском народе.

Именоваться 23 февраля «Днем Российской армии» и «Днем защитника Отечества» просто непристойно. Хотя бы потому, что одно из условий той капитуляции с каждым годом становится все более и более тяжелым и очевидным: отделение Украины от России. Граница России и Украины была проведена немецким штыком. Это означало, что в состав Украины были включены города, которых просто не было в момент соединения Украины и России в 17 веке (например, Одесса). Земли, которые были «диким полем», коридором для крымско-татарских набегов на Москву[394], были освоены не гетманами, а Российской Империей (потемкинские деревни были настоящими). О том, что история этих земель и по сию пору не во всем совпада-

ет с историей собственно Украины, зримо напомнили президентские выборы 2004 года: именно эти области голосовали ощутимо иначе, чем области, расположенные на правом берегу Днепра... Но немцы решили отрезать Донбасс от России. Большевики согласились. И даже при создании СССР границы Украины остались в пределах Брестского договора. По этим же искусственным границам и прошла линия нынешнего разлома.

Так что 23 февраля и 8 марта – не просто «мужской» и «женский» праздники. Для тех, кто желает помнить родную историю дальше, чем на 30 лет, это напоминание о все той же Русской Катастрофе XX века.

Забутые мученики Освенцима

(Выступление на Рождественских чтениях
27.1.2005)

27 января 2005 года – это день 60-летия освобождения узников Освенцима советской армией. Это и день памяти 209 советских солдат, павших при освобождении 7 000 еще остававшихся в живых узников концлагеря.

Поэтому сегодня было бы странно, встречаясь с военным духовенством, не вспомнить эту дату, в которой горечь о погибших совмещается с радостью об освобожденных.

Мировая и российская пресса полна материалами на эту тему. Но, полагаю, ни одна газета не обратит внимание на то, сколь необычными путями попадали некоторые люди в этот лагерь смерти.

Из одного миллиона ста тысяч жертв Освенцима миллион – это евреи (еще там были десятки тысяч поляков, цыган и, конечно, советских военнопленных). Но достаточно ли просто сказать – «миллион погибших евреев» и не уточнять далее разнообразие этих людей?

Сейчас я возьму в руки публикацию одного поразительного документа.

В 70 километрах к северу от Праги стоит городок Терезин. Так на чердаке дома № 15 по ул. Готвальда (Длоугой) 14 февраля 1967 г. чешские ремонтники нашли черную женскую кожаную сумочку. В ней лежали три записные книжки и отдельные исписанные листы. Содержимое сумочки: 1. Карманный календарь на 1942 год, размером 10x12.5 см. Содержит ежедневные записи за 1942 год; 2. Вторая часть дневника, с 1.1.1943 по 21.5.1943, на 59 отдельных листах, сшитых в тетрадь, 7.5x11 см; 3. Третья часть дневника с 22.5.1943 по 22.9.1944, на отдельных листах. По будним дням записи в дневнике делались на иврите, по субботам – на чешском языке.

Этот дневник вел человек, погибший в Освенциме 23 сентября 1944 года. Последние годы своей жизни он провел в Терезине – в городке, в котором нацисты устроили еврейское гетто[395].

Имя автора дневника – Эгон (Гонда) Редлих. До нацистской оккупации Чехословакии он был членом сионистской организации «Макаби хакаир» и работал в качестве инструктора курсов переквалификации, которые были организованы для желающих переселиться к Палестину.

Эту деятельность он продолжил и после оккупации Чехословакии, когда нацисты – следуя своим соглашениям со Всемирной сионистской организацией[396] (ВСО) – еще допускали переселение видных сиони-

стов за море (например, из Франции в Америку в 1941 году выехал отец ныне знаменитого журналиста Познера).

Против нацистского плана переселения евреев с так называемой «исторической территории немецкого расселения» сионисты не возражали, поскольку Адольф Эйхман (главный нацистский «ликвидатор») обещал им, что евреи «спокойно переживут войну» в своих гетто[397]. Сионисты будут руководить собственными органами самоуправления гетто и воспитывать и перевоспитывать молодежь (и взрослых евреев) в духе сионизма. Так будут они готовить евреев к грядущему «переезду» в еврейское государство, которое нацисты посулили им создать после победы «Третьего рейха».

О переговорах, которые от имени сионистов военная организация «Хагана» вела с Адольфом Эйхманом, дневник Редлиха упоминает 3 марта 1942 года так: «Интересная беседа с Якубом (имеется в виду Якуб Эдельштейн – руководитель Еврейского Совета старейшин). Он рассказал нам об истории переговоров между евреями и немцами весной 1940 года. Немцы потребовали от евреев, чтобы те выступили в Америке в качестве посредников. Цель: сделать так, чтобы Соединенные Штаты не вступали в войну на стороне Англии. Переговоры были приостановлены летом 1940 года, после успешных действий немцев во Франции. В

Соединенных Штатах возникло мощное движение за неучастие в войне, и немцы решили, что еврейское посредничество им уже не нужно. На переговорах немцы предложили евреям государство на Аляске, в Родезии или Мадагаскаре. У немцев не было единого взгляда на то, какой должна быть эта страна – аграрной или промышленной»[398].

Якуб Эдельштейн (вместе с представителями чехословацких сионистов Отто Цуккером и Франком Вельдманом) вел также переговоры и конкретно о судьбе чешской еврейской общины. Эти переговоры привели к конкретному результату: был заключен договор о создании еврейского гетто в Терезине (с нацистской стороны переговоры вел шеф управления по переселению евреев в Праге Зигмунд Зайдль)[399].

Деятели из ЕСС поверили нацистской пропаганде, возвестившей, будто «фюрер даровал евреям город», который будет их временным домом. Многие из них ехали в Терезин, видя в нем прообраз земли обетованной и всерьез рассматривали гетто как школу выживания в будущем восстановленном Израиле[400].

«При „очистке“ городов и областей по особому распоряжению Эйхмана, в Терезин направлялись евреи – государственные деятели, военные и артисты... 264 человека, в основном из Германии, Австрии и Голландии – титулованные бароны и баронессы, бывшие генералы, министры, банкиры, герои Первой мировой

войны... Всем отправляемым в Терезин евреям был обещан уютный пансионат на берегу Эльбы... „Здесь можно было бы жить среди образованных и интеллигентных людей, если бы не страх быть отправленным дальше“, – писала из Терезина Фридл Дикер-Брандейсова...»[401].

И в самом деле – нацисты предоставили возможность создания в Терезине хотя бы видимости еврейского самоуправления. Руководство гетто состояло из самих евреев. О том, как управление жизнью интернированных евреев нацисты осуществляли через еврейских же лидеров, в дневнике Редлиха говорится так: «20.1.1943 Транспортируют словно мелкий скот. Гурты везут и везут, и погонщики у этих гуртов тоже овцы. Это тоже евреи, которые угнетают евреев»[402]. Летом 1942 года в охране гетто чешских «жандармов сменили на посту евреи» (Запись от 6.7.1942) [403]. Даже палач (Р. Фишер) был из евреев. Дневник еще одного терезинского узника Вилли Малера (запись от 15.7.1944): «Сегодня здесь официально отмечен двухлетний юбилей передачи города еврейскому самоуправлению»[404].

И сам Редлих был назначен на свою должность – начальника Управления по делам молодежи при ЕСС в Терезине – представителями сионистской верхушки ЕСС Якубом Эдельштейном и Отто Цуккером. В этом качестве «Гонда... тщательно отбирает преподавате-

лей, насаждает иврит, отменяет празднование Рождества и вменяет еврейские праздники»[405].

Кроме того, в Терезинском гетто 25-летний Редлих стал членом апелляционной Комиссии, которая обсуждала и решала в последней инстанции вопрос о включении людей в список подлежащих депортации (или об исключении из этого списка) в Освенцим. Именно от решения этой комиссии зависело – кто именно из жителей гетто отправится эшелонами смерти в Освенцим, а кто еще останется жить... На основе примерных цифр, спускавшихся нацистскими властями, руководство гетто само готовило списки лиц, подлежащих отправке на восток и тем решало вопрос о жизни и смерти людей[406]. При этом Редлих понимает: «Послать ребенка в Польшу – значит послать его на смерть» (Запись от 9.1.43)[407].

Конечно, тут были и слезы, и мольбы, и «связи». Но – как явствует из дневника Редлиха – был и еще один критерий, который держали в уме члены Комиссии при определении того, кого именно оставлять в списке смерти, а кого вычеркивать. «11.2.1942. Вчера мы переписали имена хаверим, всех, кого мы хотим спасти от отправки в Польшу... 14.3.1942. Рекламация (исключение из списков) хаверим – трудное и ответственное дело»[408]. Хаверим – букв. «друзья», почти технический термин для обозначения «соратников», членов сионистских организаций.

Напротив, – "27.1.1942: «Узнал, что готовят списки христиан, которые покинут Терезин... 17.2.1942. Явился Иш Алон (Эйхман), ждем важных решений. Любопытно, что будет дальше. Уедут ли христиане из Терезина»[409]. Впрочем, и в 43 году христиане в Терезине еще оставались (тут надо помнить, что состав гетто постоянно обновлялся: прибывали одни, увозили других).

Итак, евреи не были равноценны в глазах Редлиха. "20.2.42: «Двое детей-христиан катались на санках. Одна из евреек, видя детей на санках сказала: Им живется лучше, чем нашим детям. Она права. Я принял ее укор на свой счет, хотя в этом я не виноват»[410].

Были более ценимые жизни – это евреи, практикующие иудаизм и разделяющие сионистские идеалы. И были «отмершие ветви» – ассимилированные чешские евреи, иудео-христиане, «выкресты»[411]. Не только нацист Эйхман, но и сионист Редлих позволяли себе говорить о «полукровках»[412]. Чешский историк тех событий приходит к выводу, что «необходимостью спасения „избранного народа“ они (сионисты) оправдывали заклятие ассимилированных, „неполноценных“ евреев – чешских, словацких, австрийских»[413].

Немцы при «окончательном решении еврейского вопроса» не делали различия между евреями-христианами и евреями-иудеями. Но это различие, оказывается, делали их пусть и подневольные, но все же помощ-

ники из руководства сионистских организаций.

Дневник Редлиха напоминает о том, что еврей, принявший христианство, в глазах иудеев вызывает довольно негативную реакцию. К нему относятся хуже, чем просто к христианину из язычников (также и у нас, русских: мое отношение к татарину, исповедующему ислам, одно, но к русскому, принявшему ислам, оно будет болезненное). Талмудическая норма говорит о выкрестах: «Еврей-вольнодумец, то есть тот, который совершает богослужение акумов... убивать всех таких – доброе дело. Когда есть власть убить их всенародно мечом, тогда пусть это совершится; если же нет, то их надо опутывать всячески, дабы причинить им смерть. Например, когда увидишь, что один из них упал в колодец и в колодце стоит лестница, тогда спеши вытащить ее, говоря: „Вот у меня забота, – надо снять моего сына с крыши, и я тебе сейчас принесу ее обратно“ и т.п.» (Хошен га-мишпат 425-5).

Столетия штудирования подобных текстов в иудейской среде способствовали появлению таких, как Редлих[414].

После нацистских преследований евреев стало принято расширительно толковать понятие ответственности. Вина не только на конкретном злодее. Вина еще и на тех, кто его воспитал, кто создал атмосферу терпимости к его публично совершаемому злодеянию. Стало принятым говорить об «исторической вине христи-

анства»[415] в еврейской катастрофе. Мол, веками происходившая демонизация иудеев в конце концов сделала европейское сознание равнодушным к боли евреев. Наверно, не без этого. Но традиция «богословия ненависти» была взаимной как в христианской традиции, так и в иудейской[416]. И эти традиции привели к тому, что христиане (не все и не всегда) равнодушно смотрели на еврейскую катастрофу. Но эта же традиция привела к тому, что иудеи (тоже не все и не всегда) также не считали вполне своей боль выкрестов.

Это значит, что говоря о жертвах Освенцима, недостаточно упоминать их национальность. Среди евреев, чья жизнь была оборвана в Освенциме, были тысячи христиан. Если бы они были сионистами, а не христианами, самоуправление терезинского гетто попробовало бы их отстоять и не заменяло бы ими своих «хаверим». Значит, именно их христианская вера была причиной того, что смерть пришла к ним раньше, чем к их соседям.

И, значит, Освенцим – еще и земля христианских мучеников. В конце XX века мы стали узнавать и признавать мучеников советского ГУЛАГа. Но отчего же замалчиваются христианские мученики нацистского Освенцима?

Реакция «демпрессы»:

«...Следующим оратором был отец Андрей Кураев, бывший референт святейшего патриарха. Он спросил присутствующих, помнят ли они, что сегодня годовщина освобождения Освенцима, и знают ли, кто именно погиб в Освенциме. Присутствующие, видимо, думали, что в Освенциме погибли сто тысяч поляков и цыган и миллион евреев, но отец Андрей Кураев разубедил их... По словам отца Андрея Кураева, евреи в гетто выбирали из своей среды и посылали в лагерь смерти выкрестов, то есть христиан. То есть получалось, что в Освенциме погибли не евреи, а христиане и евреи отправили христиан на смерть» (Панюшкин В. Как закалялся дух. Православные священники прошли армейскую школу // Коммерсантъ. 28.01.2005.<http://www.kommersant.ru/doc.html?docId=542625>)

Или:

"Вот (цитирую все по газете «Коммерсант») выступил о. Андрей Кураев. Напомню, что этот «прогрессивный священник» не вылезает из телевизора, считается одним из наиболее продвинутых церковных карьеристов, явно метит на роль главного идеолога РПЦ. При этом человек разворотливый – был адъютантом

космонавта Леонова, когдатот, с позволения сказать, «боролся» с генералом Макашовым. Так вот, адъютант Леонова, г-н Кураев, свое обращение к «противнику» (Макашову) начал с того, что поблагодарил Макашова за его любовь к русскому народу (почему не поблагодарил заодно и за его любовь к народу еврейскому?), а закончил тем, что, мол, часто ли вам, генерал, приходилось ставить перед своими войсками «невыполнимые задачи»? Т. е. задача «запрета евреев» невыполнимая, что же ее и ставить-то... Понимаете? Правильная задача, от любви к русскому народу поставлена, но, увы – невыполнима... сегодня.

В таких речах святого отца нет ничего удивительного, ведь о. Андрей – специалист по еврейскому вопросу. Написал книжку «Как делают антисемитом» (надо было бы еще подзаголовок дать «на личном опыте», но и без такого подзаголовка все из текста ясно). Надо добавить, что г-н Кураев даром и рясу не поправит – коли что-то делает, есть на то карьерный расчет.

Так вот, обращаясь к военным священникам, г-н Кураев посвятил их в некоторые тонкости еврейского вопроса (дело было аккуратно в годовщину освобождения Освенцима). Не от себя лично (ищи дурака!), а ссылаясь на надежный источник – сборник «Сионизм. Правда и вымысел» (М., 1978), о. Андрей развеял некоторые вымыслы и раскрыл некоторую правду. Вымыслом, естественно, является Холокост. Правда же

в том, что в канун войны сионисты договорились с Гитлером вот о какой штуке. Будет в Европе бушевать война, народы мира станут кровь мешками проливать, а еврейчики тем часом будут тихо отсиживаться... нет, не в Ташкенте (как вы, наверное, невольюно подумали), а будут они отсиживаться в гетто. Т. е. гетто нацисты + сионисты создали для спасения любимых Гитлером евреев от опасности войны. Правда, сионисты за это обещали Гитлеру нейтралитет США. Но кто же верит евреям – только такой наивный лох, как Гитлер! Естественно, евреи обманули Гитлера, США в войну вступили-таки! И тут – что правда, то правда – пришлось евреям не очень сладко, стали их немножко убивать. Но убивать вот как – они (евреи) сами отбирали в гетто, «по разнарядке», кого отправлять в Освенцим. Ну и кого же евреи отбирали? Ясно кого – выкрестов! То есть евреи отсиделись, а вместо себя отправили на смерть христиан (правда, еврейского происхождения)" (Леонид Радзиховский // Еврейское слово, №8 (231), 23 февраля – 1 марта 2005 г).<http://www.e-slovo.ru/231/k1.htm>

Или:

«Антисемитизм становится одной из идейно-политических – пусть пока и неофициальных – основ симбиоза армии и РПЦ. Как раз в те дни, когда наш президент стыдился в Освенциме за отдельных несознательных соотечественников, на базе одной из дивизий

ВС РФ был организован семинар по боевой и политической подготовке для православных священников, окормляющих отечественное воинство. На семинаре в числе других российских неопатриотов выступал и небезызвестный дьякон Андрей Кураев, который разъяснил военным и священнослужителям, что Освенцима не было. То есть он, конечно, был, но не в виде лагеря смерти, а в качестве тихой гавани, в которой евреи намеревались тихо отсидеться посреди бушующей в Европе войны. О чем, по словам Кураева, еще до начала Второй мировой договорились американские сионисты и Гитлер. Нет, дьякон не отрицал, что, в конце концов, немцы стали расстреливать кое-кого из Освенцима, обозлившись на американских евреев за то, что они нарушили данное фюреру слово и не удержали Рузвельта от вступления в войну. Но и тут, как давал понять Андрей Кураев, евреи остались евреями: они отправляли на заклание не правоверных иудеев, а «выкрестов» (Борис Туманов Политкорректность навывнос // Новое время 13.2.2005).

Наконец, «Московский комсомолец» отрядил Марка Дейча для выяснения отношений со мной. С Дейчем мы знакомы давно и отношения были хорошие. И на этот раз (в феврале 2005) два часа нашей беседы прошли спокойно, и на прощание Дейч сказал, что многое ему стало понятно. Расставались мы вроде друзьями. Но через три месяца после той встречи Дейч все же ис-

полнил заказ. Кому-то сопоставление моих слов с тем, что написал Дейч обо мне, покажется скучным. Но зато на этом примере хорошо понятна методика работы «анти-антисемитской» журналистики.

"В разговоре со мной дьякон ссылался на изданную в Иерусалиме книгу "Крепость над бездной. Терезинские дневники". Однако, судя по всему, г-н Кураев ее не читал – ему вполне хватило фрагментов и сопровождающего их текста из сборника "Сионизм – правда и вымыслы".

Это уже просто подлость: Марк Дейч был у меня дома, и я ему показывал именно иерусалимское издание этой книги и именно оттуда зачитывал ему фрагменты, упоминание о которых столь возмутило нашу «прогрессивную общественность».

«Упоминание о о якобы имевшемся договоре между сионистами и нацистами не более чем мистификация, причем злонамеренная, что-то вроде "Протоколов сионских мудрецов". Знаменитый американский исследователь Уолтер Лакер писал: "Заявления о сотрудничестве сионистов с нацистами – это абсолютный нонсенс. Ни один еврейский Молотов ни разу не сидел с нацистами за одним столом". Тезис о том, что мировые сионистские организации во имя спасения европейских евреев будто бы должны были препятствовать вступлению США в войну, – еще один миф, подхваченный когда-то советскими пропагандистами, а теперь

(по утверждению моих коллег) и дьяконом Кураевым».

Дейч может доказать, что дневник Редлиха или хотя бы та его страница, где он рассказывает об этом договоре – мистификация? Я ссылаюсь на текст, написанный евреем и опубликованный в Израиле, а мне в ответ – без единого аргумента – «мистификация».

Впрочем, ему кажется, что аргументы у него есть:

«Во-первых, американские сионисты во время Второй мировой войны были чрезвычайно малочисленны, они не оказывали ни малейшего влияния на политику США».

Суждение слишком оценочное. Американские сионисты типа Парвуса и за четверть века до этого оказывали влияние не то на что на американское правительство, а даже на ход заокеанской для них русской революции.

«Во-вторых, вступлению Америки в войну изо всех сил противились “правые” и американская “черная сотня”».

Верно. Поэтому и была неясность: кто победит в самой Америке и останется ли Америка хотя бы официально нейтральной или же все же поможет страждущему европейскому еврейству. Так что у нацистов было поле для игры. Если бы американское общество было тогда единомышленным – то такой возможности как раз не было бы.

«И не США по собственной инициативе вступили в

войну (после чего, дескать, нацисты начали убивать евреев “в отместку” за невыполнение ими условий договора), но Гитлер в декабре 41-го объявил войну Америке».

Верно. Но приводимый мной источник говорил, что Гитлер перестал заигрывать с США уже в 1940 году после разгрома союзников под Дюнкерком. Так что объявление войны через полтора года после того перелома в политике никак не может свидетельствовать о том, что старого курса вовсе не существовало. Это все равно что сказать: раз Гитлер напал на СССР в 1941, то поэтому пакта Молотова-Риббентропа в 1939 быть не могло.... Вновь приведу дневник Редлиха: «Он рассказал нам об истории переговоров между евреями и немцами весной 1940 года. Немцы потребовали от евреев, чтобы те выступили в Америке в качестве посредников. Цель: сделать так, чтобы Соединенные Штаты не вступали в войну на стороне Англии. Переговоры были приостановлены летом 1940 года, после успешных действий немцев во Франции».

“Еврейскую аристократию – баронов и графов” (они, по словам г-на Кураева, хоть и были христианами, но для нацистов оставались евреями) якобы “со всей Европы” свозили в терезинское гетто. Тут дьякон дает волю фантазии. “Еврейской аристократии” не существовало. В некоторых странах лишь в единичных случаях евреи получали дворянские титулы – напри-

мер, знаменитый премьер-министр и министр финансов Великобритании XIX века Дизраэли, он же лорд Биконсфилд. Но ни барон Гинзбург в Российской империи, ни барон Ротшильд во Франции никогда не переходили в христианство. И никого из членов этих титулованных семей не было ни в одном гетто – в том числе и терезинском".

Израильские публикатора терезинскрго дневника считали иначе: «При „очистке“ городов и областей по особому распоряжению Эйхмана, в Терезин направлялись евреи – государственные деятели, военные и артисты... 264 человека, в основном из Германии, Австрии и Голландии – титулованные бароны и баронессы, бывшие генералы, министры, банкиры, герои Первой мировой войны... Всем отправляемым в Терезин евреям был обещан уютный пансионат на берегу Эльбы... „Здесь можно было бы жить среди образованных и интеллигентных людей, если бы не страх быть отправленным дальше“, – писала из Терезина Фридл Дикер-Брандейсова...»[417]. Так кто «дает волю фантазии»?

И – о самом главном. Как понимать слова дневника – «27 декабря 1942 г. Прибыл Эйхман, и мы ожидаем важных решений. Я слышал, что уже составляются списки христиан, которые покинут Терезин».

Дейч: «Редлих был членом самоуправления – так называемого “юденрата” (нацисты организовали “юде-

нраты” во всех гетто). Если бы списки христиан-евреев составлялись им и его товарищами, ему незачем было писать о том, что он “слышал” о таких списках».

Редлих самый молодой член юденрата. Вряд ли Эйхман дал бы ему свои распоряжения. Готовить списки отправляемых в Освенцим – не его прямая работа (к нему эти списки попадали потом – уже как к члену апелляционной комиссии). Но как с членом юденрата с ним делились информацией, которая еще не становилась публичной. О том он и пишет.

«Шулхан-Арух» и «письмо пятисот» (Беседа на радио «Радонеж»)

– Сегодня наш собеседник – о. Андрей Кураев. Недавно состоялся очередной раунд «К барьеру!» некоей такой битвы между генералами – генералом Леоновым и генералом Макашевым. И секундантом со стороны генерала Леонова вы, о. Андрей, выступали. Это многих смутило: дескать, о. Андрей не в том лагере и «не так сидит». Хотя, в общем-то, то, что вы говорили, это были разумные слова. Но сейчас очередной этап обострения еврейской темы в России. Это связано с известным «письмом пятисот», на основе которого был подан запрос в прокуратуру Александром Николаевичем Крутовым. Не могли бы вы пояснить свою позицию?

– Во-первых, меня немножко обманули, когда приглашали в передачу «К барьеру!». Телефонное приглашение звало меня на роль «эксперта», что в формате данной передачи означает выдачу чисто формалистической оценки «стиля» поведения и аргументации поединщиков, не предполагая оценки самой их позиции. Но когда я вошел в коридоры НТВ, там произо-

шла занятая сцена. Меня ввели в комнату, где главные персонажи ждут выхода. Я вошел, поздоровался с Макашевым (Леонова я не видел), сел, пьем чай... Вдруг вбегает девушка из местной обслуги: «Ой, о. Андрей, скорей-скорей идемте со мной!» Я подумал, что меня уводят на грим (тяжкая повинность, неизбежная на ТВ). Но меня увели совсем в другие помещения, где и находились космонавт Леонов и ведущий Владимир Соловьев. Я так понимаю, что перед началом передачи они развели оппонентов в разные блоки, чтобы не возникло преждевременного замыкания. И вот тут мне и объявили, что я должен быть секундантом Леонова. Так что в рамках самой передачи выбора у меня не было.

– То есть поставили перед фактом?

– Да, но, с другой стороны, чем дальше шла передача, тем больше я этому факту радовался, потому что очутиться в одном окопе с г-ном Корчагиным, который оказался секундантом Макашева, было бы совсем не хорошо. Ведь Корчагин – человек воинствующих антихристианских взглядов, христианство в его представлении – это «жидовская выдумка, навязанная евреями русскому народу для его уничтожения». Так что антихристиане были с обеих сторон.

Но до начала передачи я еще этого не знал и потому принимал решение об участии в ней, исходя из «фоновых» представлений.

Первое: после того как президент Путин начал негласный пересмотр итогов ельцинской приватизации, как-то так получилось, что всякий раз, как он прикасался к олигархам-питомцам ельцинского гнезда, почему-то они все оказывались людьми с еврейскими корнями: Березовский, Гусинский, а под конец – Ходорковский. При выстраивании своей защиты на Западе «обиженные» попробовали сделать акцент на национальном отличии себя от своих «обидчиков».

Я немножко отвлекусь от темы... Совсем недавно я был в Чувашии. Ее столица – Чебоксары – православным людям слышна была в течение последнего года в связи с тем, что президент Чувашской республики установил в центре города какую-то огромную железную бабу, которую он назвал «женщиной-матерью чувашского народа». Митрополит Варнава освятил эту статую, а один из местных священников – о. Андрей Берман – заявил, что митрополит освятил языческий идол, что это идолопоклонство, и теперь его священническая совесть велит ему порвать каноническое общение со своим архиереем... Я то попробовал иначе посмотреть на эту ситуацию и спросил на чебоксарской лекции: «Скажите, митрополит при освящении статуи призывал имена языческих чувашских богов? Нет? А чье имя он призывал при кроплении святой водой? Христа? Так, давайте это расценивать как обряд экзорцизма!».

Так вот, митрополит Варнава рассказал при нашей встрече следующее: когда на епархиальном собрании они попробовали о. Андрея Бермана призвать к некоей большей продуманности своей позиции, о. Андрей сказал – «если вы меня запретите в служении, то я на весь мир объявлю, что это гонение на меня как на еврея!». А митрополит тут же раскрыл личное дело о. Андрея, в котором была анкета, заполненная Берманом накануне его рукоположения. И там в графе «национальность» его же рукой записано – «русский». Владыка и пояснил: «Как-то странно получается, когда надо, вы – русский, когда надо – еврей. Ваше национальное самоопределение – это Ваше дело, но у меня в документах вы русский! Поэтому если мы будем применять к вам какие-то церковные прецеденты, то это, честное слово, никак с вашим, вновь обретенным еврейством, не будет связано!». Ну, а сейчас Берман осознал себя еще и румыном – во всяком случае он перешел в бессарабскую митрополию Румынского Патриархата (неканоническую структуру, созданную Бухарестом на территории нашей Церкви).

Так и здесь получилось: едва Путин начал разбираться с олигархами, как на Западе раздался гвалт на тему «наших бьют!»: мол обижают именно евреев и за то, что они евреи. Во вполне респектабельной западной прессе начали появляться статьи на тему: «Путин – эти Гитлер сегодня...»[418].

Зачем нужна такая демонизация российского лидера?

Дело в том, что после Беслана аналитики в западной прессе пришли к выводу о том, что трагедия в Беслане показала неспособность российской государственной власти контролировать свою собственную территорию и обеспечивать безопасность своих собственных граждан. А поскольку мы – соседи по планете и партнеры по диалогу, а Россия, вдобавок ко всему, к сожалению, все еще ядерная страна, то поэтому России надо бы оказать гуманитарную (на самом деле – военную) помощь для того, чтобы ее ядерные ресурсы остались под контролем цивилизованного человечества. Т.е. речь идет уже об идеологическом обосновании прямой оккупации России.

Но правила современных войн предполагают прежде начала бомбежек и десантирования проведение идеологической кампании по демонизации образа потенциального врага в сознании обывателя западного мира. Человек так устроен, что не может убить человека. Поэтому сначала расчеловечивание врага должно произойти на уровне слова: убить можно чернокожего, жидка, негра, фашиста, коммуниста, бляжника, армянку, еретика... Так и страна, избранная в качестве очередной жертвы «нового мирового порядка», сначала должна быть демонизирована. И прежде всего этой процедуре должен быть подвергнут ее ставший не-

угодным властителем. Когда же «бесчеловечность режима» будет продемонстрирована с телевизионной очевидностью, тогда на фоне взлетающих бомбардировщиков можно будет сказать, что «мы летим освобождать вас».

Если Россия поставлена в очередь на «демократизацию», то и ее президент в западных СМИ неминуемо должен начать обретать черты очередного Милошевича-Хусейна. Еврейская тематика здесь приходит очень даже кстати, потому что для современного хорошо воспитанного западного обывателя любой намек на антисемитизм – это признак уже нерукопожатного человека. Антисемит – что нелюдь...

На этом фоне становится понятно, что «письмо пятисот» и шум вокруг него интересны для весьма многих политических игроков.

Само «письмо пятисот» давно бытовало в Интернете. Оно писалось г-ном Назаровым как письмо в защиту Бориса Миронова перед судом, через который последний сейчас проходит. Назаров – член воинственно-антипатриархической ветви Зарубежной Церкви. Борис Миронов был когда-то министром печати в правительстве Ельцина, а после отставки стал малоинтересным публицистом, штампованно обличающим «жидовское иго» в малотиражных изданиях. Православен ли он по вере – не знаю. Так вот это письмо Назарова в конце 2004 года обрело новую жизнь за счет того, что

оно в сопровождении письма депутатов отправилось в Генеральную прокуратуру.

Текст депутатского запроса до сих пор неизвестен. Одни подписавшие его депутаты уверяли, что он был отличен от «письма пятисот». Другие (например, Макашев) не делают различия между этими письмами.

Но в том виде, в каком оно было опубликовано, оно, конечно, мало походило на разговор между двумя госинстанциями: депутатами думы и Генпрокурором. Если вы обращаетесь в судебные органы, то текст, наверно, лучше составить на строго юридическом языке, и тогда уже не надо вдаваться в богословские вопросы – как понимать евангельское выражение насчет «чад диавола», виновны ли перед Богом евреи, родившиеся столетия спустя после трагедии в Иерусалиме и проч. Ну, а если это был не юридический документ, а пиаровский ход, тогда не надо было бросаться обвинениями типа «евреи пьют кровь христианских младенцев». Ведь достаточно одной этой фразы, чтобы большинство из тех людей, которые при иных условиях могли бы услышать и понять боль авторов письма, по обнаружении этой фразы закрылись и перестали считать авторов письма вменяемыми.

В общем, это обычная ошибка неопытных полемистов: а) собирается до кучи много тем; б) открывается сразу много полемических фронтов; в) забывается о том, что очевидное для тебя может быть очень не-

очевидным для других, и г) все венчается неуклюжими выводами, которые компрометируют даже те аргументы, которые были корректны и правдивы. В данном случае этой неуклюжестью был призыв запретить деятельность всех вообще религиозных и общественных еврейских организаций в стране.

В общем, поддерживать такое письмо и в таких условиях я считаю невозможным для православного священнослужителя. Я полагаю, что очень многие люди, и в стране, и за рубежом хотели бы, чтобы и Православная Церковь была бы задействована в этой кампании – с тем, чтобы потом и на нее показать как на нечто, достойное блокады, презрения, изоляции, даже разрушения.

– Так что же происходило на телепередаче?

– Начнем с конца. Я убежден, что итоги телефонного голосования были подделаны. По итогам телефонного голосования Макашев набрал на 10 процентов больше голосов, чем космонавт Леонов, который защищал право еврейских организаций на их деятельность в России.

– Но он действительно выглядел слабее генерала Макашева?

– Видите ли, кто как выглядел, что кому казалось – дело довольно субъективное. Хотя и в самом деле даже мне показалось, что Леонов вот-вот скажет: «да вы правы, но я не могу с вами согласиться, иначе ме-

ня Фридман с работы уволит!» (Леонов последние годы работает в структуре Альфа-банка, возглавляемого Фридманом).

Есть объективные свидетельства, и они следующие: передача, записанная в среду, в течение четверга в эфире шла пять раз. Первый эфир, самый ранний, идет на Дальний Восток, потом Восточная Сибирь, Западная Сибирь, Уральский регион и, наконец, Центральный. Так вот, по сообщениям из Интернета (в т.ч. и на моем форуме), на Дальнем Востоке в конце передачи соотношение голосов было семь тысяч на пять тысяч в пользу Леонова. Понимаете, Дальний Восток — это регион, который традиционно голосует за Жириновского (точнее говоря, не за него, а против московской олигархической власти). И вот даже там Макашев проиграл. Тем более центральный регион, московский, такой прозападный и продвинуто-цивилизованный, должен был превратить его проигрыш в сокрушительный разгром. Но результаты голосования вдруг оказались совсем иными: все регионы до Урала отдали победу Леонову, а в центральном регионе вдруг объявляется победителем Макашев. Конечно, я не могу доказать свой вывод математически, у меня нет доступа к компьютерам г-на Соловьева, но мое ощущение — команда Соловьева подтасовала результаты для того, чтобы присудить победу малосимпатичному персонажу.

Для чего это нужно? – Для того, чтобы потом махать этим результатом по всему миру и трубить о том, сколь ужасна и дика эта немытая Россия. Конечно, журналисты, стойко защищающие демократию в столь экстремальных условиях, достойны более высокой оплаты и более обширных грантов... Еврейская пропаганда вообще традиционно заинтересована в преувеличении угрозы – легче управлять испуганными, легче на свою сторону привлечь ранее нейтральных...

– Но, действительно, вместе с тем, и само «письмо пятисот», и эти две передачи – у Познера и у Соловьева – они носили ярко выраженный провокационный характер. Как вы оцениваете: провокацию какую можно ждать в дальнейшем? Что спровоцируют, по вашему мнению, вот эти передачи, это письмо, это обращение в Генпрокуратуру?

– Тут я бы хотел вспомнить еще одну версию событий, связанных с этим письмом. По этой версии, которая мне кажется вполне убедительной, сама инициатива реанимации этого письма исходила из кремлевской администрации. В условиях обвинения Путина в антисемитизме накануне его визита в Освенцим и встречи с Бушем, может быть, кремлевские пиарщики решили, что а) надо дать повод президенту ясно и гневно высказаться с осуждением антисемитизма; б) надо поработать над созданием фона настолько негативного, чтобы в контрасте с ним Путин показался бы сво-

им европейским партнерам по диалогу просто гарантом цивилизованности, настоящим «пути-пуси». Так в свое время ельцинские пиарщики раскручивали Зюганова на выборах 96 года, обеспечивая ему (а не Лебедю) попадание во второй тур выборов, чтобы на фоне Зюганова Ельцин показался бы лучшей альтернативой: «уж кто угодно, но только бы коммунисты не вернулись к власти!».

Подобный же прием мог наличествовать и в данной ситуации. Фракция «Родина» без Глазьева производит впечатление прокремлевской, так что ее депутаты могли получить одобрение на свой дерзкий поступок из-за стен Думы.

Ну, а другие силы, которые не столь благодушно взирают на нынешнего президента, решили извлечь свои выгоды из начавшейся партии. В общем – в демонстративной вспышке беззубого антисемитизма были заинтересованы многие. Но не Церковь.

В подобных ситуации важно помнить евангельские слова о мудрости, которая у учеников Христа должна быть большей, чем у сынов века сего. Не всегда надо ввязываться в драку, когда для этого представляется возможность, пусть даже поначалу она кажется великолепной.

– Но, вместе с тем, эта книга, «Шулхан-Арух», о которой сейчас говорится, вышедшая в переводе и с предисловием одного из главных раввинов России Зиновья

вия Лазаревича Когана, действительно, содержит вещи, которые, может быть, и не стоило бы публиковать: там действительно, совершенно оскорбительные высказывания по отношению к христианам, и не только к христианам, а вообще к неевреям.

– Я, честно говоря, только приветствую выход этой книги. Еще больше я был бы рад, если бы был опубликован полный перевод книги «Шулхан-Арух». Дело в том, что это – классический памятник религиозной литературы, без знакомства с которым вообще никак нельзя заниматься гебраистикой, изучением иудаизма, еврейской культуры, традиций и, соответственно, всей западной культуры. Такого рода тексты должны публиковаться, должны быть хотя бы в научном обороте, независимо от того, какие оценки мы, с позиций сегодняшней морали, будем им ставить. В любых древних текстах можно найти массу оскорбительных выпадов в адрес соседей (варваров, собачьеличных, самоедов...)[419]. Даже в египетских мифах можно найти тезис о рабах как «живых мертвецах». И, конечно, какие-нибудь афро-американские ассоциации «Наследников бывших рабов» могли бы подать в суд на публикацию таких египетских текстов. Но вряд ли это было бы умно.

У Аристотеля есть весьма несовременное суждение: «Раб является своего рода частью господина, как бы одушевленной и отдаленной частью его тела» (Ари-

стотель. Политика. 1,2,20). И что же – не издавать теперь Аристотеля? Запретить преподавание его философии в университетах? Запретить воспроизводить этот фрагмент его текста?

Не надо цензурировать историю. А значит, нельзя цензурировать ни Евангелие, ни Аристотеля, ни Талмуд. Еже писах – писах.

В Сыктывкаре пару лет назад некий язычник подал в суд на епархию за то, что она распространяет Библию. И привел ветхозаветные места, утверждавшие превосходство народа Израиля над языческими соседями.

С другой стороны, если мы поддержим идею приведения всех переиздаваемых классических текстов в соответствие с нынешними стандартами, то нам будет трудно объяснить собственное нежелание отредактировать свои собственные богослужебные тексты. А идея устранения из страстных песнопений упоминания о «жидах»[420] уже давно веет если не в воздухе, то в прессе. В общем – живя в стеклянном доме, лучше не бросаться булыжниками.

Кроме того, эта книга может стать великолепным орудием в руках христианского миссионера.

Помнится, кто-то из средневековых богословов так ответил на вопрос, почему Бог терпит существование еврейского рода, несмотря на то, что тот не принял Христа: если бы иудеи не жили среди нас, то никто не поверил бы, что могли найтись люди, которые из-

за своей любви к своему закону могли убить такого доброго человека как Христос.

Не имея под рукой русского текста «Шулхан Аруха» трудно объяснить людям всю тяготу мелочно-законной регламентации жизни иудеев. Ведь не против пророков Израиля протестовал Христос! А против кого и чего? Библейский текст молчит о столетиях, пролегших между эпохой пророков и эпохой Христа. Книги, подобные Талмуду и «Шулхан Аруху» позволяют понять, в какую сторону эволюционировало религиозное сознание израильских учителей в эти без-пророческие столетия.

Если эту книгу дать почитать светскому еврею, который еще колеблется в поисках собственной идентичности и не понимает, должно ли его еврейство подталкивать его в иудейство, или же он имеет право прислушаться к голосу Церкви, которая называет себя Русской и Православной, если такому человеку в минуту колебаний дать эту книгу, я убежден, что в 90 случаях из 100 он скажет: «Нет, если это – иудаизм, то я иудеем быть не хочу!».

Многим людям, которые о «Шулхан Арухе» услышали только в связи с «письмом пятисот», кажется, что это просто свод ругательств в адрес христиан. На самом деле это тема достаточно маргинальная для этой книги. Из ее тысячи страниц лишь пятьдесят занимают советы, касающиеся не-евреев, но зато все остальные

советы – нормируют собственную внутреннюю жизнь еврейской семьи. Регламентируется все, включая твоё поведение в туалете: какую руку можно использовать при подтирании, а какую нет, о чем можно думать в отхожем месте, о чем – нет, и даже приводится молитва исхода из нудника: «Боже, благодарю Тебя за то, что ты создал во мне столь необходимые отверстия».

Из этой книги можно узнать о том, какой вывод сделали раввины из ветхозаветной заповеди о субботе: они решили, что запрет на труд в субботу означает запрет на труд по добыче огня, а отсюда извели, что огонь запрещено не только зажигать, но и гасить, а, отсюда очевидно, что пожар, возникший в субботу, гасить нельзя! В крайнем случае, можно обложить место возгорания мокрыми полотенцами и позвать гоев, чтобы они потушили пожар в еврейском доме.

Так вот, я думаю, что при виде сотен страниц такого рода крайне ригористических детальнейших и мелочных наставлений человек обычного светского воспитания, прошедший нашу советскую, российскую школу и университет, вряд ли начнет возлагать это иго на свою шею. Так что в библиотеке христианского миссионера эта книга должна быть.

И еще одна несомненная польза от издания этой книги: знакомство с ней позволяет понять, реакцией на что являются по крайней мере некоторые антисемитские настроения.

Сегодня часто говорят о существовавшем среди христианских европейских народов антисемитизме[421]. Это реальная проблема и болезнь (любая ненависть есть болезнь для христианина). Но для лечения болезни хорошо бы знать о ее истоках и причинах. Само слово «антисемитизм» включает в себя приставку «анти» и тем показывает, что он есть реакция на что-то. На что? Публикация этой книги показывает, реакцией на что именно могли быть те или иные случаи резких антисемитских высказываний или действий[422].

Итак, я не считаю эту книжку запретной и не считаю грехом и преступлением ее издание.

Вопрос в другом – в культуре чтения. Мы, православные люди, знаем, что есть Писание, а есть – традиция чтения Писания. Поскольку иудаизм – это тоже традиция, для нас тоже возникает вопрос. Вот есть старый текст (в данном случае текст родом из XVI века, составленный, на основе более древних текстов Талмуда). И есть современные евреи. И неизбежен вопрос: что сегодня этот текст означает для евреев?

Из окончательного варианта эфира выпал очень важный эпизод: я обратился к Владимиру Слуцкеру, президенту Российско-еврейского Конгресса, который сидел рядом со мной, зачитал ему «Шулхан-Арух» (он был у меня с собой), и прочитал следующее: «Запрещается делать похвалы нееврею – даже восхищаться его внешностью. Тем более запрещается восхвалять

нееврея за его добрые дела» (Кицур Шулхан Арух. Краткий свод законов еврейской жизни. Т.2. Иерусалим, 1996, с. 618)[423]. «Меня интересует, Владимир, вот для Вас это установление древних раввинов – это правило Вашей жизни и сегодня? Вы по этому правилу живете? У меня вопрос – Вы можете о космонавте Леонове сказать какие-то добрые слова?» И Слуцкер немедленно говорит: «Ну, какое мне дело, что написано в этой древней книжке, это неважно, мы этим уже не руководствуемся, конечно же, Алексей Архипович Леонов замечательный человек! Кстати, и внешность у него тоже самая симпатичная!».

Есть большой и сложный текст. Есть традиция его прочтения. Есть современная его актуализация, которая может отличаться от того, как и что акцентировалось в этом же тексте в прошлые века.

Например, в Евангелии есть слова, сказанные Христом иудеям: «Ваш отец диавол» (Ин. 8,44). Но, оказывается, в святоотеческой традиции толкования этого речения были разными.

Преп. Макарий Великий эти слова относил не к иудеям, а ко всему «грешному роду Адамову»[424].

Так же (по крайней мере в некоторых своих Словах) мыслил и св. Иоанн Златоуст: "Мы именуемся чадами самого диавола. Вы – говорит Христос – отца вашего диавола есте... (Христос молился о прощении распинавших. Могла ли Его молитва быть не услышанной?)

«Что же? Отпустил им грех? Отпустил, если они хотели каяться, а если бы Он не отпустил им греха, то Павел не сделался бы апостолом, если бы не отпустил им греха, то не уверовали бы тотчас ни три тысячи, ни пять тысяч, ни бесчисленное множество. А что уверовало бесчисленное множество иудеев, послушай, что говорят апостолы Павлу: „видиши ли брате, колико тем есть иудей веровавших“ (Деян. 21, 20)»[425].

А были и узкие толкования этого места, при которых сам толкователь себя лично изымал из под действия этих строгих слов Спасителя. Причем такие толкования совмещали как сужение, так и последующее расширение этих слов: сначала оно сужалось до приложения только к распинателям Христа (т.е. мои грехи к Распятию Христа отношения не имеют), а затем расширялось – оказывается, оно касалось не только иерусалимской толпы, но евреев всех поколений и всяческой прописки.

И для нас, православных христиан, это серьезный вопрос: как нам при богатстве и разнообразии нашей толковательной традиции, распознать тексты, на которые мы могли бы опереться в нашей сегодняшней проповеди? Что мы сегодня актуализируем в нашей жизни? Не от нас зависит, как и во что верят иудеи. Но от нас зависит – будем ли мы сами в ответ копить цитаты погромного характера или же противоположного.

Точно такой же вопрос стоит и перед мусульмана-

ми: в их истории тоже были суждения как самые резкие, так и разные. И мы видим и надеемся, что российские мусульмане ориентированы не на традицию конфликта («ваххабизм»), а на другую, мирную, но тоже мусульманскую, традицию. Наверно, и в мире иудеев есть такие различия.

Не всегда «богословие любви» и «богословие ненависти» живут порознь. Они могут жить в одном человеке и в одной книге.

А потому человек может любить некоего проповедника за одни его находки и советы, и при этом не соглашаться с другими его суждениями. Если этот проповедник вошел в набор классических для данной традиции имен – издаваться его творения должны полностью. Но современный преподаватель может по разному маркировать разные страницы этого полного издания.

Вот, скажем, главный памятник русского средневекового богословия – «Просветитель» преп. Иосифа Волоцкого. В этой книге, а также в письмах преп. Иосифа есть немало жестких слов об иудеях. Есть и призывы сжигать еретиков. «Если услышишь, что кто-нибудь на перекрестке или на торгу среди народа хулит Владыку Христа, подойди и запрети. Если же придется и побить его, не отвращайся – ударь его по щеке, сокруши его уста, освяти руку свою раной» (Просветитель, слово 13).

Имеем ли мы право переиздавать эти творения? – Да. Можем ли изучать их в семинариях? – Да. Но вряд ли кто-то из наших семинарских преподавателей скажет: «Учитесь, братья, у преп. Иосифа, как надо относиться к инаковерующим, и на будущих своих приходах запасайте потихоньку железные клетки и сухие дровишки для последующего сожжения в них всех расплодившихся ныне еретиков! Да, и если кто из вас осквернил свою руку рукоблудием, то найди на улице еретика и дай ему по лицу – освяти свою руку этим ударом».

В одном и том же тексте могут очень различаться – то, что в нем страшит посторонних и то, что радует своих. Кого-то отталкивает от рок-певца Константина Кинчева то, что он стоит на сцене с обнаженным татуированным торсом. Но то, что мне в Кинчеве нравится, честное слово, никак с его торсом не связано – мне нравятся некоторые его стихи. Вот также нецерковные люди боязливо сторонятся книг преп. Иосифа – потому что в их памяти он жестко ассоциирован только с апологией «градских казней». А для церковного человека преп. Иосиф памятен прежде всего совсем иным – например, безмерной благотворительностью своего монастыря...

Так может быть и с читателями «Шулхан Аруха» – они сегодня могут ценить в этой книге и принимать как руководство к ежедневной жизни совсем не то, что «напрягает» нас в этом тексте.

Вообще же надо честно признать, что традиция «богословия ненависти» была в истории самых разных религий и нашла свое отражение в их текстах. В христианских проповедях поносились иудеи и мусульмане. В мусульманских наставлениях уничижительно характеризовались христиане и опять же иудеи. В иудейских текстах формировался образ христиан и мусульман как врагов[426].

Еще в античной школе риторики преподавалось искусство поношения оппонента – по-гречески это называлось «псогос». Это была буквально школа злословия. На курсах риторики обучали приемам, когда максимально уничижают оппонента. Св. Василий Великий был выпускником и отличником сразу двух школ – школы античной культуры и школы евангельского благочестия. Отсюда вопрос – в каком из этих классов св. Василий учился так отзываться о своих оппонентах – «Как же быть правой мысли у тех, у кого и ноги кривы?»[427].

Были, были и в истории православия свои «пяти минутки ненависти». И в словах св. Иоанна Златоуста против иудеев есть и признания в личной ненависти к иудеям, и призывы к другим возвращать в себе эту ненависть («Значит, поэтому-то больше и следует ненавидеть их, вместе с синагогою, что они оскорбляют святых тех» (св. Иоанн Златоуст. 1 слово против иудеев). «И я за то ненавижу иудеев, что они имеют закон, но нарушают его» (там же, слово 6)).

А преп. Макарий Великий в те же годы говорит: «Ныне после крестного знамения благодать так действует и умиряет все члены и сердце, что душа от великой радости уподобляется незлобивому младенцу, и человек не осуждает уже ни эллина, ни иудея, ни грешника, ни мирянина, но на всех чистым оком взирает внутренний человек, и всемерно желает почтить и полюбить эллинов и иудеев»[428]. Так что у христианского проповедника есть выбор: какую из этих существовавших традиций проповеди актуализировать сегодня. И из того, что у меня дома стоит полное собрание творений Иоанн Златоуста, еще не следует, что я из Златоуста беру именно речения ненависти.

Было бы логично предположить подобную свободу и у иудейского проповедника.

А потому надо помнить золотое правило этики (в том числе и евангельской): не поступай с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступали с тобой. Если бы нам сейчас удалось добиться какого-то судебного продолжения этого «письма пятисот» в том виде, в каком оно было опубликовано и довести до какого-то постановления, то это бы означало, что мы вырыли могилу не только для еврейских религиозных организаций, но и для самих себя. Потому что дальше точно так же будут инициированы судебные дела против нас.

Да, нам обидно, когда нас в еврейских текстах называют животными. Но, простите, что более резко: на-

звать своего оппонента животным или бесом? По нашей, христианской, шкале ценностей, конечно, если тебя называли бесом – это хуже, чем животным. Но мы же точно знаем, что у святых отцов (например, св. Кирилла Александрийского) были очень резкие суждения об иудеях как о «бесах во плоти» (но опять же вспомним, что и нашего апостола Павла иудеи чествуют сатаной).

А, значит, современные суды и прокуроры должны разбираться не с тем, что было, а с тем, что есть. И если будет доказано и выяснено, что именно сегодня некий иудейский проповедник или педагог предлагает своим ученикам руководствоваться уничижающими (а не иными) советами «Шулхан Аруха», что он знакомит учеников с этими текстами не как с памятником былых времен, а как с сегодняшней инструкцией, то деятельность такого педагога должна стать предметом судебного разбирательства – с этим педагогом, но не с книжкой.

Если православный проповедник придет в школу, пусть даже в православную, и начнет говорить о том, что все некрещеные евреи носят в себе семя сатаны, они все бесы во плоти, и долг христианина в том, чтобы культивировать в себе ненависть к ним, то он станет нарушителем гражданских законов России. Если такой православный проповедник предстанет перед судом, он достойное по делам своим приемлет. Но если обна-

ружится раввин, который в таком же духе учит своих детей, то и он не должен быть неподсуден. Двойных стандартов быть не должно.

– Ваши мотивы понятны. И что же именно Вы сказали в передаче «К барьеру»?

– Я поблагодарил Альберта Михайловича Макашева за его любовь к России и к русскому народу. Но заметил, что любить свое не обязательно означает ненавидеть чужое. Затем я обратился к нему на его языке – языке военного человека: Вы – генерал-полковник, командующий округом. В случае войны округ разворачивается во фронт. Значит, Вы – командующий фронтом. А, значит, – стратег, полководец. Так вот, скажите, Вы всегда начинаете боевую операцию без предварительной рекогносцировки? Читали ли Вы «Кицур Шулхан Арух», книгу, цитаты из которой являются основным стержнем подписанного Вами письма?

К моему удивлению, Макашев сказал, что он эту книгу читал. Более того – она у него с собой. И тут его помощники подали ему брошюрку страниц на 50. У меня же в руках было двухтомное издание «Шулхан Аруха» общим объемом за тысячу страниц. Поэтому я и спросил Альберта Михайловича: «Вы уверены, что мы одну и ту же книгу читали? Разница в объеме Вас никак не смущает?» Он сказал, что – нет.

Ситуация почти юмористическая. Дело в том, что при переводе «Шулхан Аруха» на русский язык (как ра-

нее и при переводах на другие европейские языки) оттуда были убраны почти все законы, касающиеся отношения иудеев к не-евреям. Однако, в 1883 году в Германии Арон Бирманн, еврей, принявший христианство, сравнил оригинал и переводы. Пропущенные тексты он опубликовал под псевдонимом Юстус и под названием «Еврейское Зеркало». Последовал судебный процесс, в ходе которого благодаря показаниям эксперта семитолога Якоба Эккера было доказано, что книга Юстуса не памфлет, а воспроизведение действительно существующих текстов. Эккер выпустил параллельное издание: тексты на языке оригинала и перевод[429]. Там и в самом деле были такие, например, заповеди: “Когда увидишь, что один из них упал в море, то не выручай его, даже если он хочет заплатить (Талмуд. Абода зара, 26). Согласно с этим, их нельзя и лечить даже за деньги, за исключением того случая, когда можно опасаться неприязни, потому что тогда разрешается даже безвозмездно, когда нельзя уклониться от этого. А также дозволено испытывать на акуме (язычнике) лекарство, полезно ли оно”[430]. Толкование этого места с участием раввина Довида (Вадима Карпова), руководителя общины «Даркей шалом» в Синагоге в Отрадном (г. Москва), который не отрицал существование такого текста, в свое время шло в интернете[431].

С соответствующей немецкой брошюры и был сде-

лан русский перевод[432], экземпляр которого и держал в руках генерал Макашев. То есть он обвинял евреев в издании книги, в которой сами евреи в порядке самоцензуры выпустили как раз те места, которые им ставил в вину их оппонент. В общем – Макашев был «не в теме». Генерал начал бой без рекогносцировки.

Затем я попробовал пояснить ему его второй военный грех: «Вы всегда ставите перед своими войсками заведомо неисполнимые задачи? Письмо требует закрыть все вообще религиозные и общественные еврейские организации в России». С этим он тут же согласился: да, слово «все» было явно лишним. На этом наше общение в эфире завершилось (а вне эфира уже после передачи Макашев, который отказался подать руку Леонову, подошел и мне руку целовал – естественно не по моей инициативе и не по избытку своей собственной церковности).

И вновь подставляю зеркало подписантам «письма пятисот»: как бы они отнеслись к тому, что в ответ на «жидоедскую» публикацию в каком-нибудь «Русском порядке» прокуратура потребовала бы закрыть все русские общественные, культурные и православные организации?

Эту патологическую неспособность сохранить трезвость при обсуждении национальной тематики подметили еще трезвые эмигрантские публицисты. У Шульгина это описывалось так: «При помощи печати еврей-

ство навело форменный террор на русскую интеллигенцию. Я знаю многих людей, которые освободились от политических и социальных предрассудков, коими они были опутаны до революции, но которые до сих пор трепещут при одной мысли, как бы их не причислили к антисемитам. И знал других, которые, зажав глаза, перепрыгнули через этот рубикон и, очутившись в непривычной для них обстановке, утратили всякое чувство меры»[433].

– Напоследок вопрос несколько иного ракурса. Вам не кажется, что своими выступлениями на еврейскую тематику Вы помешали евреям прийти в Церковь?

– Не думаю. Вся эта книжечка просит у евреев немного: во-первых – осторожности, во вторых – толики покаяния.

Когда я говорю об осторожности, то имею в виду и обретение навыка замечать собственные двойные стандарты, которые столь изумляют в еврейской полемической манере.

Разве не двойной стандарт проявляет “демократическая” пресса, освещая параллельные события в Магадане и в Освенциме? В Освенциме польские католики установили крест на месте расстрела полутора сотен поляков. “Поскольку крест хорошо виден из лагеря, это сразу же вызвало протесты иудеев. Как объяснил мне главный редактор издающегося в Варшаве еврейского журнала “Мидраж” Константин Геберт, с

крестом у евреев ассоциируется тысяча лет преследований, потому, по его словам, христианский символ на самом большом в мире кладбище евреев “неприемлем для нашего народа” [434].

А что в Магадане? – Над колымским городом, бывшем столицей ГУЛАГа, вознесен памятник жертвам репрессий, изготовленный скульптором Э. Неизвестным. В центре изваяния – фигура как бы распятого человека, гневно вздымающего сжатые кулаки, обращенные к небу... С точки зрения православных христиан, скульптура несомненно кощунственна. Но протест магаданского епископа Ростислава не был услышан. Жажда мести чудовище, срывающееся со креста, увенчало сопку, что возвышается над городом [435]... Так почему о боли евреев так громко печалуются, в то время как совершенно аналогичную боль православных не замечают?

Другой пример “двойных стандартов”: в либеральной публицистике считается хорошим тоном показывать пальцем на Церковь, иерархи которой произносили в послевоенные годы хвалебные оды в адрес Сталина. “Из отравленного имперским соблазном семени вырастает Московская патриархия, представляющая собой уродливое воплощение и завершение основного исторического греха сложившейся в России церковной организации – ее близости с государством. Своего рода классическим примером отступничества от

Христа войдет в историю осанна товарищу Сталину, вдохновенно провозглашенная Патриархом и архиереями”[436].

Но дерзнет ли Нежный заявить, что классическим примером предательства был Борис Пастернак? Его слова о Сталине вряд ли можно назвать менее “вдохновенными”, чем слова Патриарха Алексия I: “Дорогой Саша! – пишет Пастернак Фадееву, – Когда я прочел в “Правде” твою статью “О гуманизме Сталина”, мне захотелось написать тебе”. Прерву цитату: в статье Фадеева была фраза об отличии сталинского гуманизма “от всех и всяческих форм христианского гуманизма и от всех разновидностей старого “классического” гуманизма буржуазно-демократического толка”. Снова Пастернак: “Мне подумалось, что облегчение от чувств, теснящихся во мне всю последнюю неделю, я мог бы найти в письме к тебе. Как поразительна была сломившая все границы очевидность этого события, и его необозримость! Это тело в гробу с такими исполненными мысли и впервые отдыхающими руками вдруг покинуло рамки отдельного явления и заняло место какого-то то как бы олицетворенного начала, широчайшей общности, рядом с могуществом смерти и музыки, могуществом подытожившего себя века и могуществом пришедшего ко гробу народа... Какое счастье и гордость, что из всех стран мира именно наша земля стала родиной чистой мысли, всемирно признанным местом осу-

шленных слез и смытых обид!» [437].

Странно не то, что Пастернак понудил себя написать такие строки (впрочем, он был одним из первых создателей стихотворного сталинского культа). Странно то, что либеральная пресса ни словом его за это не прекнула. А вот патриарха Алексия I за подобные же слова, сказанные в те же дни, она поносит неустанно. Почему грех, не прощаемый Патриарху, не замечается, когда вспоминают поэта? Дело в различии их служений, или все же в национальности? Если уж не судить за те слова, что тогда говорились по сути из-под пытки (пытки страхом), то не судить никого: ни Пастернака, ни церковных иерархов.

А ведь в культе Сталина равнины заходили значительно дальше, чем православные епископы. 21 декабря 1949 года в симферопольской синагоге "состоялось богослужение в честь 70-летия со дня рождения Великого Вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина. В помещении синагоги (напротив кафедры) были вывешены две доски (изготовленные с разделкой под мрамор) с надписями на русском и еврейском со следующим содержанием: «Благословение ко дню исполнения 70-летия товарища И. В. Сталина. Тот, кто благословил наших предков Авраама, Исаака и Иакова, он же пусть благословит, возвысит и возвеличит вождя народов, мудрого учителя трудящихся всего мира, борца за мир во всем мире Генералиссимуса тов. И. В.

Сталина. Господь Бог сохранит его на долгие, долгие годы, продлит ему жизнь на благо и счастье нашей любимой Родины и всего человечества. Аминь»[438].

Кто-то видел мраморные таблички, висевшие в православных храмах с сообщениями о «богослужении в честь Великого Вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина»?

Так что не надо искусственно противопоставлять русский народ и еврейский. Вместе мы делали революции, вместе славили Сталина, вместе разваливали СССР. Вопрос только – кто стремился возглавить все эти примечательные движения...[439]

И разве призыв к покаянию мешает найти Христа? Увы, все «либеральные» (или еврейские) журналисты, откликнувшись на первое издание этой моей книги, проявили железобетонную решимость встать на защиту безупречности всех следов, оставляемых евреями в русской истории и культуре. Я же вновь скажу: для меня обсуждение темы ответственности христианства за холокост возможно только в жесткой увязке с осмыслением другой и одновременной трагедии – русской.

Хамство еврейских комиссаров и публицистов способствует распространению антисемитизма. А, значит, хочешь сделать шаг к преодолению антисемитизма – признай существование хамов-provokаторов и осадих... О чем тут спорить-то?

Да, апостол Павел говорил, что с эллинами надо

быть как эллин, а с иудеями – как иудей. Но иногда надо с «иудеями» говорить именно в качестве «эллина»: на языке, понятном для «иудеев», но тем не менее о вещах, которые болезненны именно для «эллина». Появилась феминистская литература, которая пробует объяснить мужчинам, насколько мир женщины не похож на мир мужчин[440]. Появились работы, в которых представители одной культуры обращаются к носителям иной культуры с пояснениями, где именно от их контакта возникают не только пространства творческого взрыва[441], но и зоны болевого шока (например, африканцы объясняют свою боль от европейской колонизации). Есть множество работ, в которых евреи предъявляют свои раны и болячки миру (причем обвиняя этот самый не-еврейский мир). Естественно, что появляются и исповеди обратной адресации.

Если же для кого-то эти мои размышления станут препятствием[442] – это не фатально. Милостью Божией, в Русской Православной Церкви есть немало священников-евреев. Это их естественная (хотя и очень трудная) задача – приводить своих братьев к вере во Христа. Так что еврей, который пожелает узнать о Христе из уст человека, более близкого и понятного для него, сможет найти себе такого собеседника в нашей Церкви. Православие многолико, многоязыко и широко. Если будет нужно – оно сможет даже отмежеваться от этой моей книжки. Но смогут ли иудеи отречься от

ксенофобских страничек в своих собственных книгах?